

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2024'4

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (заместитель главного редактора),
Е.И. Матюхова, (ответственный секретарь), М.И. Строкова

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Ключева, Е.М. Ломтева

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
‘Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)’

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Deputy Editor-in-Chief),
Elizaveta Matyukhova (Executive Secretary), Marina Strokova

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Elena Lomteva

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department for Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector for Structural Policy and Competitiveness, Center for Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center for North American Studies, Deputy Director, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center for Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia Pacific Studies, Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal 'The World Economy and International Relations' of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of Post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group for the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector for the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector for Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department for Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department for Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зачем нужно изучать циклы и волны политического развития? (интервью с главным редактором журнала)

Пантин В.И.12

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Двусторонние соглашения о свободной торговле в Латинской Америке в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство

Прохоренко И.Л.19

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Концепция “репутационной безопасности” в публичной дипломатии США после 2022 г.

Артамонова У.З.30

Видеоигры как инструмент формирования массового сознания

Строкова М.И.43

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ближе к Вашингтону, чем Брюсселю? Сравнительный анализ парадипломатии Гренландии и Фарерских островов

Белухин Н.Е.57

Ядерное нераспространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Селезнева Д.А.73

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

FORECASTING STUDIES

Why Is It Necessary to Study Cycles and Waves of Political Development? (An Interview with the Journal's Editor-in-Chief)
Pantin V.I.12

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

Bilateral Free Trade Agreements in Latin America in the Context of China's Struggle for Global Leadership
Prokhorenko I.L......19

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

Concept of Reputational Security in the U.S. Public Diplomacy After 2022
Artamonova U.Z.30

Video Games as an Instrument of Mass Consciousness Formation
Strokova M.I.43

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

Closer to Washington, than Brussels? The Comparative Analysis of Greenland's and Faroe Island's Paradiplomacy
Belukhin N.E.57

Nuclear Non-Proliferation in Asia-Pacific Region
Selezneva D.A.73

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию четвертый, последний в 2024 г., номер нашего журнала.

В выпуске четыре рубрики – **“Прогнозные исследования”**, **“Тренды и риски развития”**, **“Динамика социальных и политических пространств”** и **“Глобальная и региональная безопасность”**. В фокусе внимания авторов – потенциал применения циклически-волновой парадигмы в политических исследованиях и прогнозировании социально-политической динамики; роль двусторонних соглашений о свободной торговле со странами Латинской Америки и Карибского бассейна в борьбе Китая за глобальное лидерство; новые тенденции в публичной дипломатии США после февраля 2022 г. в контексте анализа концепции “репутационной безопасности” Николаса Калла; проблема влияния видеоигр с историческими сюжетами на массовое сознание; сравнительный анализ внешнеполитических и арктических стратегий автономных территорий Дании – Гренландии и Фарерских островов; риски ядерного нераспространения в связи с углублением существующих двусторонних партнерств и новых многосторонних форматов с участием США по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В рубрике **“Прогнозные исследования”** интервью главного редактора журнала “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН” с Владимиром Игоревичем Пантиним, ведущим российским политологом, специалистом в сфере прогнозирования мирового развития, изучения циклов и волн политического развития, глобальной политической истории, политической идентичности. Доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН В.И. Пантин рассказал о том, какие возможности для анализа и прогноза социально-политической динамики дает циклически-волновой подход и, в частности, идеи русского экономиста и социолога Н.Д. Кондратьева о длинных циклах динамики государств и международного сообщества в целом.

Рубрика **“Тренды и риски развития”** представлена статьей Ирины Львовны Прохоренко, доктора политических наук, заведующего отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, на тему “Двусторонние соглашения о свободной торговле в Латинской Америке в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство”. Политика КНР по заключению таких соглашений изучается с точки зрения особенностей экономической модели Китая, специфики его внешнеторговой деятельности, стратегии вовлечения латиноамериканских стран в реализацию глобальной инициативы “Пояс и путь”, трансрегионального взаимодействия КНР с международными организациями и субрегиональными интеграционными группировками в Латинской Америке и странах Карибского бассейна.

Рубрика **“Динамика социальных и политических пространств”** тематически сфокусирована на проблематике возможностей манипуляции массовым сознанием с использованием таких инструментов популярной культуры, как кинематограф и видеоигры.

Статья «Концепция “репутационной безопасности” в публичной дипломатии США после 2022 г.» Ульяны Звиадиевны Артамоновой, кандидата политических наук, научного сотрудника сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований, дает оценку когнитивному и практическому потенциалу идей Н. Калла в плане изучения тенденций в публичной дипломатии США последних лет, связанных с противостоянием США (Запада) и России в информационно-идейном пространстве

после февраля 2022 г. В фокусе исследования автора – инструментализации популярной культуры, в частности кинематографа, анализ кинокартин американского и европейского производства, вышедших после 2022 г. и тематически прямо или косвенно связанных с Россией. То, как в них изображается Россия, отличается от образа СССР/России в западном кино как периода холодной войны, так и в первых двух десятилетиях XXI в. Избранные США “переворот стереотипа” и чрезмерный фокус на подрыве чужой репутации несут потенциальные риски для самих Соединенных Штатов, что фактически ставит под сомнение валидность концепции “репутационной безопасности”, которая основывается на вере в то, что государство, обладающее заметной и положительной репутацией в международном сообществе, легче переживает различные кризисы.

В исследовании Марины Игоревны Строковой, старшего лаборанта-исследователя группы подготовки книжных изданий научно-издательского отдела ИМЭМО РАН, на тему “Видеоигры как инструмент формирования массового сознания” изучаются видеоигры с историческими сюжетами, созданные в различных жанрах игровой индустрии, влияние таких игр на политические взгляды и стереотипы, те или иные факты и события прошлого в условиях цифровизации общества и усложнения глобального цифрового пространства, в котором получают распространение и рождаются новые исторические образы, мифы и нарративы, а также дискурсы альтернативной истории.

Рубрику **“Глобальная и региональная безопасность”** открывает статья нашего постоянного автора Никиты Евгеньевича Белухина, младшего научного сотрудника сектора региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН. Рассуждая в категориях парадипломатии, автор проводит детальный сравнительный анализ внешнеполитических и арктических стратегий автономных территорий Дании – Гренландии и Фарерских островов. Нынешние стратегии этих двух датских автономий отличаются от первых, разработанных и принятых в начале 2010-х годов. Автор приходит к выводу, что фарерский документ 2022 г. сохранил прежнюю арктическую направленность, а гренландский 2024 г., напротив, существенно расширил географический и тематический диапазон по сравнению с концепцией 2011 г. В вопросах безопасности обе автономные территории опираются на членство в НАТО и не стремятся обрести особый демилитаризованный или нейтральный статус, настроены усилить свою роль в формировании и реализации решений оборонной политики на национальном уровне, особенно в строительстве военных объектов на собственной территории и процессах оборонного планирования на уровне НАТО.

Закрывает рубрику (и выпуск) статья Дарьи Александровны Селезневой, младшего научного сотрудника сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, на тему “Ядерное нераспространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе”. Автор справедливо указывает на Азиатско-Тихоокеанский регион как важнейший узел мировой политики и экономики, где переплелись интересы трех из пяти признанных ядерных государств – России, КНР и США, и рассматривает влияние инициатив Соединенных Штатов в регионе по вопросам безопасности, в которых так или иначе фигурирует ядерный компонент, на режим нераспространения ядерного оружия. В частности, автор изучает план участников АУКУС по оснащению Австралии атомными подводными лодками и выявляет в связи с этим возможные риски ядерного распространения.

Всех читателей, авторов и рецензентов редакция журнала поздравляет с новогодними праздниками, желает успехов и удачи в Новом году! Надеемся в 2025 г. порадовать читателей интересными статьями и интервью, а также тематическими выпусками по ключевым трендам и проблемам мирового и регионального развития.

Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала

ЗАЧЕМ НУЖНО ИЗУЧАТЬ ЦИКЛЫ И ВОЛНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

(ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА)

ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (v.pantin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-4218-4579

Пантин В.И. Зачем нужно изучать циклы и волны политического развития? (интервью с главным редактором журнала). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 4, сс. 12-18. DOI: 10.20542/afij-2024-4-12-18 EDN: DHNYNX

DOI: 10.20542/afij-2024-4-12-18

EDN: DHNYNX

УДК: 327+316.32+ 338.27

Поступила в редакцию 01.11.2024.

После доработки 14.11.2024.

Принята к публикации 01.12.2024.

В интервью главному редактору сетевого издания “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН” ведущий российский политолог, специалист в сфере прогнозирования мирового развития, изучения циклов и волн политического развития, глобальной политической истории, политической идентичности В.И. Пантин рассказал о том, какие возможности для анализа и прогноза социально-политической динамики дает циклически-волновой подход.

Ключевые слова: политическое развитие, циклически-волновая парадигма, природные и социальные циклы, циклы эволюции международной системы, циклы Кондратьева, прогнозные исследования, ИМЭМО РАН.

WHY IS IT NECESSARY TO STUDY CYCLES AND WAVES OF POLITICAL DEVELOPMENT?

(AN INTERVIEW WITH THE JOURNAL'S EDITOR-IN-CHIEF)

Received 01.11.2024. Revised 14.11.2024. Accepted 01.12.2024.

The Editor-in-Chief of ‘Analysis and Forecasting. IMEMO Journal’ interviews Vladimir I. Pantin, a leading Russian political scientist, a specialist in world development forecasting, in studying cycles and waves of political development, global political history and political identity. Dr. Pantin shares which opportunities a cycles-and-waves approach creates for analysis and prognosis of sociopolitical dynamics.

Vladimir I. PANTIN (v.pantin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-4218-4579, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Keywords: political development, paradigm of cycles and waves, natural and social cycles, cycles of world system evolution, Kondratiev cycles, forecasting studies, IMEMO.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

About the author:

Vladimir I. PANTIN, *Doct. Sci. (Philosoph.)*, Head of Department, Department for Comparative Political Studies, Center for Comparative Socio-Economical and Political Studies.

For citation: Pantin V.I. Why Is It Necessary to Study Cycles and Waves of Political Development? (an interview with the journal's Editor-in-Chief). *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 4, pp. 12-18. DOI: 10.20542/afj-2024-4-12-18 EDN: DHNYNX

Ирина Прохоренко. Владимир Игоревич, признательна, что нашли время дать интервью нашему журналу! Знаю, что 2024 г. стал особым для Вас. В этом году у Вас юбилей, круглая дата, поэтому от всей души поздравляю! Рада сообщить нашим читателям, что Министерство науки и высшего образования Российской Федерации присвоило Владимиру Игоревичу звание "Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации" за значительные заслуги и вклад в развитие науки, а также многолетний добросовестный труд.

Мы знаем Вас как авторитетного российского политолога, научные интересы которого чрезвычайно широки – это проблемы прогнозирования мировой динамики, анализ циклов и волн политического развития, глобальная политическая история, политическая социология и исследование общественного мнения, политическая, и в частности цивилизационная, идентичность. Ваши высокие наукометрические показатели по-настоящему поражают: индекс Хирша в РИНЦ – 41, Web of Science – 8, в Scopus – 5. Со всей уверенностью могу утверждать, что Вы один из самых цитируемых представителей российской политической науки, Ваши труды востребованы, их с интересом читают специалисты различных гуманитарных дисциплин. В прошлом году в издательстве "РОССПЭН" ("Политическая энциклопедия") вышла Ваша новая монография "Циклы и волны истории: Природа, человек, общество, культура" [1], посвященная возможностям циклически-волнового подхода для анализа и прогнозирования нелинейной социальной и политической динамики. Расскажите, пожалуйста, что представляет собой циклическая парадигма в политической теории и практике, каковы ее специфика и когнитивный потенциал.

Владимир Пантин. Спасибо за интерес к моим работам и к направлению политической теории, которые мы разрабатываем с коллегами, прежде всего с Владимиром Валентиновичем Лапкиным. Циклически-волновая парадигма в политических исследованиях основана на констатации нелинейного, волнообразного характера политической динамики, на известном структурном подобии циклов социально-политического развития. При этом, в отличие от большинства повторяющихся природных циклов (например, "день-ночь", времен года, вегетации растений, изменения климата, круговорота воды в природе, которые, кстати, оказывают существенное влияние на человека и общество), циклы общественного, в частности, политического развития не являются простым повторением друг друга, это эволюционные циклы, то есть циклы развития, а не повторения одного и того же. В общественной динамике любые циклы и волны накладываются на поступательное развитие, и это привносит элемент новизны в каждый последующий эволюционный цикл. Любой политический цикл (например, электоральный – цикл президентских или парламентских выборов в данной стране, цикл очередных политических реформ) всегда уникален, после его прохождения политическая система оказывается в принципиально новом состоянии. Тем не менее многие черты этих циклов воспроизводятся, несмотря на то что государство и общество после прохождения очередного эволюционного цикла претерпевают значительные изменения, возникают политические инновации, новые технологии и институты. Более того, сами эти политические изменения как раз и осуществляются посредством циклов и волн политического развития. Отсюда значимая роль разных циклов не только в природе, но и в обществе, которую нужно учитывать.

И.П. Мне импонируют Ваши рассуждения о циклах в природе и обществе, о человеке как о социоприродном существе, которое одновременно объединяет в себе и природное, и социальное. Какую роль играют циклы и волны в жизни человека и общества? И связанный с этим вопрос: что более повлияло на такой Ваш взгляд на сложную и противоречивую натуру

человека, какое из Ваших образований – естественнонаучное, политическое или философское? Вы ведь кандидат химических наук, кандидат политических наук и доктор философских наук, и в этом смысле прошли несколько циклов в своей научной жизни.

В.П. Мы часто не замечаем, что многие природные и социально-политические циклы играют значительную роль в нашей повседневной и общественной жизни. Влияние циклов “день–ночь” и смены времен года замечают все, потому что они диктуют нам, что делать – бодрствовать или спать, как одеваться и т.п. Но, например, воздействие циклов солнечной активности, а также циклов физической, психологической и эмоциональной активности, связанных с циклами нервной деятельности, замечают далеко не все. А напрасно, их нужно учитывать в своей работе и повседневной жизни, иначе мы рискуем здоровьем. Что касается социальных и политических циклов, то циклы “работа–отдых”, циклы смены поколений, электоральные циклы также во многом определяют нашу жизнь. Не говоря уже о циклах или волнах подъема и упадка государства и общества. Например, история Китая – это история больших социально-политических циклов, что хорошо известно и китайским историкам, и специалистам по Китаю из других стран.

С известной долей юмора можно утверждать вслед за квантовой механикой, что каждая элементарная частица – это одновременно и волна с определенной частотой колебаний. А поскольку все мы состоим из элементарных частиц, то каждый человек – это совокупность огромного количества волн с разными частотой и амплитудой. Это шутка, но в каждой шутке...

И.П. *Насколько мне известно, циклическую парадигму в анализе и прогнозировании политики развивали несколько крупных теоретиков, начиная от американского эксперта и политического историка А.М. Шлезингера-мл. [2], предложившего и обосновавшего концепцию циклов внутренней политики США, каждый из которых состоял из фазы либерально-реформистского курса и противоположной фазы – консервативной реакции на реформы. Почему Вы в своих теоретических разработках анализа и прогнозирования мировой (и страновой) динамики опирались именно на идеи русского экономиста и социолога Николая Дмитриевича Кондратьева о длинных циклах динамики государств и международного сообщества в целом [3], а не, скажем, на концепцию длинных циклов эволюции глобальной политики американского политолога Дж. Модельски [4, 5, 6]?*

В.П. В наших совместных работах с В.В. Лапкиным мы опирались и на идеи Н.Д. Кондратьева, и на работы А.М. Шлезингера-мл., которого Вы упомянули, и на исследования Дж. Модельски с У. Томпсоном [7], и на ряд работ других авторов. Циклы Кондратьева интересны тем, что они затрагивают не только волны технологических и экономических изменений, но и волны политических и даже культурных сдвигов.

Однако в своих работах мы преимущественно используем не циклы Кондратьева в том виде как он их описал, а циклы и волны эволюции международной системы. Эти эволюционные циклы, в отличие от циклов Кондратьева, состоят не из двух, а из четырех фаз, или волн, и охватывают более длительные периоды времени. Они также связаны с циклами мирового лидерства, и в этом смысле они имеют определенное отношение к циклам эволюции глобальной политики, которые описал Дж. Модельски. В то же время циклы эволюции международной системы, которые мы применяем для анализа и прогноза важнейших переломных точек (“точек поворота”) политического развития, отличаются и от циклов Модельски, и от циклов Кондратьева, хотя некоторая связь между ними существует.

И.П. *Знаю, что Вы стали в 2014 г. лауреатом золотой медали Н.Д. Кондратьева, которой Вас наградил учрежденный в 1992 г. Международный фонд им. Н.Д. Кондратьева. Как произошло Ваше знакомство с научными достижениями Н.Д. Кондратьева (1892–1938), судьба которого сложилась трагически, а научное наследие прошло долгий и трудный*

Мой личный взгляд на сложную, социоприродную сущность человека и общества возник и благодаря естественнонаучному образованию (я довольно долго работал в области биохимии и молекулярной биологии), а затем благодаря политическому и философскому образованию. Как ни парадоксально, все эти разделившиеся области знания, с моей точки зрения, дополняют друг друга и способствуют более глубокому постижению исследуемого предмета.

путь признания в советской/российской науке, прежде всего экономической? Так случилось, что его пришлось дважды реабилитировать в СССР – в 1963 г. и повторно в 1987 г. вместе с другим выдающимся экономистами так называемой организационно-производственной школы (А.В. Чаяновым, А.Н. Челинцевым, Н.П. Макаровым и другими). Фактически первым и главным популяризатором идей нашего соотечественника, ряд трудов которого были опубликованы на немецком и английском языках во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов, оказался австрийский (а впоследствии и американский) экономист и политический социолог Йозеф Шумпетер, именно его неологизм мы сегодня и используем – “длинные волны Кондратьева” (“кондратьевские волны” [8]).

Сам Н.Д. Кондратьев назвал свои циклы “большими циклами конъюнктуры”. По сути, он говорил о динамике мировых рынков, международной рыночной системы, на этом выстраивал свои математические (статистические) модели и методологию прогнозирования, пытаясь соединить изучение закономерностей и трендов товарного производства с прогнозированием и планированием в Советской России. Насколько эффективно мы можем использовать циклы Кондратьева в анализе и прогнозировании мирового социально-политического развития, нужно ли специалистам гуманитарного профиля, которые работают в этом предметном поле, разбираться в экономике, иметь хотя бы самое общее представление о мировом экономическом развитии, экономической истории? Или достаточно принять на веру выводы о циклическом развитии международной рыночной системы, не прибегая к междисциплинарному подходу и тем более не осваивая методы международной политэкономии, а может быть, даже искать в трудах ученого готовые ответы на поставленные вопросы? Что касается самой международной рыночной системы, она неоднородна, ей присущи дивергенция и конвергенция, она является многоуровневой и все более усложняется. Оказывает ли динамика и усложнение этой системы на фазы и продолжительность циклов и волн исторического развития?

В.П. Это очень важные и интересные вопросы, прежде всего вопрос о том, нужно ли при анализе и прогнозировании международного развития специалистам гуманитарного профиля разбираться в мировом экономическом развитии. Я думаю, что все-таки это необходимо, хотя бы потому что глубокие экономические сдвиги, кризисы и потрясения оказывают значительное влияние на страновое и международное политическое и социальное развитие. Конечно, готовых ответов на важнейшие вопросы международного и внутривнутриполитического развития нет и быть не может, здесь нужны междисциплинарные исследования. Однако Кондратьев был не только экономистом, но и социологом и даже отчасти политологом, поэтому его “большие циклы конъюнктуры” описывали не только экономическое, но отчасти и технологическое, социальное и политическое развитие. Другое дело, что эти циклы оказались недостаточными для описания таких сверхсложных систем, как общество и мировая система.

Да, действительно, международная рыночная система всегда была весьма неоднородной и многоуровневой, и ее усложнение, а также общее ускорение информационных, социально-экономических и политических процессов ведут к закономерному сокращению продолжительности фаз и волн исторического развития. И в наших исследованиях мы это учитываем в первую очередь, чего не делал Кондратьев и некоторые его последователи. Учет сокращения продолжительности циклов и волн эволюции международной системы позволяет более точно прогнозировать переломные точки (“точки поворота”) в политическом развитии.

И.П. Что можно прогнозировать с помощью циклов Кондратьева? Имеет ли смысл использовать циклы Кондратьева в сочетании с другими циклически-волновыми матрицами, может быть, более широкого контекста? Если попробовать “наложить” волны Кондратьева на этапы глобализации или, например, трансформации миропорядка, что мы можем получить, приведет ли такая попытка к приращению знания? И в чем вообще состоит различие между повышательными и понижательными волнами в циклах Кондратьева?

В.П. Мы как раз исходим из того, что циклы Кондратьева нужно использовать в сочетании с другими линейно-поступательными и нелинейными, волнообразными

тенденциями политического и социального развития. Я уже упоминал о циклах эволюции международной системы, которые являются результатом сочетания и взаимодействия циклов Кондратьева, циклов технологического обновления и циклов мирового лидерства (трансформации миропорядка). Так вот, из этого сочетания и наложения разных циклов следует, что начало 2020-х годов (условно 2020 г.) – это минимум не только экономической, но и политической конъюнктуры. А этот минимум, в свою очередь, ведет к общей дестабилизации и появлению элементов хаоса, к резкому усилению социальных и политических потрясений, международных конфликтов. Что мы и наблюдаем, к сожалению. Но дело тут не в отдельных политиках и их ошибках (хотя и то, и другое имеет место), а в том, что международная система в ее прежнем виде вышла за границы своего стабильного развития, происходит ее дестабилизация, которая ведет к формированию новых технологий, политических институтов, коалиций и объединений государств (например, ШОС, БРИКС+ и др.).

Определенная связь между циклами Кондратьева и динамикой процессов глобализации, как показано в ряде работ, например в работе Л.М. Синцера [9], существует. В периоды повышательных волн, когда преобладает благоприятная деловая конъюнктура, а временные кризисы преодолеваются сравнительно легко, наблюдаются подъемы глобализации. В периоды же понижательных волн, для которых характерно доминирование низкой конъюнктуры, а политическое и экономическое развитие замедляется или становится неустойчивым, наблюдаются относительные спады глобализации. Но самое интересное состоит в том, что развитие глобализации не прекращается и в периоды понижательных волн, а также кризисов и войн, просто оно принимает новые формы.

Некоторые западные и отечественные авторы пишут о “деглобализации” в 2010-е – 2020-е годы. Но в действительности сейчас происходит не “деглобализация”, а переход к более широкой и прочной основе глобализации. Эта более широкая основа включает не одну западную цивилизацию, а многие цивилизации и регионы мира, не один или два центра силы, а множество центров силы, которые сложным образом взаимодействуют друг с другом. В итоге, по нашим прогнозам, уже в 2030-е годы наступит новый подъем глобализации.

И.П. Хотела бы задать вопрос о потенциале циклически-волнового прогнозирования для практики, в процессе принятия и реализации политических решений, прогнозирования и стратегического планирования. Возможно ли заранее определить время и место глобальных социально-экономических и политических потрясений, драматических событий и ситуаций, острых конфликтов – внутригосударственных и международных? Подтверждались ли Ваши прогнозы?

В.П. Для практики, принятия и реализации политических решений важно то, что циклически-волновой подход позволяет прогнозировать вероятные кризисные и конфликтные периоды в социально-политическом развитии. Здесь стоит процитировать А.Дж. Тойнби, который писал в связи с циклическими процессами в природе и в обществе: “... урок истории больше похож не на гороскоп астролога, а на навигационную карту, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, больше возможности избежать кораблекрушения, чем если бы он плыл вслепую, ибо дает ему средство, употребив свое умение и мужество, проложить курс между указанными на карте скалами и рифами” [10, с. 35]. Так вот, циклически-волновое прогнозирование в известном смысле может дать некоторые важные фрагменты “навигационной карты”, помогая “проложить курс между указанными на карте скалами и рифами”.

Ряд наших прогнозов, сделанных на основании циклов эволюции международной системы, уже подтвердились, например, прогноз о наступлении глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 г. и о его долговременных социально-политических последствиях, сделанный в нашей с В.В. Лапкиным книге “Философия исторического прогнозирования”, изданной в 2006 г. [11, сс. 315, 318, 412]. Там же, еще в 2006 г. прогнозировалось резкое усиление экономических и политических противоречий между США и Китаем, а также

конфликт между Россией и объединенной Европой в 2020-е годы [11, с. 325]. Кроме того, в 2014 г. мы прогнозировали высокую вероятность конфликта между западными странами и РФ на территории Украины в начале 2020-х годов и то, что период 2021–2025 гг. вероятнее всего станет периодом максимального обострения внутренних социально-политических противоречий во многих странах мира, возникновения целого ряда международных конфликтов [12, сс. 404-406, 409]. Конечно, не все наши прогнозы подтвердились: например, не подтвердился прогноз о важной роли Японии в мировом развитии и о возможности смягчить конфликт между США и РФ путем договоренностей и компромиссов. Разумеется, ни один подход к прогнозированию, в том числе циклически-волновой подход, не является “универсальной отмычкой” или “золотым ключиком”, открывающим двери будущего. Тем не менее прогностический потенциал циклически-волнового подхода реально существует, и он подтвержден.

И.П. В каком направлении в настоящее время развивается циклически-волновая парадигма в политической теории, каковы, по Вашему мнению, направления перспективных исследований в данной сфере?

В.П. На мой взгляд, перспективы исследований в этой области включают анализ взаимодействия разных волн политической динамики и их “наложения” на поступательное развитие, которое, конечно, также присутствует. Это относится и к политической динамике отдельных государств, и к политической динамике целых регионов мира, цивилизационных образований, межгосударственных союзов. В результате такого “наложения” возникает целый ряд “точек поворота” в политическом развитии, которые можно прогнозировать.

По нашим прогнозам, такими “точками поворота” во внутренней и международной политике станут 2025–2026, 2029–2030 и 2033–2034 гг., причем в этих точках вероятны важные реформы в США, в КНР и в РФ (читатели скоро смогут проверить, верен ли этот прогноз).

Кроме того, важным и перспективным направлением политической теории является исследование того нового, что привносит каждый последующий цикл эволюции международной системы или цикл политических реформ и последующей реакции на них в США, в странах ЕС, в Китае, в РФ. Так, предыдущий цикл привел к формированию биполярной системы международных отношений (“биполярного миропорядка”). Нынешний цикл с высокой вероятностью может привести к формированию “многополярной” системы (полицентричного миропорядка). И этот новый миропорядок, конечно, будет гораздо сложнее и динамичнее, чем предшествующий “биполярный”. России крайне важно органично вписаться в него, для этого необходимо перейти от разрушительных для государства и общества огромных колебаний “политического маятника” (вспомним 1917 и 1991 гг.) к более плавным, эволюционным циклам и волнам политического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Пантин В.И. *Циклы и волны истории: Природа, человек, общество, культура*. Москва, Политическая энциклопедия, 2023. 310 с. [Pantin V.I. *Cycles and Waves of History: Nature, Man, Society, Culture*. Moscow, Political Encyclopedia, 2023. 310 p. (In Russ.).]
2. Шлезингер-мл. А.М. *Циклы американской истории*. Москва, Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 688 с. [Schlesinger A.M., Jr. *The Cycles of American History*. Moscow, Progress, Progress-Akademiya, 1992. 688 p. (In Russ.).]
3. Кондратьев Н.Д. *Проблемы экономической динамики*. Москва, Экономика, 1989. 526 с. [Kondratiev N.D. *The Problems of Economic Dynamics*. Moscow, Ekonomika, 1989. 526 p. (In Russ.).]
4. Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. London, Macmillan, 1987. 244 p.
5. Модельски Д. Эволюция глобальной политики (I). *Полис. Политические исследования*, 2005, № 3, сс. 62-82. [Modelski G. The Evolution of Global Politics (I). *Polis. Political Studies*, 2005, no. 3, pp. 62-82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.06>
6. Модельски Д. Эволюция глобальной политики (II). *Полис. Политические исследования*, 2005, № 4, сс. 124-142. [Modelski G. The Evolution of Global Politics (II). *Polis. Political Studies*, 2005, no. 4, pp. 124-142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>
7. Modelski G., Thompson W.R. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, University of South Carolina Press, 1996. 282 p.
8. Schumpeter J.A. *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, Toronto, London, McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.

9. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2000, № 5, сс. 56-64. [Sintserov L.M. Long Waves of Global Integration. *World Economy and International Relations*, 2000, no. 5, pp. 56-64. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2000-5-56-64
10. Тойнби А.Дж. *Цивилизация перед судом истории*. Москва, Прогресс–Культура, 1996. 480 с. [Toynbee A.J. *Civilization on Trial*. Moscow, Progress–Kul'tura, 1996. 480 p. (In Russ.)]
11. Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна, Феникс+, 2006. 448 с. [Pantin V.I., Lapkin V.V. *Philosophy of Historical Forecasting: Rhythms of History and Perspectives of Global Development in the First Half of 21st Century*. Dubna, Feniks +, 2006. 448 p. (In Russ.)]
12. Пантин В.И., Лапкин В.В. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна, Феникс+, 2014. 456 с. [Pantin V.I., Lapkin V.V. *Historical Forecasting in the 21st Century: Kondratiev Cycles, Evolutionary Cycles and Perspectives of Global Development*. Dubna, Feniks +, 2014. 456 p. (In Russ.)]

ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ КИТАЯ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

© ПРОХОРЕНКО И.Л., 2024

Прохоренко Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующий отделом
международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23
(irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934

Прохоренко И.Л. Двусторонние соглашения о свободной торговле в Латинской
Америке в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство. *Анализ и прогноз.*
Журнал ИМЭМО РАН, 2024, № 4, сс. 19-29. DOI: 10.20542/afij-2024-4-19-29 EDN: KSPDLW

DOI: 10.20542/afij-2024-4-19-29

EDN: KSPDLW

УДК: 327+327.8+339.543.624

Поступила в редакцию 07.11.2024.

После доработки 15.12.2024.

Принята к публикации 26.12.2024.

В данном исследовании с использованием организационной теории и пространственного подхода изучается стратегия Китая в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ), ее особенности и динамика начиная с 2000-х годов, дипломатические, институциональные и политические аспекты сотрудничества на страновом, субрегиональном и региональном уровнях, специфика реализации глобальной инициативы КНР “Пояс и путь” в ЛАКБ. В фокусе внимания автора инструмент двусторонних соглашений о свободной торговле, которые к настоящему времени Китай подписал с пятью странами региона – Чили, Коста-Рикой, Никарагуа, Перу и Эквадором. Сравнивая внешнеторговую и инвестиционную деятельность и политическое поведение Китая в регионе с политикой других ключевых внерегиональных игроков – Соединенных Штатов и Европейского союза, автор рассматривает данный инструмент углубленного торгового и инвестиционного сотрудничества в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство в условиях глобализации и меняющейся роли Китая в трансформации современного миропорядка. Выявляются экономическая, политическая и идеологическая мотивации сторон, осмысливается привлекательность Китая как альтернативной США влиятельной восходящей державы, сделан вывод о дифференцированном страновом подходе в рамках общей региональной стратегии КНР на создание зон свободной торговли (ЗСТ), исходя из внешнеторговых приоритетов Китая и задач по реализации проекта “Пояс и путь” в ЛАКБ. Обобщены мнения экспертов касательно позитивных и негативных последствий заключения двусторонних соглашений о ЗСТ для экономического роста и внешнеполитического позиционирования партнеров Китая, прежде всего в отношениях с США и другими западными странами. Сформулированы прогнозные оценки в отношении возможных перемен в стратегии США на латиноамериканском направлении после прихода в Белый дом новой администрации президента Д. Трампа в январе 2025 г.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: тренд полицентризма, трансформация миропорядка, новая биполярность, глобальное лидерство, Китай, Латинская Америка, зоны свободной торговли, региональная интеграция, мегарегиональные торговые и инвестиционные соглашения, “Пояс и путь”.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

BILATERAL FREE TRADE AGREEMENTS IN LATIN AMERICA IN THE CONTEXT OF CHINA'S STRUGGLE FOR GLOBAL LEADERSHIP

Received 07.11.2024. Revised 15.12.2024. Accepted 24.12.2024.

*Irina L. Prokhorenko (irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

The study, with the use of organizational theory and spatial approach, considers China's strategy in Latin America and the Caribbean (LAC), its features and dynamics since 2000s, diplomatic, institutional and political aspects of cooperation on intergovernmental, subregional and regional levels, implementation specifics of PRC's 'One belt, one road' global initiative in LAC. The author focuses on a tool of free trade agreements that China has already signed with five countries in the region – Chile, Costa Rica, Nicaragua, Peru and Ecuador. While comparing foreign trade, investments and political behaviour of China with those of other main extraregional players – U.S. and EU, the author views this tool as a deeper trade and investment cooperation in the context of China's struggle for global leadership during globalization processes with a changing China's role in world order transformation. Economic, political and ideological motivation of all parties are highlighted, China's appeal as a rising power, an alternative to U.S., is thought over. A conclusion is made that PRC has a differentiated approach to countries as a part of its regional strategy of creating free trade areas (FTA), which is seen in China's foreign trade priorities and goals in implementation of 'One belt, one road' project in LAC. Expert estimations and opinions on positive and negative consequences of bilateral FTA agreements on economic growth and foreign policy positioning of China's partners are summarized, especially on relations with U.S. and other Western countries. A prognosis is made on what changes can be expected in U.S. strategy for Latin America after Donald Trump's new administration comes to power in January 2025.

Keywords: *trend of polycentrism, world order transformation, new bipolarity, global leadership, China, Latin America, free trade areas, regional integration, 'One Belt, One Road'.*

About the author:

Irina L. PROKHORENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for International Political Problems.

Competing interests: *no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.*

Funding: *no funding was received for conducting this study.*

For citation: Prokhorenko I.L. Bilateral Free Trade Agreements in Latin America in the Context of China's Struggle for Global Leadership. *Analysis and Forecasting*. IMEMO Journal, 2024, no. 4, pp.19-29. DOI: 10.20542/afj-2024-4-19-29 EDN: KSPDLW

ВВЕДЕНИЕ

Двусторонние (имногосторонние) соглашения о свободной торговле стали привычным явлением международных экономических отношений, торгового и инвестиционного сотрудничества с участием двух или нескольких стран, причем необязательно соседей в территориальном плане. После 15-летнего пребывания в статусе кандидата Китай вступил во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. и с этого времени активно ведет переговоры и заключает двусторонние и региональные соглашения о свободной торговле в различных регионах мира.

Этот инструмент торговой политики имеет особое значение для Китая как ведущего и исключительно важного участника мировой торговли и локомотива глобальной экономики. Экономическая модель КНР основана на принципах меркантилизма, а экспорт является мотором национальной экономики в условиях высокой нормы накопления и низкого отношения потребительских расходов к ВВП [1], что является характерным для стран “догоняющего развития”, а также снижения рождаемости и старения населения. В настоящее время дополнительными факторами такого экономического поведения Китая становятся риски нового витка торговых войн¹, перепроизводства² и дефляции, несмотря на попытки Народного банка Китая стимулировать внутренний спрос³.

Вместе с тем зоны свободной торговли (ЗСТ) нельзя рассматривать исключительно как средство внешнеэкономической кооперации и снижения тарифных и нетарифных барьеров. ЗСТ, наряду с официальной помощью, прямыми инвестициями, сотрудничеством в финансовой сфере и ресурсной дипломатией, традиционно относили к китайской экономической дипломатии [2, р. 241] (с запуском инициативы “Пояс и путь” в 2013 г. к этому еще добавилось и строительство транспортных хабов [3]), а принятие решений по вопросу соглашений о свободной торговле и экономической дипломатии в целом находится где-то посередине между внешней политикой и внешнеэкономической политикой [2, р. 249-250]. ЗСТ фактически являются инструментом формирования не только экономических, но и политических пространств.

Речь идет также о целеполагании субъекта мировой политики претендовать на региональное и/или глобальное лидерство, добиваться сохранения прежнего миропорядка или продвигать проект нового, формировать его контуры, решать проблемы управляемости в современной мировой системе в различных сферах и на различном уровне, что в свою очередь ставит вопрос о возможных противоречиях между внешнеторговой политикой и политической эффективностью внешнеторговой политики.

Китай как первый в мире экспортер и второй (после США) крупнейший импортер товарной продукции⁴, однако до сих пор не признанный ВТО страной с рыночной экономикой, заинтересован учреждать зоны свободной торговли в русле либерализации собственного торгового режима, открытия секторов экономики для иностранных инвесторов, трудовой эмиграции [4]. Страна весьма эффективно использует ЗСТ как ресурс в своей борьбе за глобальное лидерство, фактически следуя за Соединенными Штатами и Европейским союзом, однако предлагая отличную от западных модель внешнеторговой деятельности [5]. Китай давно перестал быть рядовым участником мировой системы. По всей видимости, его уже можно рассматривать не только как бенефициара мировой экономической системы, “хранителя” основ рыночной экономики и одного из двигателей ее развития, а как глобального игрока, предлагающего миру иную, отличную от

¹ China Wants Consumers to Spend, Spend, Spend as Trade War Nears. *Bloomberg News*, 13.12.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-12-13/china-wants-consumers-to-spend-spend-spend-as-trade-war-nears> (accessed 13.12.2024).

² How the U.S. Should Address Chinese Overcapacity and Its Impact on International Trade. *Brookings's John L. Thornton China Center*, 19.12.2024. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/how-the-us-should-address-chinese-overcapacity-and-its-impact-on-international-trade/> (accessed 19.12.2024).

³ What China's Persistent Deflation Means for the World. *Bloomberg News*, 14.12.2024. Available at: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-13/china-economy-what-is-deflation-why-is-it-hard-to-fix-why-it-matters?cmpid=BBD121324_politics&utm_campaign=bop&utm_medium=email&utm_source=newsletter&utm_term=241213 (accessed 15.12.2024).

⁴ *Risks and Resilience in Global Trade: Key Trends in 2023-2024*. Paris, OECD Publishing, 2024, p. 19. <https://doi.org/10.1787/1c66c439-en>

американской, модель “спонсорства” [6; 7]. Ведущий китайский теоретик-международник Янь Сюэтуан полагает, что современный миропорядок можно охарактеризовать как биполярный с США и КНР в качестве полюсов. В условиях глобализации и установления Китаем множества сложных взаимосвязей с остальным миром, такая биполяризация нового типа побуждает меньшие страны выбирать сторону Соединенных Штатов или Китая, основываясь на конкретных проблемах, не тех, которые служили мотивом выбора между СССР и США в период холодной войны, и примыкая к Китаю прежде всего в экономических вопросах, а не в вопросах безопасности [8, сс. 254-257].

СПЕЦИФИКА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) относительно недавно оказалась в фокусе пристального внимания КНР, по сравнению, например, с Тихоокеанской Азией, куда сместился центр мира и где Китай достаточно давно и успешно развивает трансрегиональные связи с АСЕАН в формате АСЕАН плюс один, а также предлагает собственную модель экономической интеграции – проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Результативной оказалась и реализация его стратегии на Африканском континенте, где КНР использует в том числе советский опыт сотрудничества со странами социалистической ориентации и исправляет ошибки, наносящие ущерб его международному имиджу в сфере так называемой долговой дипломатии, в вопросах необходимости привлечения местных трудовых ресурсов для своих инфраструктурных и производственных проектов и т.д., а также в Европе, на Ближнем Востоке и в Большой Евразии после распада СССР.

Китайско-латиноамериканские отношения начинают динамично развиваться только в 2000-е годы. К этому времени Китайской Народной Республике удалось постепенно, начиная с 1970-х годов установить дипломатические отношения со многими странами ЛАКБ, которые до этого имели официальные дипломатические связи с Китайской Республикой (Тайванем), и тем самым продвинуться по пути решения важной для себя внешнеполитической задачи – фактической международной изоляции Тайваня. Устанавливая дипломатические отношения с КНР, латиноамериканские страны, особенно малые и бедные, руководствовались мотивами экономического свойства: признание “одного Китая” фактически было обязательным условием торгового и инвестиционного сотрудничества с восходящим гигантом, получения займов, а позже – участия в китайской глобальной инклюзивной инициативе “Пояс и путь”. В настоящее время признают государственный суверенитет Китайской Республики (Тайваня) Белиз, Гватемала, Гаити, Маршалловы Острова, Палау, Парагвай, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, что, впрочем, не означает отсутствие торговых связей. К примеру, по итогам 2023 г. Китай оказался третьим по значимости торговым партнером Парагвая по импорту (19.4%), хотя последний ничего не экспортирует в КНР⁵.

При этом налаживание устойчивых экономических связей КНР подкрепляла активизацией политического диалога и научно-технического сотрудничества, что нашло свое отражение в Белых книгах Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна 2008⁶ и 2016 гг.⁷ В 2008 г. Китай заявил о себе как о крупнейшей развивающейся стране мира, которая “привержена пути мирного развития и стратегии открытости, которая принесет пользу всем, ... и готова к дружественному сотрудничеству со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования и построению гармоничного мира, прочного мира и общего процветания”. В тексте 2016 г. было подчеркнуто, что “развитие Китая невозможно без развития других развивающихся стран, включая страны Латинской Америки и Карибского бассейна”, а число направлений двустороннего и многостороннего сотрудничества увеличилось с четырех до шести: политический диалог, экономическая

⁵ *Trade, Not Politics Frame the China-Paraguay Relationship*. China Global South Project, 09.12.2024. Available at: <https://chinaglobalsouth.com/2024/12/09/trade-not-politics-frame-the-china-paraguay-relationship/> (accessed 10.12.2024).

⁶ *Full Text: China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean*. China Daily, 06.11.2008. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/china/2008-11/06/content_7179488.htm (accessed 15.09.2024).

⁷ *Full Text of China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean*. State Council of the People's Republic of China, 24.11.2016. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/11/24/content_281475499069158.htm (accessed 15.09.2024).

кооперация, сотрудничество по социальным вопросам, культурный диалог и контакты между народами, сотрудничество по ключевым вопросам международной повестки и поиску решений глобальных проблем, а также взаимодействие по вопросам мира, безопасности и правосудия.

Рациональность, прагматизм, упорство и выдержанность с расчетом на перспективу, акцент на сотрудничество по линии Юг–Юг, сочетание двустороннего и многостороннего подходов, многообразие партнерских форматов (партнерство, стратегическое партнерство, всеобъемлющее стратегическое партнерство как последовательные шаги в “дорожной карте” динамики отношений с ключевыми странами региона) китайские эксперты называют отличительными чертами стратегии страны в ЛАКБ [9;10]. В 2012 г. уровня всеобъемлющего стратегического партнерства достигли отношения Китая с Бразилией, в последующие четыре года аналогичный формат взаимодействия был установлен с Мексикой, Аргентиной, Венесуэлой, Тринидадом и Тобаго, Эквадором и Чили, позже – с Ямайкой и Уругваем. Стратегические партнерские отношения Китая к настоящему времени имеет с Коста-Рикой, Суринамом и Колумбией.

Со стороны латиноамериканских стран приоритет в установлении такого рода партнерств объяснялся в первую очередь экономическими причинами, учитывая политику меркантилизма Китая и особенности экономических моделей государств ЛАКБ, ориентированных прежде всего не на внутрирегиональную торговлю, а на внешнеэкономические отношения с третьими странами, прежде всего с Соединенными Штатами с их емким внутренним рынком⁸. Однако нельзя сбрасывать со счетов политические и даже идеологические мотивы, которые обретали большой вес в условиях эрозии условно однополярного мира и превращения Китая в экономического конкурента и геополитического соперника США, на фоне так называемого левого поворота в регионе [11] и интереса ряда политических режимов в Латинской Америке, проявляемого к опыту китайской социалистической рыночной экономики. Свое значение имели приоритетное внимание Соединенных Штатов Индо-Тихоокеанскому региону и известная маргинализация ЛАКБ с точки зрения ее роли в мировой экономике и влияния на формирование глобальной повестки.

В то же время нельзя отрицать того, что имеет место долговая зависимость государств ЛАКБ от Китая, внешнеторговый дефицит в пользу КНР, местные производители не выдерживают конкуренции более дешевых китайских товаров⁹, а инфраструктурные проекты Китая разрушают уникальные экосистемы Латинской Америки и угрожают нарушить привычную жизнь индейских сообществ, на что, в частности, указывает опубликованный Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам ООН доклад 2023 г.¹⁰

Политические факторы – место и роль конкретного государства в региональных и международных организациях, в интеграционных процессах в регионе, в трансрегиональных связях, его отношения с США – также принимались в расчет и китайским руководством. Отсюда становятся понятными особое внимание к Бразилии, региональной державе с глобальными амбициями и локомотиву интеграционных процессов в Латинской Америке, особые отношения социалистических Китая и Кубы, пусть и не имеющие до сих пор высокого статуса, а также сложности диалога КНР с Колумбией, традиционно развивающей наиболее тесные связи с США и причисленной ими к своим основным союзникам вне НАТО в регионе наряду с Аргентиной и Бразилией. Отношениям с Колумбией был придан статус стратегического партнерства лишь в 2023 г., и это большое политическое достижение Китая.

⁸ По доле внутрирегиональной торговли в общем объеме внешней торговли товарами страны ЛАКБ занимают последнее место в мире в ряду других макрорегионов мира (менее 15% 2019 г., и этот показатель не изменился по сравнению с 1989 г.). См.: *How Latin America Can Use Trade to Boost Growth: Better Infrastructure and Logistics Can Help the Region Increase Trade and Growth*. IMF Blog. 16.11.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/11/16/how-latin-america-can-use-trade-to-boost-growth> (accessed 15.09.2024).

⁹ *Latin America Shouldn't Be a Pawn in U.S.-China Rivalry*. Bloomberg Opinion. 23.09.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-09-23/latin-america-shouldn-t-be-a-pawn-in-u-s-china-rivalry?sref=hF44Hb0C> (accessed 10.09.2024).

¹⁰ *China: derechos humanos y actividades empresariales en América Latina. Las Obligaciones extraterritoriales en derechos humanos de la República Popular de China con relación a actividades empresariales en América Latina*. Comité de Derechos Económicos, Sociales y Culturales de la Organización de Naciones Unidas (ONU). Febrero 2023. Available at: <https://chinaambienteyderechos.lat/wp-content/uploads/2023/03/INFORME-ISHR-CICDHA.pdf> (accessed 05.09.2024).

Двусторонний формат сотрудничества Китай изначально подкреплял многосторонним, на уровне региональных организаций и субрегиональных интеграционных объединений. Это является традиционным для всех внерегиональных игроков, в том числе соседей Китая по АТР – Японии и Южной Кореи, которые в 1970-е годы начали активно действовать в ЛАКБ. Уже в 1990-е годы Китай получил статус наблюдателя в Межамериканском банке развития и в Латиноамериканской ассоциации интеграции, начал участвовать в работе влиятельного регионального политического консультативного форума Группа Рио. В 2000-е годы он стал наблюдателем в Латиноамериканском парламенте и Организации американских государств, подписал соглашение о создании механизма политических консультаций и сотрудничества с Андским сообществом, установил партнерские отношения с Меркосур¹¹ и Унасур¹², принял участие в работе Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), региональной комиссии Экономического и социального совета ООН, а в 2014 г. учредил форум Китай–СЕЛАК в качестве платформы для взаимодействия со странами ЛАКБ и вовлечения их в свою глобальную инициативу “Пояс и путь”.

Организуя политический диалог с СЕЛАК (Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна), куда входят все независимые республики Северной, Южной и Центральной Америки, исключая США и Канаду и включая Кубу, КНР использовала собственный доказавший свою эффективность опыт аналогичных форматов регионального взаимодействия в Европе (формат “17+1”, в настоящее время “14+1” в связи с выходом из него стран Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии), в Африке (Форум сотрудничества Китай–Африка с участием всех стран континента за исключением Эсватини, которая не имеет дипломатических отношений с КНР и официально признает Тайвань) и в Тихоокеанской Азии (интеграционный механизм АСЕАН+1) [12].

На Третьей министерской встрече форума Китай–СЕЛАК в декабре 2021 г. был утвержден Совместный план действий на период 2022–2024 гг. в ключевых сферах сотрудничества: по политическим вопросам и проблемам безопасности; прагматичная экономическая кооперация в сфере высококачественной инфраструктуры; в социальной и культурной областях и в сфере контактов между народами; устойчивое развитие; международные отношения, субрегиональная и межрегиональная кооперация¹³. К настоящему времени 24 из 33 членов СЕЛАК стали участниками китайской инициативы “Пояс и путь”.

Такие крупные латиноамериканские страны, как Бразилия, Аргентина и Колумбия, в той или иной степени неформально участвуют в нем и получают значительные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из Китая [13; 14, р. 214]. Ситуация с Мексикой, которая также не присоединилась к глобальному проекту Китая, начинает меняться. Так, в 2023 г. увеличился, а в 2024 г. стремительно рос внешнеторговый оборот двух стран, прежде всего за счет поставки контейнерных грузов из Китая, что эксперты считают свидетельством обхода КНР американских запретительных пошлин¹⁴, обсуждается проект строительства завода по производству электромобилей китайской фирмы BYD в Мексике, что позволило бы обойти высокие заградительные пошлины для импорта китайских электромобилей на рынок США¹⁵.

Одновременно Китай использует и другие международные площадки для расширения взаимодействия, установления личных контактов и укрепления доверия с

¹¹ Меркосур, или Общий рынок стран Южной Америки (*Mercado Común del Cono Sur, MERCOSUR*), – наиболее успешная субрегиональная интеграционная группировка в Латинской Америке, основанная в 1991 г., куда входят в настоящее время Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай.

¹² Унасур, или Союз южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR*), – субрегиональное интеграционное объединение, созданное в 2004 г. на основе Южноамериканского сообщества наций и первоначально объединившая 12 государств Южной Америки (Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Парагвай, Уругвай, Боливию, Колумбию, Перу, Эквадор, Чили, Гайану и Суринам). В настоящее время в составе Унасур остаются Боливия, Венесуэла, Гайана и Суринам.

¹³ China–CELAC Joint Action Plan for Cooperation in Key Areas (2022–2024). Embassy of the People's Republic of China in the Cooperative Republic of Guyana. 13.12.2021. Available at: http://gy.china-embassy.gov.cn/eng/xwfw/202112/t20211213_10469237.htm (accessed 15.09.2024).

¹⁴ Китай нашел способ победить США в торговой войне за счет Мексики. PortNews. 21.03.2024. Available at: <https://portnews.ru/news/361013/> (accessed 15.09.2024).

¹⁵ Китайская BYD задумала производить электромобили в Мексике для выхода на рынок США. Forbes. 16.02.2024. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/506355-kitajskaa-byd-zadumala-proizvodit-elektromobili-v-meksike-dla-vyhoda-na-rynok-ssa> (accessed 15.09.2024).

латиноамериканскими странами, например, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) – участниками форума являются Мексика, Перу и Чили, Форум сотрудничества Восточной Азии и Латинской Америки, куда входят 20 государств ЛАКБ. Также можно наблюдать попытки наладить коммуникацию на регулярной основе с другими влиятельными в регионе международными организациями, как, к примеру, Содружество португалоязычных стран, которое Китай мог задействовать и как дополнительный канал вовлечения Бразилии в реализацию своей инициативы “Пояс и путь” (бывшая колониальная империя Португалия, учредитель Содружества, присоединилась к этому глобальному проекту КНР в 2018 г.).

Итогом такой стратегии стало превращение Китая во второго по значимости внешнеторгового партнера ЛАКБ (после Соединенных Штатов) и третьего по объему прямых иностранных инвестиций (после США и Японии). За первые два десятилетия XXI в. объем внешней торговли стран ЛАКБ с Китаем увеличился в 26 раз, с 12 до 315 млрд долл. США¹⁶. Если в 1990 г. и 2000 г. доля инвестиций из Китая в общем объеме ПИИ ЛАКБ составляла всего 0.34 и 0.08% соответственно, то в 2010 г. – уже 4.95%, в 2017 г. – 9.9%, а в 2018–2022 гг. – 11.92%. В 2018–2022 гг. Китай догонял США с их 12.41% и Японию с 12.28%¹⁷. Тем не менее доля ЛАКБ в общем объеме внешней торговли и китайских инвестиций невелика, приоритетными для Китая являются Восточная Азия и Тихоокеанский регион.

ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ В ЛАКБ: “ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ”?

В отличие от западных стран, Китай является уникальным, учитывая его экономическую модель социалистической рыночной экономики, и сравнительно новым политическим игроком, предъявившим спрос на снижение внешнеторговых барьеров, особенно в регионе ЛАКБ. Ключевым событием в этом плане стали успешные институциональные реформы в Китае [15], либерализация его собственной торговли и инвестиционной деятельности, вступление страны в ВТО, а также усиление групп интересов представителей экспортоориентированных отраслей и сторонников либерализации торговли под сводами ЗСТ в процессе принятия решений относительно соглашений о свободной торговле с зарубежными странами [2, pp. 242, 247-250].

Реализация инициативы “Пояс и пути” в ее логистическом измерении предопределила фокус внимания Китая к странам, где уже функционируют или могут быть построены имеющие стратегическое значение для мировой торговли глубоководные контейнерные морские порты с высокой пропускной способностью. В этой связи понятен особый интерес к Панаме, на территории которой расположен исключительно важный для Западного полушария и мировой торговли судоходный канал, соединяющий Тихий океан с Карибским морем и Атлантическим океаном, к Никарагуа, где возможно строительство трансокеанского канала, альтернативного Панамскому, другим государствам Латинской Америки.

Важное значение для Китая приобрел Эквадор и не только в связи с его запасами полезных ископаемых, в первую очередь нефти, развитым аграрным сектором, рыболовецкой и пищевой отраслями. Национальной валютой страны является доллар США, а значит, существуют наименьшие риски потери для доходов и инвестиций иностранных компаний из-за колебания валютных курсов, падения платежеспособности национальной валюты и пр., к тому же для КНР открывается новый канал выхода на американский рынок и обхода ограничительных мер для своих товаров.

К настоящему времени Китай имеет двусторонние соглашения о свободной торговле с Чили (подписано в 2005 г., вступило в действие в 2006 г.), Перу (подписано в 2009 г., вступило в силу в 2010 г.), Коста-Рикой (подписано в 2010 г., вступило в действие в 2011 г.), Никарагуа

¹⁶ *China's Trade with Latin America Is Bound to Keep Growing. Here's Why That Matters.* World Economic Forum. 17.06.2021. Available at: <https://www.weforum.org/stories/2021/06/china-trade-latin-america-caribbean/> (accessed 15.09.2024).

¹⁷ *Monitor de la OFDI china en América Latina y el Caribe 2024.* Red ALC-China. 13.05.2024. Available at: https://docs.redalc-china.org/monitor/images/pdfs/menuprincipal/DusselPeters_MonitorOFDI_2024_Esp.pdf (accessed 15.09.2024).

(подписано в 2023 г., вступило в действие в 2024 г.), Эквадором (подписано в 2023 г., вступило в силу в 2024 г.). В февраля 2024 г. начались переговоры о подготовке аналогичного соглашения с Гондурасом, в ноябре 2024 г. Китай и Перу подписали протокол о намерении обновить действующее соглашение, а с Колумбией Китай готовит совместное технико-экономическое обоснование двустороннего соглашения о ЗСТ в качестве основы для будущих переговоров.

Вопрос о том, насколько эффективен Китай в своей стратегии ЗСТ в ЛАКБ, зачастую сводится к количеству и скорости заключения двусторонних соглашений и поэтому в известной степени мифологизируется.

У Соединенных Штатов в регионе в настоящее время 11 подобных двусторонних соглашений – с Гондурасом, Доминиканской Республикой, Колумбией, Коста-Рикой, Мексикой, Никарагуа, Панамой, Перу, Сальвадором и Чили. Мексика также входит в Североамериканскую зону свободной торговли вместе с США и Канадой (*NAFTA/USMCA*) [16]. В свое время США не удалось реализовать идею зоны свободной торговли для обеих Америк (в 1990-е годы выступил президент Дж. Буш-ст.) в пользу двусторонних и субрегиональных соглашений. Усилиями Д. Трампа не состоялся и проект мегарегионального соглашения о Транстихоокеанском торговом и инвестиционном партнерстве, участниками которого были Мексика, Перу и Чили – наиболее открытые экономики ЛАКБ, которое, очевидно, могло изменить содержание и вектор процессов глобализации и регионализации и содействовать формированию качественно иной системы мировой торговли.

У Европейского союза двусторонних ЗСТ восемь – с Аргентиной, Бразилией, Колумбией, Мексикой, Парагваем, Перу, Уругваем, Чили, первое было заключено в 1990 г. с Аргентиной. При этом в русле стратегии межрегионализма ЕС были подписаны соглашения с такими субрегиональными интеграционными объединениями в ЛАКБ, как Андское сообщество, Карибское сообщество, Меркосур, а также с шестью центральноамериканскими странами – Гватемалой, Гондурасом, Коста-Рикой, Никарагуа, Панамой и Сальвадором. Учрежденный в 1999 г. межрегиональный диалог ЕС с ЛАКБ организован с 2013 г. в формате саммитов ЕС–СЕЛАК.

Многие эксперты считают, что на переговорах с потенциальными партнерами по ЗСТ Китай отдает приоритет сотрудничеству, а не руководствуется узко понимаемым экономическим эгоизмом, предлагая соглашения с более низкими стандартами и не требуя от партнеров проведения реформ или идеологической лояльности: в результате привлечение к сотрудничеству в рамках ЗСТ малых, географически рассредоточенных партнеров позволили Китаю получить доступ к региональным торговым сетям и опыт ведения переговоров при минимальных рисках [17, р. 3; 18]. Однако не стоит отрицать усиления естественной экономической зависимости от Китая вследствие расширения масштабов и географии его внешней торговли.

Профессор Рольф Й. Лангхаммер, специалист по изучению проблем мировой торговли в Кильском институте мировой экономики (г. Киль, Германия) и долгое время занимавший пост заместителя директора этого аналитического центра, говоря о необходимости скорейшего подписания Соглашения между ЕС и Меркосур о свободной торговле¹⁸, следующим образом охарактеризовал успехи стратегии Китая по ЗСТ в Латинской Америке: “Если вы ведете переговоры с Европой, то получаете лекцию. Если вы ведете переговоры с Китаем, то получаете порт. Насколько правдивы эти слова, в настоящее время можно увидеть в Перу. Там можно наблюдать, как Европа свои позиции, а Китай набирает силу практически в реальном времени... Для того, чтобы выжить в геоэкономическом противостоянии с Дональдом Трампом во главе с США, а также Китаем, ЕС должен сделать все возможное, чтобы достичь успешного соглашения с Меркосур” [19].

Речь шла о построенном Китае в рамках инициативы “Пояс и путь” глубоководном мегапорте Чанкай на Тихоокеанской побережье Перу, который имеет потенциал стать

¹⁸ Евросоюз начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Меркосур в 1999 г. В 2019 г. стороны согласовали текст соглашения, однако подписанный документ не был ратифицирован в силу разногласий между государствами – членами ЕС и отсутствием консенсуса между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем. В 2023 г. соглашение вновь было возвращено в повестку дня ЕС, в декабре 2024 г. стороны завершили переговоры по обновленному соглашению.

ключевым логистическим узлом между Латинской Америкой и Азией и непосредственно Китаем. На церемонии открытия порта Хуан Карлос Капунай, бывший посол Перу в Китае, заявил, что “в реализации данного проекта было предложено участвовать многим западным странам, включая США”, отметив, что Латинская Америка не может бесконечно ждать, пока Запад примет решение о своем экономическом участии в делах региона: “Если их беспокоит так называемое китайское влияние, ответ прост: инвестируйте в Латинскую Америку. Однако они не инвестируют... Нам нужно развиваться, и Китай открыт для сотрудничества с нами”.¹⁹

Изучая ЗСТ с Китаем с точки зрения экономического развития стран Латинской Америки и Карибского бассейна, эксперты отмечают в целом их позитивный эффект, однако указывают на нестабильный и неравноправный характер торговых отношений стран ЛАКБ с Китаем, а главным вызовом для местных экономик называют укоренение торговой модели на принципах “центр–периферия”: ЗСТ стимулируют расширение торговых потоков, но недостаточны для структурной трансформации социально-экономической матрицы экономик ЛАКБ [20; 21; 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о месте Латинской Америки в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство и эрозии или даже утраты США своего безусловного доминирования в регионе, который традиционно считался “задним двором” Соединенных Штатов со времен Доктрины Монро, приобрел особую актуальность после американских президентских выборов 2024 г.

Накануне своей инаугурации Д. Трамп выступил с громкими заявлениями о намерениях продолжить политику торгового протекционизма – ввести высокие пошлины в отношении в том числе Мексики, входящей в первую десятку импортеров Китая и участницы Североамериканской зоны свободной торговли НАФТА, которую сам во время своего первого президентского срока реформировал в *USMCA*, добившись односторонних уступок от Мексики и Канады²⁰, а также вернуть Панамский канал под контроль США из-за “смехотворно” высоких тарифов, а также “замечательных солдат” Китая, которые “с любовью, но незаконно” эксплуатируют трансокеанский канал, в “ремонт” которого США вложили миллиарды долларов²¹. Озвученные избранным президентом намерения подтвердили прогнозы экспертов о том, что Латинская Америка займет несомненно более высокую позицию в иерархии внешнеполитических приоритетов США [22; 23].

Подобные амбиции будущей администрации лишь на первый взгляд не идут вразрез с установками прежнего американского руководства, которое также пыталось придать первостепенный характер латиноамериканскому вектору внешней политики США в контексте сдерживания Китая (в Концепции национальной безопасности США 2022 г. отношения со странами Западного полушария были поставлены на третье место²², в тексте аналогичного документа 2017 г. им отводилась пятая по значимости позиция²³), и могут быть поняты исключительно в логике двухпартийного характера подхода США к Латинской Америке на фоне формирования контуров новой биполярности (США–Китай) в рамках общего стратегического тренда на полицентризм [24, сс. 8-26].

На самом деле речь идет не просто о желании противостоять влиянию Китаю в различных частях мира, в том числе в Латинской Америке, в непосредственной близости от южных границ, но и о пересмотре национальной внешнеполитической повестки. Вряд

¹⁹ Специальный репортаж: Лидеры Китая и Перу открыли новый крупный порт Чанкай, способствуя торговым связям Латинской Америки. СИНЬХУА Новости, 16.11.2024. Available at: <https://russian.news.cn/20241116/cd2bb291f149467f979aa51a833a1485/c.html> (accessed 17.11.2024).

²⁰ What Trump's Pledge to Redo His Own Trade Agreement with Canada and Mexico Could Mean. CNN, 15.12.2024. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/12/15/politics/usmca-trump-mexico-canada-trade/index.html> (accessed 15.12.2024).

²¹ Trump's Panama Canal Threats Designed to Scuttle China Influence. *The Washington Post*, 24.12.2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/12/24/trump-panama-canal-threat-china/> (accessed 24.12.2024).

²² *National Security Strategy, October 2022*. The White House, Washington. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed 24.10.2024).

²³ *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 24.10.2024).

ли это будет точным продолжением латиноамериканской политики Д. Трампа в период его первого президентского срока в духе “Доктрины Монро 2.0”, которая сопровождалась агрессивной риторикой и политическим давлением с целью ограничить китайское торговое, политическое и технологическое влияние в регионе [12]. Очевидна наметившаяся смена парадигмы американского глобализма в результате переосмысления противостояния КНР в самых различных аспектах и измерениях, что может повлечь за собой новые формы и процессы экономической и политической глобализации. Однако ключевым остается вопрос о том, хватит ли администрации Д. Трампа политической воли, финансовых средств и, наконец, креативности, чтобы эффективно сдерживать Китай в американском “мягком подбрюшье”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Жуков С.В., Масленников А.О., Резникова О.Б., Синицын М.В. Протекционизм США против меркантилизма Китая. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, т. 68, № 11, сс. 15-28. [Zhukov S.V., Maslennikov A.O., Reznikova O.B., Sinitsyn M.V. U.S. Protectionism Against China's Mercantilism. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 11, pp. 15-28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-15-28>
2. Jiang Y. China's Pursuit of Free Trade Agreements: Is China Exceptional? *Review of International Political Economy*, 2010, vol. 17, no. 2, pp. 238-261. <http://dx.doi.org/10.1080/09692290903337799>
3. Guoyou S., Boquez A., Wust F. China's Bilateral Free Trade Agreements as Strategic Alignments: Building of a Comprehensive Cooperation Network with Pragmatic Countries of the Latin American Pacific Rim. *Revista UNISCI*, 2019, no. 50, pp. 27-52.
4. Zhang Z., Li Q. Assessing the Impact of Free Trade Agreement (FTA) Signing on China's Outbound Labor Services. *The Journal of International Trade & Economic Development*, 2024. Published online 29.08.2024. <https://doi.org/10.1080/09638199.2024.2392679>
5. Gao H., Shaffer G. A New Chinese Economic Law Order? *Emerging Powers and the World Trading System: The Past and Future of International Economic Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 222-268.
6. Reich S., Lebow R.N. *Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System*. Princeton, Princeton University Press, 2014. 190 p.
7. Шаклейна Т.А. Лидерство и современный мировой порядок. *Международные процессы*, 2015, т. 13, № 4 (43), сс. 6-19. [Shakleina T.A. Leadership and Contemporary World Order. *International Trends*, 2015, vol. 13, no. 4 (43), pp. 6-19. (In Russ.)]
8. Сюэтонг Я. Лидерство и возвышение великих держав. Москва, Магистр, 2022. 304 с. [Xuetong Y. *Leadership and the Rise of Great Powers*. Moscow, Magistr, 2022. 304 p. (In Russ.)]
9. Guo J. The Political Economy of China–Latin America Relations: The Making of a Post-Boom Paradigm. *China International Strategy Review*, 2023, no. 5, pp. 113–138. <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00126-5>
10. Zhang X. Strategic Enhancement and Differential Governance: China's Partnership Diplomacy in Latin America. *Revista Relaciones Internacionales*, 2024, vol. 97, no. 2, pp. 54-75. Available at: https://www.scielo.sa.cr/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2215-45822024000200054#B31 (accessed 05.09.2024).
11. Окунева Л.С. “Левый поворот” и демократия в Латинской Америке. *Международные процессы*, 2009, т. 7, № 1 (19), сс. 43-53. [Okuneva L.S. The ‘Left Turn’ and Democracy in Latin America. *International Trends*, 2009, vol. 7, no. 1 (19), pp. 43-53. (In Russ.)]
12. Shimizu K. The ASEAN Economic Community and the RCEP in the World Economy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 1-23. <https://doi.org/10.1080/24761028.2021.1907881>
13. Serrano-Moreno J.E. Latin America and the Caribbean: How the Belt and Road Initiative Diminished U.S. Influence. Regilme S.S.F., jr., ed. *The United States and China in the Era of Global Transformations: Geographies of Rivalry*. Bristol, Bristol University Press, 2023, pp. 138–159.
14. Pires M., Nascimento L.G. The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. – China-Latin America Trilateral Relations. *International Organisations Research Journal*, 2020, vol. 15, no 3, pp. 202-222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08
15. Федоровский А.Н. Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2003, № 4, сс. 77-86. [Fedorovsky A.N. Institutional Transformations in China: Prerequisites, Peculiarities, Prospects. *World Economy and International Relations*, 2003, no. 4, pp. 77-86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2003-4-77-86>
16. Комкова Е.Г. ЮСМКА вместо НАФТА. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 4, сс. 50-58. [Komkova E.G. USMCA Instead of NAFTA. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 4, pp. 50-58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58>
17. Salidjanova N., Koch-Weser I. *China's Trade Ambitions: Strategy and Objectives Behind China's Pursuit of Free Trade Agreements*. U.S.–China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. 28.05.2015. Available at: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%27s%20Trade%20Ambitions%20-%2005.28%2015.pdf> (accessed 05.09.2024).
18. Kuo M.A. China's Alternative Global Trade System Insights from Henry Gao. *The Diplomat*, 29.04.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/04/chinas-alternative-global-trade-system/> (accessed 05.09.2024).
19. Langhammer R.J. *Mercosur Agreement Urgently Needed*. Kiel Institute for the World Economy. 25.11.2024. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/publications/news/mercosur-agreement-urgently-needed/> (accessed 05.12.2024).
20. Kuwayama M., Rosales O. *China y America Latina y el Caribe: hacia una relacion economica y comercial estrategica*. Santiago de Chile, Naciones Unidas, 2012. 259 p. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/c960f0af-08ad-451c-b429-c6305aee389c/content> (accessed 05.09.2024).

21. López D., Muñoz F. China's Trade Policy Towards Latin America: An Analysis of Free Trade Agreements Policy. *Asian Education and Development Studies*, 2021, vol. 10, no. 3, pp. 399-409. <https://doi.org/10.1108/AEDS-08-2019-0133>
22. Freeman W. The Price of Neglecting Latin America: Guns, Drugs, and Migration Have Destabilized the Region – and Fed Dysfunction in Washington. *Foreign Affairs*, 05.12.2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/south-america/price-neglecting-latin-america> (accessed 05.12.2024).
23. Winter B. Latin America Is About to Become a Priority for U.S. Foreign Policy: Trump Will Disrupt Three Decades of 'Benign Neglect'. *Foreign Affairs*, 10.12.2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/latin-america-about-become-priority-us-foreign-policy> (accessed 10.12.2024).
24. Афонцев С.А. Экономические предпосылки формирования многополярного мира. Российская экономика перед лицом экономических санкций: факторы устойчивости и роста. Санкт-Петербург, СПбГУП, 2024. 56 с. [Afontsev S.A. *Economic Prerequisites for the Multipolar World Formation. Russian Economy in the Face of Economic Sanctions: Factors of Stability and Growth*. Saint Petersburg, SPbGUP, 2024. 56 p. (In Russ.)]

КОНЦЕПЦИЯ “РЕПУТАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ” В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США ПОСЛЕ 2022 Г.

© АРТАМОНОВА У.З., 2024

АРТАМОНОВА Ульяна Звиадиевна, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291

Артамонова У.З. Концепция “репутационной безопасности” в публичной дипломатии США после 2022 г. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 4, сс. 30-42. DOI: 10.20542/afij-2024-4-30-42 EDN: BBQTVW

DOI: 10.20542/afij-2024-4-30-42

EDN: BBQTVW

УДК: 327+327.8(73)

Поступила в редакцию 07.07.2024.

После доработки 29.07.2024.

Принята к публикации 24.09.2024.

*Растревожили в логове старое зло,
Близоруко взглянуло оно на восток.
В.С. Высоцкий*

Статья посвящена недавно сформулированной концепции “репутационной безопасности” (*reputational security*) ведущего мирового эксперта по публичной дипломатии Николаса Калла. Особое внимание уделено ее исследованию в контексте американо-российского противостояния в информационно-идеинной сфере после февраля 2022 г. Автор анализирует теоретическое наполнение ранее неизученной концепции и устанавливает предпосылки ее появления. Целью статьи является апробация “репутационной безопасности” для анализа тенденций в публичной дипломатии США последних лет, связанных с изменением международной обстановки и состояния российско-американских отношений после 2022 г. Для реализации этой цели автором был выбран кейс популярной культуры как инструмента публичной дипломатии. В статье исследуются основные принципы инструментализации популярной культуры (на примере кинематографа) в публичной дипломатии США, в том числе формы, в которых кино исторически было использовано в качестве средства достижения целей американской внешней политики и публичной дипломатии. Автор анализирует ряд кинокартин американского и европейского производства, вышедших после 2022 г. и тематически связанных с Россией (как прямо, так и косвенно), с точки зрения концепции “репутационной безопасности”, отмечая некоторые ключевые отличия от того, как в них изображается Россия по сравнению с западной кинопродукцией периода холодной войны и первых двух десятилетий XXI в. В заключении делается вывод об успешном применении принципов “репутационной безопасности” в публичной дипломатии США на исследованных примерах в том, что касается подрыва репутации противника. При этом также отмечаются риски избранного США подхода к противостоянию с Россией

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

в информационно-идейной сфере, так как чрезмерный фокус на подрыве чужой репутации потенциально может привести к краху собственной из-за психологической закономерности “переворота стереотипа”.

Ключевые слова: публичная дипломатия, “мягкая сила”, пропаганда, информационная война, психология, репутационная безопасность, кинематограф, Россия, США.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

CONCEPT OF REPUTATIONAL SECURITY IN THE U.S. PUBLIC DIPLOMACY AFTER 2022

Received 07.11.2024. Revised 15.12.2024. Accepted 24.12.2024.

Uliana Z. ARTAMONOVA (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

This article aims to analyze the concept of ‘reputational security’, recently introduced by N. Cull. The author focuses on the application of the concept to the information war that escalated between the U.S. and Russia after 2022. The article considers the theory behind the concept as well as the preconditions for its formulation. The main goal of this research is to test reputational security as a tool for the analysis of the current trends in the U.S. public diplomacy, connected to the changes that occurred in the world system and in American-Russian relations. In order to achieve this goal the author chooses the case-study method, focusing on the use of popular culture as an instrument of American public diplomacy. The author studies the ways in which the U.S. public diplomacy has historically used popular culture, particularly motion picture, for its purposes. Several movies and one TV show, which were released after 2022 by American and European studios and are thematically connected to Russia, were analyzed within the framework of the reputational security concept. Article highlights that the ways in which they portray Russia, those audiovisual products demonstrate some important distinctions from the films of the Cold War period, as well as from those released in 2000–2010s. Article concludes that the materials chosen for the case-study demonstrate how the concept of reputational security is being applied to the modern American public diplomacy, in terms of focusing its efforts on undermining the reputation of an adversary. The author, however, pinpoints the risks of the approach chosen by the U.S. to lead an information war with Russia, namely the fact that excessive efforts aimed at undermining the adversary’s reputation might have detrimental effects on the ability of a state to defend its own reputation because of a psychological mechanism known as a ‘stereotype’s flip’.

Keywords: public diplomacy, ‘soft power’, information warfare, propaganda, psychology, reputational security, cinema, Russia, U.S.A.

About the author:

Uliana Z. ARTAMONOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector for the U.S. Foreign and Domestic Policy, Center for North American studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Artamonova U.Z. Concept of Reputational Security in the U.S. Public Diplomacy After 2022. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 4, pp. 30-42. DOI: 10.20542/afj-2024-4-30-42 EDN: BBQTVW

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 г. была опубликована монография **“Репутационная безопасность. Смена фокуса публичной дипломатии в условиях опасного окружающего мира”** [1]. Ее автор, Николас Калл – ученый британского происхождения, много лет работающий в США, один из наиболее авторитетных в мире экспертов по публичной дипломатии¹ в целом и по соответствующему американскому опыту в частности. Результаты его теоретических исследований лежат в основе практически каждой научной работы о публичной дипломатии, опубликованной в XXI в. Помимо этого, Н. Калл относится к той категории экспертов, чья аналитика востребована государственными структурами. К примеру, в 2022 г. он стал соавтором специального доклада “Изучение внутреннего измерения публичной дипломатии США: сфера применения, целевая аудитория и политические решения”², опубликованного Консультативной комиссией США по публичной дипломатии (*United States Advisory Commission on Public Diplomacy*) – структурой под эгидой Государственного департамента, ответственной за оценку эффективности усилий американского правительства в сфере публичной дипломатии. Именно поэтому новая концепция авторства Калла, по словам самого ученого, призванная сменить устаревшую концепцию “мягкой силы” и прежде никем не исследованная в научном сообществе, заслуживает подробного изучения. Особенность концепции “репутационной безопасности” (*reputational security*) заключается в том, что она целенаправленно выдвигается Н. Каллом в качестве ответа на вызовы американской внешней политике и публичной дипломатии в контексте специальной военной операции (СВО) ВС РФ на Украине и обострившегося с 2022 г. политического противостояния России и США. Поскольку в этих новых условиях старые концепции не дают возможности полноценно проанализировать тенденции в американской публичной дипломатии, целью статьи выдвигается апробация концепции “репутационной безопасности” в качестве инструмента анализа соответствующей деятельности США на современном этапе.

РЕПУТАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Впервые в публикациях Н. Калла понятие “репутационная безопасность” появляется в 2019 г. [2], но его активное внедрение в академический дискурс и концептуализация начинаются с 2022 г. [3] В 2022–2023 гг. концепция “репутационной безопасности” уже фигурирует в обсуждениях крупных международных экспертных форумов и конференций, в том числе с участием представителей американских госструктур, посвященных вопросам, связанным с публичной дипломатией, украинским конфликтом, информационно-идейным противостоянием США и России³ [4]. В 2024 г. концепция выходит на уровень международного экспертного дискурса, в частности, появляется в публикациях одного из ведущих “мозговых центров” Индии *Observer Research Foundation*⁴, а Н. Калл публикует отдельную монографию.

По словам ученого, предпосылками для формулирования им концепции “репутационной безопасности” стали его визит на Украину в 2008 г. и события украинского кризиса 2014 г. [1] Таким образом, хотя концепция и претендует на универсальность применения, в ее основе заложена история соперничества Запада и России за влияние на Украине. Соответственно в данную теоретическую рамку изначально включен элемент конфронтационного мышления. С учетом всего перечисленного концепция “репутационной безопасности” – это теоретическая основа для трансформации публичной дипломатии США, в рамках которой основной целью соответствующей деятельности

¹ Под публичной дипломатией в рамках этой статьи понимается политическая технология, в основе которой лежит целенаправленное влияние на иностранную общественность различными способами для защиты национальных интересов и решения внешнеполитических задач.

² *Exploring U.S. Public Diplomacy's Domestic Dimensions: Purviews, Publics, and Policies. ACPD Special Report. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 25.04.2022. Available at: <https://www.state.gov/exploring-u-s-public-diplomacys-domestic-dimensions-purviews-publics-and-policies-2022/> (accessed 31.05.2022).*

³ #Connexions Conference on Global Media in Diplomacy and Foreign Policy. The University of Texas at Austin. 2023. Available at: <https://www.slavx.org/connexions> (accessed 02.06.2024).

⁴ Ramabadran S. India Is Bringing Reputational Security Back into Focus. *Observer Research Foundation*, 12.01.2024. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-is-bringing-reputational-security-back-into-focus> (accessed 02.06.2024).

становится противостояние России в информационно-идейном пространстве в новых условиях. Н. Калл подчеркивает, что концепция “мягкой силы”⁵, которая доминировала как теоретическая рамка в период после окончания холодной войны, устарела и более не соответствует мировым реалиям: в том числе более активному поведению российских структур публичной дипломатии и значительному ухудшению международного имиджа США в 2010–2020-е годы под влиянием внутренних и внешних факторов, включая растущие в мире сомнения в неоспоримости американского глобального лидерства [1; 5].

Концепция “репутационной безопасности” основывается на вере в то, что государство, обладающее заметной и положительной репутацией в международном сообществе, легче переживает различные кризисы, нежели малоизвестное или имеющее негативную репутацию на мировой арене, поскольку судьба первого небезразлична остальному миру. Под репутацией Н. Калл понимает “качественную характеристику личности или организации, существующую в представлениях общественности” [1], соответственно речь идет о некоем обобщенном внешнем (международном) образе государства. Репутация, настаивает Н. Калл, – это нечто большее, чем имидж: имидж можно создать мгновенно, а репутация подразумевает длительный процесс накопления впечатлений. Таким образом, в вопросах репутации прошлый опыт определяет будущие ожидания.

Репутация государства также предопределяет реакцию окружающих на события, в которые оно вовлечено. Отношение к его действиям будет во многом продиктовано представлениями о нем, которые сложились у мировой общественности до этого момента. Если в международном общественном мнении закреплены стереотипные представления о России как об авторитарном и агрессивном государстве (которые со времен холодной войны поддерживаются среди прочего с помощью поп-культуры [6; 7]), то, оценивая события СВО на Украине, мировая общественность будет более склонна интерпретировать события в антироссийском ключе.

Репутация также помогает устанавливать эмоциональную связь с мировой общественностью благодаря привязанности последней к привычным образам. Иными словами, репутация в этом контексте выступает в качестве одного из факторов, влияющих на формирование социально-психологической установки – основанного на потребностях и интересах отношения отдельных личностей и целых групп людей к конкретным объектам, идеям, жизненным ситуациям и пр. Установки всегда эмоционально окрашены и потому достаточно устойчивы [8]. Соответственно, если носитель положительной репутации подвергнется угрозе, это спровоцирует всплеск негативных эмоций у мировой общественности [1], так как наличие соответствующей социально-психологической установки сделает аудиторию предрасположенной к подобной реакции.

Значимость концепции “репутационной безопасности” в том, что она подразумевает восприятие публичной дипломатии и в целом процессов, касающихся международного информационно-идейного пространства, в качестве неотъемлемого элемента национальной безопасности. Следовательно, любые пробелы в этой сфере должны восприниматься общественностью и правительством как бреши в национальной безопасности. Существует исторический прецедент подобного повышения значимости публичной дипломатии в видении американского политического руководства. Он относится к острой фазе идеологического противостояния с СССР под конец холодной войны: в 1982 г. президент Р. Рейган внес вопросы публичной дипломатии в сферу обеспечения национальной безопасности, подписав Президентскую директиву по национальной безопасности № 77 (*National Security Decision Directive 77, NSDD-77*), озаглавленную “Координация публичной дипломатии в контексте национальной безопасности” [9].

⁵ Дж. Най, сформулировавший эту концепцию, определяет “мягкую силу” как способность государства, не прибегая к принуждению и давлению, построить ситуацию таким образом, чтобы другие страны формулировали свои предпочтения или определяли свои интересы в соответствии с интересами этого государства, используя убеждение и привлечение иностранной общественности на свою сторону. Существует несколько исследовательских подходов к соотношению понятий “мягкая сила” и публичная дипломатия, однако и Н.Калл, и автор статьи придерживаются мнения, что концепция “мягкой силы” – это в первую очередь теоретическая рамка, отражавшая тот сдвиг в восприятии публичной дипломатии внутри США (особенно среди политического руководства страны), который вызвало окончание холодной войны.

Еще одна отличительная черта концепции “репутационной безопасности” – идея ее экстраполяции на коллективный уровень по аналогии с понятием коллективной безопасности в том, что касается вооруженных сил и обороноспособности. По мнению Н. Калла, в случае атаки на репутацию целых политических философий и общего образа жизни (западные либерально-демократические ценности), логично отвечать на этот вызов коллективно [1].

Чтобы гарантировать свою “репутационную безопасность”, государству необходимо: оценивать, как его воспринимает мир; выстраивать и отстаивать свою репутацию; подрывать репутацию противника; проводить внутренние реформы для соответствия международной ценностной ориентации; поддерживать здоровую медиа-среду [1]. Выстраивание собственной репутации и подрыв репутации противника – это два направления активных действий, направленных на международную общественность, предусматриваемых концепцией “репутационной безопасности”. В обоих случаях речь прежде всего идет о целенаправленном и систематическом проецировании образов и распространении нарративов для влияния на международное общественное мнение и сознание: формирование и закрепление определенных социально-психологических установок и стереотипов, которые обеспечат положительное отношение мировой общественности к США (и их союзникам) и отрицательное – к противникам США. Обе задачи предусматривают использование инструментов публичной дипломатии. Одним из таких инструментов является популярная культура и, в частности, кинематограф.

КИНЕМАТОГРАФ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США

Именно поп-культура, особенно кино, для множества людей является основным источником представлений о других странах и регионах [6]. При этом американский кинематограф и, соответственно, публичная дипломатия в этом отношении обладают практически бесконечными возможностями благодаря доминированию на мировом рынке [10]. Американскую киноиндустрию отличает долгая история прямого и косвенного содействия интересам публичной дипломатии и внешней политики США, когда между американскими государственными структурами и частным сектором устанавливается неофициальный консенсус, результаты которого соответствуют национальным интересам страны. Такая неформальная система складывается из “симбиотических отношений” Голливуда с Вашингтоном (кадровые и финансовые связи; взаимовыгодные партнерства), исключительной популярности американского кино в мире и “идеологического самоконтроля” производителей фильмов [11].

Существуют три основных формы вовлечения кинематографа США в реализацию национальных интересов через публичную дипломатию: взаимовыгодное сотрудничество между кинокомпаниями и государственными институтами (единственная из трех форм, которая может быть формализована в виде официального соглашения), мобилизация киноиндустрии правительственными структурами для решения внешнеполитических задач (происходит на уровне полуофициальных встреч госслужащих с руководителями ведущих киностудий), самоцензура среди кинопроизводителей в соответствии с мейнстримной политической и идеологической повесткой (не имеет всеобъемлющего характера) [2].

Для анализа кинематографа как инструмента публичной дипломатии оптимальны принципы теории популярной геополитики – это направление исследований, фокусирующееся на том, как популярная культура участвует в формировании реальности посредством репрезентации стран, регионов, геополитических отношений, что в свою очередь влияет на те представления, которые конструируются в сознании широкой общественности [12]. С точки зрения концепции “репутационной безопасности”, именно эта теория позволяет рассматривать кинопродукцию в контексте формирования и укрепления геополитических клише и стереотипов о США и их союзниках для обеспечения позитивной репутации, а также о государствах – противниках Соединенных Штатов для подрыва их репутации.

Концепция “репутационной безопасности” была сформулирована, подразумевая противостояние США и России в информационно-идейном пространстве после февраля

2022 г. Соответственно в вопросах обеспечения “репутационной безопасности” США целесообразно говорить об усилиях, направленных в равной степени на защиту репутации Америки и на подрыв репутации России в международном общественном мнении. Особенный интерес представляет реализация второй функции с помощью кинематографа, так как использование публичной дипломатии для укрепления собственной репутации соответствовало и предшествовавшей концепции “мягкой силы”.

Выбор поп-культуры (кинематографа) для иллюстрации применения концепции “репутационной безопасности” в публичной дипломатии США после февраля 2022 г. обусловлен спецификой американского использования этой политической технологии. Три основные категории инструментов публичной дипломатии США выделяются по следующим направлениям: образовательно-просветительское, информационно-агитационное и культурно-развлекательное. Все они призваны влиять на иностранное общественное мнение и сознание. Образовательные программы и инициативы первой категории рассчитаны на долгосрочную перспективу: принцип воздействия сложен, а эффект достигается спустя длительное время по мере постепенного расширения целевой группы. Каналы иновещания из второй категории изначально рассчитаны на узкие целевые группы и тактическое применение: их эффект недолговечен, хотя и наступает сравнительно быстро. Кинематограф же, относящийся к третьей категории, охватывает максимально широкие слои иностранной общественности благодаря своей универсальности и имеет длительный и быстро достижимый эффект, поскольку зачастую усиливает уже существующие социально-психологические установки и укрепляет в сознании международной общественности стереотипы (схематичные и упрощенные представления о действительности, которые имеют яркую эмоциональную окраску [13]).

Помимо этого, американский кинематограф имеет богатый опыт формирования отрицательного образа России (и Советского Союза) в своих картинах. В период холодной войны в рамках идеологического противостояния среди прочего в кинофильмах систематически воспроизводились негативные образы, связанные с СССР (серость, бедность, угнетенное положение простых людей и др.), культивировалась идея коммунистической угрозы (“Белые ночи”, “Рэмбо 3”, “Топ Ган” и др.) [14; 15]. На рубеже XX–XXI вв. нарративы холодной войны исчезли, но образ России остался скорее негативным, воплощаясь в фигурах мафиози, сумасшедших ученых и жестоких спецслужб (зачастую антагонистов американских супергероев и супершпионов), а также в общей атмосфере упадка, серости и мрачности [6; 16] (“Золотой глаз”, “Миссия невыполнима 2”, “И целого мира мало”, “Солт” и др.). В 2010-е годы начался период “возобновления одержимости Голливуда Россией” [17]: появилось много фильмов и сериалов, в центре сюжета которых была холодная война, либо связанные с ней явления (“Красный воробей”, “Атомная блондинка”, “Шпионский мост”, “Американцы” и др.). Интересно, что исследователи связывают эту тенденцию не с постепенным ухудшением российско-американских отношений в 2010-е годы, а с упадком международного имиджа США и как следствие – потребностью американской общественности вновь пережить моменты истории, связанные со значимой победой над идеологическим противником [17], и напомнить о соответствующей победе своим союзникам и всему остальному миру, чтобы укрепить одну из центральных идей в национальном самовосприятии – идею американской исключительности.

С учетом вышеперечисленного, продукция американского и европейского кинематографа представляется удачным материалом для проведения *case-study* с точки зрения анализа процесса интеграции концепции “репутационной безопасности” в практическую реализацию американской публичной дипломатии, имея в виду подрыв репутации России как противника США в информационно-идейном противостоянии после февраля 2022 г. Продукция европейского кинематографа была сознательно добавлена в исследование с учетом логики коллективной “репутационной безопасности”, предложенной Н. Каллом и подразумевающей совместные усилия США и их союзников как в деле отстаивания собственной коллективной репутации, так и в деле подрыва репутации противника. Вопросы эффективности выбранного для анализа инструмента в деле оказания реального влияния на мировое общественное мнение о России и, как следствие, на ее репутацию, находятся за рамками данного исследования.

ОБРАЗ РОССИИ В ЗАПАДНОМ КИНО ПОСЛЕ 2022 Г.

Основным источником для анализа в рамках *case-study* был выбран выпущенный в 2024 г. американский мини-сериал “Режим” телесети HBO. Дополнительными источниками для анализа стали: вышедший в 2024 г. кинофильм британо-американского производства “Слова войны”; представленный в 2024 г. на Каннском кинофестивале художественный англоязычный фильм “Лимонов, баллада об Эдичке” совместного производства Италии, Франции и Испании и находящаяся в производстве французская экранизация романа Джулиано да Эмполи “Кремлевский волшебник”, чья премьера запланирована на 2025 г. Все источники объединяют прямая связь сюжета с Россией и тот факт, что их производство началось после начала СВО на Украине.

Говоря о мини-сериале “Режим”, целесообразно начать с того, что американская телесеть HBO, выпустившая его, принадлежит Warner Bros. Discovery, Inc. – американскому транснациональному конгломерату средств массовой информации и развлечений, который среди прочего владеет новостной сетью CNN (третья по популярности в США⁶) и одним из крупнейших концернов по производству фильмов и телесериалов в США Warner Bros. Entertainment, Inc. (входит в “большую пятерку” крупнейших американских кинопроизводителей). Помимо этого о масштабности проекта говорит тот факт, что главную роль исполнила актриса с мировым именем – Кейт Уинслет, а съемки проходили в столице Австрии во дворцах Шёнбрун и Хофбург, загородном дворце Лихтенштейнов и дворце Паллавичини, а также в Великобритании в Шеффилдском ботаническом саду, усадьбах Вентворт Вудхаус (XVIII в.) и Эшер Плейс (XIX в.)⁷.

О планах производства мини-сериала было объявлено⁸ уже в июле 2022 г. Интересен тот факт, что одним из трех исполнительных продюсеров “Режима” стал Фрэнк Рич, американский эссеист и либеральный колумнист, проработавший в газете *The New York Times* более 30 лет. В то же время в команде сценаристов одним из пяти является Гэри Штейнгарт (Игорь Семенович Штейнгарт) – американский писатель советского происхождения, чья семья переехала в США в 1979 г., и который закончил университет по специальности “политология” с фокусом на изучении постсоветских государств⁹. Первый известен достаточно радикальными левыми взглядами, присущими членам американской Демократической партии в последние годы, в основном соответствующими той идейной парадигме, в рамках которой строилась политическая риторика администрации Дж. Байдена. Вторым, вполне вероятно, был привлечен как эксперт по российскому менталитету: свою семью он называет типично советской, вспоминая, как, переехав в Нью-Йорк, родители старались сохранить дома русскую атмосферу и говорили на русском языке. Сам же Штейнгарт много путешествовал и по России, и по другим постсоветским странам¹⁰.

Сериал “Режим” снят в жанре политической сатиры. Россия в сюжете прямо не упоминается, но не опознать ее невозможно. Дело происходит в вымышленной стране в Центральной Европе, глава государства которой – канцлер Елена Вернэм стремительно превращается в карикатурный портрет автократа. Елена – одна из основных аллегорий, отсылающих к России. Она берет курс на независимую внешнюю политику и сближение с Китаем. Выступления Елены перед народом показательны – она говорит о погашении долгов перед иностранными кредиторами, о том, что ее страна не будет играть роль

⁶ CNN Ranks as Third Most-Watched Network in All of Cable in February. *CNN Press Room*, 27.02.2024. Available at: <https://cnnpressroom.blogs.cnn.com/2024/02/27/cnn-ranks-as-third-most-watched-network-in-all-of-cable-in-february/> (accessed 02.06.2024).

⁷ *The Regime. Filming and Production*. IMDb. Available at: <https://www.imdb.com/title/tt21375036/locations/> (accessed 02.06.2024); *Where Was The Regime filmed? The Country and All the Filming Locations*. Atlas of Wonders. Available at: <https://www.atlasofwonders.com/2024/03/where-was-the-regime-filmed.html> (accessed 02.06.2024).

⁸ Kate Winslet to Star in Authoritarian Limited Series ‘The Palace’ for HBO from Will Tracy & Stephen Frears. *Deadline*, 26.07.2022. Available at: <https://deadline.com/2022/07/kate-winslet-authoritarian-limited-series-the-palace-hbo-1235077969/> (accessed 02.06.2024).

⁹ Young L. The Metamorphosis of a Writer: An Interview with Gary Shteyngart. *Education Update Online*, May 2006. Available at: <http://www.educationupdate.com/archives/2006/May/html/car-metamorphosis.html> (accessed 02.06.2024); Grinberg N. Can’t Live Long Without Writing. A Conversation with Gary Shteyngart. *Del Sol Literary Dialogues*. Available at: https://www.webdelsol.com/Literary_Dialogues/interview-wds-shteyngart.htm (accessed 02.06.2024).

¹⁰ Russian Revolution. *The Guardian*, 29.06.2007. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2007/jun/29/usa.edpilkington> (accessed 02.06.2024).

источника ценных ресурсов для Соединенных Штатов, а ее народ заслуживает уважения, о том, что страну не напугать санкциями: *“...Я не позволю втянуть вас в упадочную и токсичную тряси́ну Америки и ее сателлитов по всему миру. Годами мы страдали, чтобы они могли строить миропорядок по своему образу и подобию. Они предоставляли помощь коррумпированным режимам, они поощряли массовые убийства, разожгли капиталистические войны в каждом уголке планеты. А остальным они сказали: сидите тихо, слушайте нас, делайте, что говорим, и платите дань. Пришло время сказать: хватит. Мы отказываемся быть частью их жестокого наследия. Мы больше не будем жертвами их корысти. Пришло время показать Америке и всему миру, чего именно мы стоим”*¹¹. В сериале присутствует узнаваемый образ – стол, за которым канцлер принимает иностранных гостей, похожий на обретший известность в годы пандемии COVID-19 длинный стол в резиденции российского президента. В середине сюжета канцлер объявляет о вводе войск в спорный приграничный регион, парламент которого затем единогласно голосует за вхождение территории в состав страны: *“Никто не говорит о вторжении... это выражение... любви по отношению к нашим соотечественникам, находящимся по ту сторону границы... программа воссоединения с нашими... братьями – это единственный способ обеспечить наш суверенитет”*¹², что представляет собой достаточно прозрачную отсылку к воссоединению Крыма с Россией в 2014 г.

Другие аллегории отсылают к российской истории. Например, капрал Герберт Зубак – второй по значимости персонаж сериала, вызывает ассоциации с Г.Е. Распутиным – “старцем”, повлиявшим на последнюю императрицу Российской империи. Капрал выглядит мрачно и немного безумно, подчеркивается его простонародное происхождение, он говорит о народной медицине и склоняется к мистике, – все это, стоя за плечом женщины, облеченной властью. Вторая аллегорическая фигура – отец Елены, Джозеф Вернэм. Он возглавлял в свое время ту же политическую партию, что сейчас возглавляет дочь, но при нем партия пришла в упадок и сумела восстановить политическое лидерство лишь под руководством Елены. Примечательнее, однако то, что по сюжету его тело лежит в стеклянном саркофаге в резиденции канцлера, а та время от времени навещает его, чтобы посоветоваться. Таким образом, происходит некое смешение образов В.И. Ленина, И.В. Сталина (Иосиф–Джозеф) и советской эпохи в целом, как “прародителя” Российской Федерации.

Прочие детали, из которых складывается масштабная аллегория современной России, кроются в самом описании неназванного государства, во главе которого стоит канцлер: один из главных национальных праздников, отмечаемых с небывалым размахом, – День Победы (правда, не победы в Великой Отечественной войне, а первой победы канцлера на выборах); экспортные возможности страны основаны в основном на полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции; среди популярных в стране средств народной медицины для лечения респираторных заболеваний называют ингаляции картофельным паром и горчичные компрессы; национальные костюмы, представленные на праздничных мероприятиях в резиденции канцлера, напоминают причудливую смесь из русских, украинских и других славянских народных одеяний.

Добиваясь появления у зрителей ассоциаций с Россией и российским политическим руководством за счет аллегорий, мини-сериал становится инструментом подрыва репутации противника в контексте обеспечения “репутационной безопасности” США. Для этого задействуется психологический механизм формирования установки – выражения ценностной ориентации личности в виде готовности к заранее определенной реакции на данный предмет или явление. Один из способов формирования такой установки заключается в переносе ценностного представления об одном предмете на похожие [8]. Таким образом происходит перенос характеристик неназванной выдуманной страны на Россию: государство в центре сюжета “Режима” вовсе не такое сильное, каким его рисует канцлер; экономика слаба и зависима от Запада, нуждается в американских инвестициях и

¹¹ Режим: сериал. Авторы сценария: С. Рейсс, Дж. Вайнер, Дж. Спира, С. ДеЛаппе, Г. Штейнгарт; режиссеры: С. Фрирз, Дж. Хоббс; операторы: А. Кюхлер; композиторы: А. Десплат, А. Хеффес; в ролях: К. Уинслет, М. Схунартс, Х. Грант и др. 2024. Подробнее см.: *The Regime*. Available at: <https://www.hbo.com/the-regime> (accessed 02.06.2024).

¹² Там же.

готова рухнуть из-за сближения с Китаем; население постоянно испытывает лишения – до прихода канцлера к власти и после, до принятия курса на укрепление суверенитета и после; под тяжестью международных санкций народ доходит до свержения правительства, но при содействии американских партнеров, которым канцлер в итоге уступает, этот же народ вновь готов бурно поддерживать главу государства, которую перед этим хотел придать казни. Таким образом, формируется образ России как государства слабого, обладающего нежизнеспособной экономикой и безвольным населением, легко становящимся объектом политических манипуляций.

Канцлер в сериале выставлена особой с неуравновешенной психикой: ее независимый политический курс представляется не результатом рационального планирования, а эмоциональным порывом человека, пребывающего во власти своих иллюзий и не осознающего реальное положение дел. Елена Вернэм, бросающая вызов американоцентричному миропорядку, изображена человеком лицемерным, заботящемся не о народе и государстве, а о собственном эго; коррумпированным политиком (ее счета и активы, как и активы членов правительства, размещены в странах НАТО, независимость от которых она ставит в центр своей политической риторики); наконец, слабой фигурой, у которой есть свобода действий лишь потому, что члены правительства не воспринимают ее всерьез, и которая не способна удержать власть без их помощи. Сами же члены кабинета министров выглядят людьми, озабоченными в первую очередь реализацией собственных интересов и считающие нормализацию отношений между США и своей страной наиболее выгодным для себя курсом. Из-за аллегорических ассоциаций соответствующие негативные характеристики (коррумпированность, лицемерие, безумие и самодурство) переносятся на образ российского политического руководства, что резонирует с заявлениями американских политиков периода 2022–2024 гг.¹³ В этом плане “Режим” – довольно уникальный продукт американского кинематографа. Еще с XX в. в американских кинокартинах с разной степенью интенсивности воспроизводились негативных образы, связанные с Россией, но никогда в них не было столько прямолинейной атаки на репутацию действующего российского (или советского) политического руководства, даже прикрытой аллегорией, как в этом сериале.

Таким образом, в публичном дискурсе внешняя политика России, вызывающая недовольство США, выводится из категории заслуживающих обсуждения вопросов (в поиске причин того или иного политического решения), так как объясняется якобы нерациональным, непоследовательным и необоснованным поведением одного человека – главы государств, будто бы лишеного малейшей поддержки как со стороны народа, так и со стороны правительства. Это выполняет функцию подрыва репутации противника в нескольких аспектах. Во-первых, снижается статус России как геополитического противника из-за утверждения, что по сути США противостоит не российское государство, а только его президент. Во-вторых, глава государства изображается фигурой, значимость которой сильно преувеличена, соответственно одолеть его в политическом противостоянии вовсе не должно быть трудно для США – глобального лидера. В-третьих, притупляются опасения относительно возможных рисков развития прямого конфликта с таким противником, поскольку его внешнеполитический курс выставляется как не имеющий под собой реального и прочного фундамента. В-четвертых, развеиваются сомнения в эффективности санкционных мер, так как экономика “режима” изображается исключительно слабой, что позволяет зрителю верить в то, что каждый новый пакет санкций может оказаться переломным. В-пятых, население изображается как полностью лишённое гражданской и политической позиции, в перспективе от него не ожидается сопротивления диаметральной смене политического курса на такой, который не будет представлять вызова национальным интересам США.

Фильмы “Лимонов, баллада об Эдичке”, “Слова войны” и “Кремлевский волшебник” действуют в той же логике подрыва репутации противника, но иным способом: не через иносказание о современности, а через художественный взгляд на недавнее прошлое России. Хотя все три картины позиционируют себя как произведения о реальных людях и

¹³ Smith A. Biden Calls Putin a ‘Crazy SOB’; the Kremlin Says His Comments Debased America. *NBC News*, 22.02.2024. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/world/biden-calls-putin-crazy-sob-kremlin-debased-america-trump-navalny-rcna139929> (accessed 02.06.2024).

реальных событиях, они не представляют достоверной биографии ни Анны Политковской, ни Эдуарда Лимонова, ни тем более Владислава Суркова, которого автор “Кремлевского волшебника” называет прототипом своего главного героя – политтехнолога, начинавшего карьеру в 1990-е годы.

В центре картины “Слова войны” журналистка Анна Политковская, известная на Западе в том числе как ярый критик президента В.В. Путина и российской политической системы, чему посвящена ее книга “Путинская Россия” 2004 г., впервые опубликованная на английском языке в Великобритании. О серьезном подходе к производству этого фильма говорит выбор режиссера – Джеймса Стронга, за плечами которого опыт работы над такими всемирно популярными сериалами, как “Аббатство Даунтон” и “Доктор Кто”, и исполнителей основных ролей (супружеской четы Политковских) – лауреатов множества кинопремий Максин Пик и Джейсона Айзекса. Специальный предпремьерный показ фильма состоялся в марте 2024 г. в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне с участием представителей культуры, журналистов и политиков¹⁴.

“Кремлевский волшебник”, роман, по мотивам которого снимается одноименный фильм, вышел в 2022 г. после начала СВО, став дебютом своего автора и принеся ему мировую известность. Хотя в центре сюжета находится вымышленный политтехнолог, он взаимодействует с реальными фигурами российской политики: действующим президентом, писателем Э.В. Лимоновым, олигархами М.Б. Ходорковским¹⁵ и Б.А. Березовским, основателем ЧВК “Вагнер” Е.В. Пригожиным и другими. В уста персонажей автор вкладывает нарративы о непреодолимом ментальном различии России и Запада (“как между землянами и марсианами”¹⁶), о сознательной культивации в российском обществе национальных мифов, построенных на идее собственной исключительности и мнимых обидах на весь остальной мир¹⁷, об отрицательных качествах как российского государственного устройства (“как бы ни была велика эта империя, она остается всего лишь огромной тюрьмой”), так и российского народа (“русские гораздо менее цивилизованны, чем они привыкли себя считать” [18]).

Интересен тот факт, что адаптировал роман “Кремлевский волшебник” для сценария одноименного фильма французский писатель Эмманюэль Каррер, автор романа “Лимонов”, положенного в основу картины “Лимонов, баллада об Эдичке”, ставшей самым дорогим кинопроектом российского режиссера Кирилла Серебренникова, иммигрировавшего во Францию в 2022 г. после начала СВО и сразу же приступившего к работе над экранизацией романа. В фильме основной фокус сделан на молодости Э. Лимонова, и зритель погружается в богемное и диссидентское сообщество советской Москвы и жизнь главного героя в эмиграции в США. При этом абсолютно не упоминаются такие значимые факты биографии Лимонова периода после возвращения в Россию, как его участие в обороне Дома Советов (“Белого дома”) в 1993 г. и в боснийских войнах на стороне сербов, поскольку эти эпизоды выбиваются из сконструированного в фильме образа диссидента, покинувшего СССР и отправившегося покорять Америку.

Объединяет эти картины ностальгическая апелляция к недавнему прошлому России, когда Анна Политковская освещала чеченские войны, Эдуард Лимонов начинал свою политическую карьеру, а Владимир Путин еще не стал тем лидером, который открыто бросил вызов “миропорядку, основанному на правилах”. При этом, как и в “Режиме”, значительный акцент делается на подрыве репутации страны-противника через подрыв репутации главы государства. Так, для Анны Политковской на экране, как и в жизни, президент России – “злодей”, а российская политическая система коррумпирована, продажна и

¹⁴ First Look for ‘Words of War’ Political Drama Thriller with Maxine Peake, Ciarán Hinds and Jason Isaacs. *Rolling Pictures*, 23.05.2024. Available at: <https://www.rollingpictures.com/news/first-look-for-words-of-war-bspolitical-drama-thriller-with-maxine-peake-ciarn-hinds-and-jason-isaacs> (accessed 02.06.2024).

¹⁵ Признан иностранным агентом на территории России по решению Минюста РФ.

¹⁶ Saul Morson C. ‘The Wizard of the Kremlin’ Review: Moscow Minds. *The Wall Street Journal*, 02.11.2023. Available at: <https://www.wsj.com/arts-culture/books/the-wizard-of-the-kremlin-review-moscow-minds-c403fe6d> (accessed 02.06.2024).

¹⁷ The Wizard of the Kremlin by Giuliano da Empoli Review – a Tsar Is Born. *The Guardian*, 04.01.2024. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2024/jan/04/the-wizard-of-the-kremlin-by-giuliano-da-empoli-review-a-tsar-is-born> (accessed 02.06.2024).

связана с криминалом. “Кремлевского волшебника” цинизм и черствость книжного главы государства, мыслящего в категориях шахматных фигур, а не человеческих жизней, побуждает оставить блестящую карьеру и самоустраниться накануне начала СВО. Эдуард Лимонов Серебренникова “застыл” в моменте своей жизни в Америке – символической альтернативе жизни и в СССР, и в современной России.

Параллельно перечисленные картины заставляют зрителя вспомнить исторические моменты, не лучшим образом отразившиеся на репутации России: кризис и распад Советского Союза; экономические неурядицы 1990-х годов в сочетании с расцветом криминала, широким распространением бандитизма и организованной преступности, а также крупных финансовых махинаций; чеченские войны и террористические акты на Дубровке и в Беслане; гибель подводной лодки “Курск” и др. Хотя все эти события остались в прошлом, попытка создателей кинокартин протянуть логическую линию сюжета до сегодняшнего дня побуждает зрителей переносить соответствующие негативные ценностные оценки прошлых лет на современную страну, формируя необходимую социально-психологическую установку. Эти фильмы осуществляют подрыв репутации России не обвинениями, связанными с событиями наших дней, они нивелируют все усилия, приложенные ею по выстраиванию положительной репутации после 1990-х – начала 2000-х годов, так как подменяют в сознании зрителей образ сегодняшней РФ ее репутацией прежнего периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно утверждать, что концепция “репутационной безопасности” Н. Калла отражает те изменения в международной обстановке, которые происходят в последние годы: кризис американского глобального лидерства, тенденции трансформации миропорядка в направлении многополярности и обострение политического противостояния США с Россией. Переноса вопросы репутации и имиджа в категорию составных элементов национальной безопасности, эта концепция отражает значимость происходящих процессов для США, а также возвращает американскую публичную дипломатию к ее исконному предназначению – служить инструментом соперничества конфликтующих держав в информационно-идейном пространстве.

Американские и европейские кинокартины, снятые после начала СВО, наглядно демонстрируют, как реализуется функция подрыва репутации противника, столь же необходимая для (коллективной) “репутационной безопасности”, как и функция по отстаиванию собственной репутации. Впрямую и иносказательно проанализированные картины атакуют репутацию российского президента, правительства РФ, политической системы и страны в целом. Тот факт, что эти фильмы отражают новую концепцию, подтверждается тем, что, несмотря на богатый опыт западного кинематографа воспроизводить негативные образы и символы, связанные с Россией и СССР, никогда раньше с его помощью не осуществлялась попытка подрыва репутации действующего политического руководства государства-противника. Помимо этого, в исследованных кинофильмах используется прием переноса негативного впечатления от ряда исторических событий недавнего прошлого России на отношение к современному российскому государству. Поскольку в основном это касается событий периода перестройки, 1990-х и начала 2000-х годов, помимо общей негативной репутации на современную Россию переносится также отношение к ней того времени: как к слабой в экономическом и политическом плане, неспособной не только вести независимую внешнюю политику, но даже поддерживать порядок внутри своих границ.

Реализация концепции “репутационной безопасности” США и их союзниками на практике (пока что в пределах лишь одного из инструментов публичной дипломатии) тем не менее не гарантирует успешности выбранного подхода в долгосрочной перспективе. Проанализированные кинокартины не были положительно приняты международной аудиторией: их оценивали как слабые, пустые по содержанию, поверхностные и

бессмысленные¹⁸, а в некоторых случаях – как вызывающие обратный эффект, делая образы В.В. Путина и России чересчур располагающими¹⁹. Помимо этого, описанный механизм подрыва репутации противника несет в себе определенный риск: если слишком убедительно изображать противника как слабого и неспособного долго сопротивляться, а также культивировать в общественном сознании образы и стереотипы, не соответствующие действительности (Россия 2020-х не похожа на Россию 1990-х годов), то в определенный момент столкновение этой общественности с реальностью может привести к негативным последствиям. В частности, согласно законам психологии, стереотипы, сталкиваясь с противоречиями в реальности, имеют свойство не разрушаться, а “переворачиваться” [19], то есть то, что воспринималось как безусловно хорошее, превращается в безусловно плохое и наоборот, как произошло в СССР с началом политики “гласности” [13].

При такой закономерности, усилия, прилагаемые США для подрыва репутации России через влияние на общественное мнение, могут из-за психологических закономерностей человеческого восприятия привести к разрушению репутации самих США и их союзников. “Плохое” – противник – из-за такого “переворота” начнет автоматически восприниматься (западной общественностью) как “хорошее”, а “хорошее” – своя страна или союзник – станет восприниматься как “плохое”. Подобный результат будет означать явное противоречие целям, сформулированным в рамках концепции “репутационной безопасности”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Cull N.J. *Reputational Security: Refocusing Public Diplomacy for a Dangerous World*. Cambridge, Polity Press, 2024. 232 p.
2. Cull N.J. The Tightrope to Tomorrow: Reputational Security, Collective Vision and the Future of Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, vol. 14, iss. 1-2, pp. 21-35. DOI: 10.1163/1871191X-14011014
3. Cull N.J. From Soft Power to Reputational Security: Rethinking Public Diplomacy and Cultural Diplomacy for a Dangerous Age. Mckercher B.J.C., ed. *The Routledge Handbook of Diplomacy and Statecraft*. New York, Routledge, 2022, pp. 409-419. DOI: 10.4324/9781003016625-41
4. Custer S., ed. *Reputational Security: The Imperative to Reinvest in America's Strategic Communications Capabilities*. Williamsburg, AidData at William & Mary, 2022. 350 p.
5. Прохоренко И.Л. Дискурсы полицентричного мира и “новой нормальности”. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023, сс. 77-85. [Prokhorenko I. L. Discourses of a Polycentric World and 'New Normality'. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023, pp. 77-85. (In Russ.)]
6. Артамонова У.З. “Попкорн-дипломатия”: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМОРАН*, 2022, № 3, сс. 76-90. [Artemonova U.Z. 'Popcorn Diplomacy': American Blockbusters and World Order. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2022, no. 3, pp. 76-90. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2022-3-76-90
7. Saunders R. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. New York, Routledge, 2017. 278 p.
8. Sherkovin Yu.A., Belashenko T.K., Markin M.M., Koryagin V.P., eds. *Social Psychology and Propaganda*. Moscow, Progress Publishers, 1985. 288 p.
9. Цветкова Н.А. *Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.* Дисс. докт. ист. наук. Санкт-Петербург, 2015. 552 с. [Tsvetkova N.A. *Public Diplomacy as an Instrument of Ideological and Cultural Expansion of the U.S. in the World*. Dr. Diss. (Hist.). Saint-Petersburg, 2015. 552 p. (In Russ.)]
10. Zemaityte, V., Coate, B., Verhoeven D. Media Trade Beyond Country Borders: Five Types of Global Cinema Distribution. *SSRN Electronic Journal*, 01.06.2018. DOI: 10.2139/ssrn.3228310
11. Артамонова У.З. *Публичная дипломатия США как политическая технология*. Дисс. канд. полит. наук. Москва, 2023. 244 с. [Artemonova U.Z. *Public Diplomacy of the U.S. as a Political Technology*. Cand. Diss. (Polit.). Moscow, 2023. 244 p. (In Russ.)]
12. Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity*. New York, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 204 p.

¹⁸ Fienberg D. 'The Regime' Review: Kate Winslet Shines, but the Political Satire Is Shaky, in HBO Limited Series. *The Hollywood Reporter*, 27.02.2024. Available at: <https://www.hollywoodreporter.com/tv/tv-reviews/the-regime-review-kate-winslet-1235834300/> (accessed 02.06.2024); Felperin L. 'Limonov: The Ballad' Review: Ben Whishaw in Kirill Serebrennikov's Perplexing Portrait of a Russian Writer and Dissident. *The Hollywood Reporter*, 19.05.2024. Available at: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-reviews/limonov-the-ballad-review-ben-whishaw-kirill-serebrennikov-1235900569/> (accessed 02.06.2024); Nicolle A. 'In 'The Wizard of the Kremlin', the Risk of Confusing Magic with Reality Is High'. *Le Monde*, 25.01.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2023/01/25/in-the-wizard-of-the-kremlin-the-risk-of-confusing-magic-with-reality-is-high_6013075_23.html (accessed 02.06.2024).

¹⁹ Méheut C. A Hit French Novel Tries to Explain Putin. Too Well, Some Critics Say. *The New York Times*, 21.01.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/01/21/world/europe/france-putin-wizard-kremlin-da-empoli.html> (accessed 02.06.2024); Edel A. Review: HBO's 'The Regime' Misunderstands Autocracy. *Foreign Policy*, 14.04.2024. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/04/14/regime-hbo-review-kate-winslet-autocracy/> (accessed 02.06.2024).

13. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. *Психология массовой политической коммуникации: Учебное пособие*. Москва, Издательство Московского университета, 2013. 299 с. [Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. *Psychology of Mass Political Communication: A Manual*. Moscow, Izdateľ'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. 299 p. (In Russ.)]
14. Saunders F.S. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. New York, The New Press, 2001. 528 p.
15. Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007. 352 p.
16. Konrad T. Cold War Nostalgia, (Geo)Political Progress, and James Bond in Golden Eye (1995). Hines C. et al., eds. *James Bond Will Return: Critical Perspectives on the 007 Film Franchise*. New York, Columbia University Press, 2024, pp. 202-211.
17. Prorokova-Konrad T., ed. *Cold War II: Hollywood's Renewed Obsession with Russia*. Jackson, University Press of Mississippi, 2020. 264 p.
18. Empoli da G. *The Wizard of the Kremlin: A Novel*. New York, Other Press, 2023. 304 p.
19. Назаретян А.П. Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности. Шорохова Е.В., отв. ред. *Актуальные проблемы социальной психологии: Тезисы научных сообщений Всесоюзного симпозиума по социальной психологии*. Кострома, ИПАН–КГПИ, 1986, сс. 110-111. [Nazaretyan A.P. Social Stereotypes Within the Personality System. Shorokhova E.V., ed. *Actual Problems of Social Psychology: Abstracts of Scientific Reports of the All-Union Symposium on Social Psychology*. Kostroma, IPAN–KGPI, 1986, pp. 110-111. (In Russ.)]

ВИДЕОИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

© СТРОКОВА М.И., 2024

СТРОКОВА Марина Игоревна, старший лаборант-исследователь группы подготовки книжных изданий научно-издательского отдела.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (strokova.m.i@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8882-022X

Строкова массового 2024, № 4,	М.И. сознания. сс. 43-56.	Видеоигры как инструмент Анализ и прогноз. Журнал	формирования ИМЭМО РАН, EDN: GMEIWK
-------------------------------------	---------------------------------	--	---

DOI: 10.20542/afij-2024-4-43-56

EDN: GMEIWK

УДК: 32+327.8+79

Поступила в редакцию 31.07.2024.

После доработки 02.09.2024.

Принята к публикации 25.10.2024.

Индустрия видеоигр продолжает стремительно развиваться с технологической и экономической точек зрения, став главной отраслью индустрии развлечений по общей прибыли. Кроме того, формируется полноценная научная дисциплина, лудология (от греч. *ludus* – “игра”), однако этому направлению уделяется мало внимания специалистами в области международных отношений. За счет процессов проецирования и иммерсии, более выраженным чем при потреблении других форм медиаконтента, игры оказывают большее эмоциональное и психологическое воздействие на человека. Выведенные в них положительные или же отрицательные образы играют роль в стереотипизации. Видеоигры могут формировать определенное отношение не только к конкретным странам, народам и социальным группам, но и к феноменам и событиям настоящего и прошлого (например, к колониальной политике), стать платформой для политических высказываний и манипуляций. Их действие может проходить по сценарию альтернативной истории, или лишь их отдельные элементы могут напоминать реальную действительность, но все это участвует в формировании ассоциаций, стереотипов, образов, мифов и, как следствие, массового сознания. Национальные государства и другие акторы только начинают осознанно использовать видеоигры как инструмент “мягкой силы” и публичной дипломатии, одновременно с этим развиваются механизмы государственной поддержки игровой индустрии и механизмы ее регулирования, в том числе в Российской Федерации.

Ключевые слова: видеоигры, “мягкая сила”, стереотипизация, массовое сознание, манипуляция массовым сознанием, исторический нарратив, альтернативная история.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

VIDEO GAMES AS AN INSTRUMENT OF MASS
CONSCIOUSNESS FORMATION

Received 31.07.2024. Revised 02.09.2024. Accepted 25.10.2024.

Marina I. STROKOVA (strokova.m.i@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8882-022X,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Video game industry continues to develop rapidly both technically and economically, and it is now the main part within media industry in terms of overall revenue. Moreover, a whole new science is emerging – ludology (from Greek ludus, ‘game’), which does not receive a lot of attention from specialists in international studies. Due to the processes of projection and emersion that are more distinct than in other types of media content, games have a more profound emotional and psychological influence on a person. Images depicted there – positive or negative – play a part in stereotyping. Video games are able to form a certain attitude not only to a country, nation or a social group, but also to phenomena and events, past and present (i.e., to colonial policies), they can be a platform for political speeches and manipulations. A story in them may be an alternative history with only some elements close to the objective reality, however, they contribute to the formation of associations, stereotypes, images, myths and, as a result, to the mass consciousness formation. Nation states and other actors are only starting to strategically use video games as a ‘soft power’ and public diplomacy tools, all while governmental support to the gaming industry and regulatory mechanisms are emerging, in the Russian Federation as well.

Keywords: video games, ‘soft’ power, stereotyping, mass consciousness, mass consciousness manipulation, historical narrative, alternative history.

About the author:

Marina I. STROKOVA – Senior Research Assistant, Book Preparation Group, Scientific-Publishing Department.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Strokova M.I. Video Games as an Instrument of Mass Consciousness Formation. Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2024, no. 4, pp. 43-56. DOI: 10.20542/afj-2024-4-43-56 EDN: GMEIWK

Жизнь имитирует искусство гораздо больше,
чем искусство – жизнь.
Оскар Уайлд
(эссе “Упадок искусства лжи”, 1889 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Впервые термин “массовое сознание” встречается в книге французского ученого Гюстава Лебона “Психология народов и масс” [1], опубликованной в 1895 г. Лебон считал, что сознание индивида в группах подавляется, а доминирует сознание “массы”, которое единогласно, эмоционально и интеллектуально слабо. Как группы он выделял “расы”, имея в виду сообщества, объединенные общей культурой (англосаксонская раса, латинская раса). Еще тогда Лебон отмечал влияние циркуляции новостных газет на создание масс как нового субъекта политики, при этом они необязательно должны состоять из людей, живущих близко друг от друга.

В дальнейшем проблемы массового сознания и массового поведения оказались в фокусе внимания политологов, политических психологов и социологов в контексте изучения взаимосвязи и взаимоотношений человека и общества, мотивации в общественных отношениях, а также знаний, ценностей, образов, настроений и эмоций в психологии индивидов и социальных групп (см., например, [2]). Цифровизация общества, создание и усложнение глобального цифрового пространства, появление новых медиа создали принципиально новый контекст анализа политико-психологических феноменов в массовом сознании [3; 4].

Вплоть до недавнего времени воздействие видеоигр на массовое сознание, особенно молодежных групп, чаще рассматривалось с точки зрения ментального здоровья [5] и в рамках споров о том, существует ли прямая связь между увлечением видеоиграми и ростом агрессии среди подростков [6; 7; 8]. Новым направлением анализа стало изучение влияния видеоигр на политическое восприятие, становление или трансформацию политических взглядов личности и формирование политической картины мира индивидов и групп. Речь фактически идет о ресурсах игр формировать массовое сознание и/или манипулировать им.

Что касается потенциала игр содействовать участию в протестной активности, то была замечена, например, необычная связь между общественным движением в США против расизма и насилия в отношении чернокожих *Black Lives Matter* и игрой *Animal Crossing: New Horizons* (2020 г.). Суть *Animal Crossing* заключается в создании своего острова, который впоследствии могут посещать другие игроки. Летом 2020 г., после очередного обострения вопроса расового неравенства в Соединенных Штатах, данная игра стала частью протеста¹. В Интернет были выложены схемы, чтобы с помощью пикселей нарисовать плакат с названием движения на внутриигровом мольберте или же создать элемент одежды с его символикой. Таким образом люди могли виртуально показать свою солидарность, даже оставаясь дома во время пандемии *COVID-19*. У проекта многомиллионная и демографически неоднородная аудитория, что делает подобные акции эффективными.

Различные формы медиа оказывают воздействие на человека сочетанием реального мира, информационного (индивидуальная память) мира и символического (социальная память) [9]. Медиадискурс может служить для политических целей при его построении по типу “добро–зло” и “свой–чужой”. Современная культурно-индустриальная система медиа активно используется государствами и другими политическими акторами. Ученые, занимающиеся вопросами медиа, отмечают применение “сторителлинга” (англ. *storytelling*) как формы пропаганды, стирающей грани между правдой и вымыслом [10] и превращающей в том числе видеоигры в политизированные виртуальные пространства публичной политики, в которых формируются дискурсы². Поэтому в данной статье рассматриваются именно игры с историческими сюжетами, созданные в различных жанрах игровой индустрии. При этом ключевыми остаются вопросы о том, игры ли формируют и даже навязывают образы или они отражают реалии общественно-политической среды, в которой находятся геймеры, и выйти за рамки этих реалий сложно, поскольку это чревато потерей аудитории, а значит, рынка, стремятся ли разработчики видеоигр выдерживать необходимый баланс, насколько они в этом успешны.

РАСЦВЕТ ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

Существуют работы, анализирующие роль медиа в формировании политических взглядов и стереотипов, однако в большинстве публикаций упоминают фильмы, сериалы и книги и не учитываются видеоигры, которые также были и будут политизированы. Видеоигра может быть противопоставлена выдающимся работам по истории, превращая

¹ Black Lives Matter Meets Animal Crossing: How Protesters Take Their Activism into Video Games. *The Guardian*, 07.08.2020. Available at: <https://www.theguardian.com/games/2020/aug/07/black-lives-matter-meets-animal-crossing-how-protesters-take-their-activism-into-video-games> (accessed 11.07.2023).

² Foust J. *Video Games Are the New Contested Space for Public Policy*. Brookings Institution. 25.03.2021. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/video-games-are-the-new-contested-space-for-public-policy/> (accessed 02.09.2022).

читателей, учеников и зрителей в игроков – активных участников процесса. Видеоигра обладает гораздо бóльшим потенциалом для представления истории, чем любая другая форма развлекательных и интерактивных медиа. Невзирая на то, что компьютерные и видеоигры считаются далекими от исторических нарративов, они исследуют и формируют мнения о культуре, экономике, политике и о том, как устроено общество [11].

Каждый год индустрия растет, и пока рейтинги премии Американской академии кинематографических искусств и наук “Оскар” ежегодно снижаются, просмотры *The Game Awards (TGA* – церемония награждения победителей и номинантов среди тех, кто так или иначе внес вклад в развитие индустрии видеоигр, проводится с 2014 г.) неуклонно растут³. В 2020 г. просмотры масштабного шоу *TGA* превысили более чем в два раза аналогичные церемонии награждения показатели кинопремии “Оскар” (вручается с 1929 г.), а также суммарные показатели церемоний “Грэмми” (музыкальная премия, вручаемая с 1958 г. ежегодно американской Национальной академией искусства и науки звукозаписи) и “Эмми” (телевизионный эквивалент “Оскара”, основана в 1949 г.). В последующие годы различие в численности аудитории мероприятий стало еще более разительными. В то же время стоит отметить, что благодаря достижениям многими проектами фотореализма (рис. 1) и кинематографичности, появился жанр “интерактивного фильма”, и создатели игр стали чаще привлекать видных представителей мира кино, которые по сути становятся исполнителями роли – дарят внешность, участвуют в захвате движений и озвучивании (Леа Сейду и Гильермо дель Торо в *Death Stranding*, Джесси Бакли в *The Dark Pictures Anthology: The Devil in Me*, Киану Ривз в *Cyberpunk 2077*, Кэрри-Энн Мосс в *Horizon: Forbidden West*). И если раньше от такого рода ролей отказывались, то сейчас ситуация меняется, также известные исполнители активно участвуют в промокампании игр.

Рисунок 1. Главный персонаж игры *Horizon: Forbidden West*

Источник: снимок экрана сделан автором, все права принадлежат правообладателям.

Международная консалтинговая компания *PricewaterhouseCoopers* в своем прогнозе развития индустрии развлечений и медиа на 2023–2027 гг. говорит о том, что этот рост будет продолжаться и далее. Ожидается, что к 2026 г. оборот игрового рынка достигнет 312 млрд долл. США при нынешнем показателе в 227 млрд. Сам сектор игр в отчете эксперты назвали движущей силой мировой индустрии развлечений и медиа, а интерес к ним проявляют во всех возрастных группах [12].

Так, крупнейшая британская энергетическая компания *Utilita Energy* провела в 2021 г. социологическое исследование среди главных потребителей электричества

³ Meet the Man Behind the Game Awards, the Most Influential Event in the Video Game Industry. *Protocol*, 08.12.2020. Available at: <https://www.protocol.com/game-awards-geoff-keighley> (accessed 02.09.2022).

– семей, в которых есть любители видеоигр⁴. Опрос 2 тыс. взрослых британцев по всей стране выявил усредненный образ геймера в более чем 9 млн домохозяйств: это человек в возрасте около 40 лет, работающий, имеющий троих детей. Также результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что мужчины и женщины проводят в играх практически одинаковое количество времени, а в большинстве семей насчитывается более двух игровых консолей.

Подобные опросы проводятся регулярно и в США. В том же 2021 г. почти 227 млн американцев играли в видеоигры (в 2020 г. таких людей было около 214 млн), две трети взрослых и три четверти детей младше 18 лет делали это еженедельно, 80% игроков были старше 18 лет, а средний возраст американского геймера составил 31 год⁵. Миллионы новых игроков появились в мире во время локдаунов из-за новой коронавирусной инфекции. Тенденция к росту в игровой индустрии сохранилась и после окончания пандемии.

ПОЗИТИВНЫЕ ОБРАЗЫ

Практически все позитивные образы сводятся к репрезентации в игре культуры, страны или представителей маргинализированных групп [13]. Видеоигры – интерактивный и крайне иммерсивный медиапродукт, создающий эффект погружения в искусственно созданную среду. В исследовании, проведенном на кафедре психологии Макмастерского университета (Канада), было выявлено вероятное наличие психологической конвергенции между игроком и персонажем – иммерсии, при которой игрок временно перенимает эмоциональное состояние и мыслительные процессы персонажа [14]. Проецирование себя на персонажа при игре – основной процесс, в который вовлекается большинство игроков, ему противопоставлена иммерсия, которая возникает в сюжетно-ориентированных играх с наличием персонажа, который обладает выраженной мимикой и речью, позволяющими игроку определять его или ее эмоции и мысли, то есть не является лишь аватаром или протоперсонажем.

Среди стран со значимой государственной поддержкой данной индустрии развлечений и все большим присутствием на мировом рынке видеоигр выделяется Польша. По данным польского Агентства развития предпринимательства в сфере разработки видеоигр в указанной сфере трудоустроено 15290 человек, а суммарная выручка в 2022 г. составила 1.286 млрд евро. В стране функционируют основанное в 2016 г. государственное агентство *ARP Games*, а также фонд *Indie Games Poland*, поддерживающий с 2015 г. независимых разработчиков⁶ и помогающий представителями польской игровой индустрии вести диалог с правительственными и международными организациями. Например, разработчики пронизанной славянской мифологией серии *The Witcher* (2007 г. – наст. время) и *Cyberpunk 2077* (2020 г.) – *CD Project Red* – получали многомиллионные гранты от польских правительственных фондов. Из знаковых игр следует отметить: *Medium* (2021 г.) от *Bloober Team*, серию *Dying Light* (2015 г. – наст. время) от *Techland*, *The Invincible* (русс. Непобедимый) от *Starward Industries* по одноименной книге польского писателя-фантаста Станислава Лема 1964 г., а также антивоенную *This War of Mine* от *11 bit studios*, которая была включена в программу чтения для учеников старшей школы Министерством науки и высшего образования Польши. Подобные поддерживаемые государством инициативы привлекают инвестиции в экономику страны, иностранных издателей и разработчиков компаний, создают новые рабочие места, улучшают восприятие страны иностранными игроками. Успех польских разработчиков видеоигр отчасти связан с тем, что более 65% созданных в Польше игр переведены на более чем два языка по сравнению с этим же показателем вне Польши в 29%.

⁴ Family Game. Average 'Gamer' Is Full-Time Professional and Dad-of-Three, Says New Study. *The Sun*, 10.02.2021. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/14003920/average-gamer-full-time-professional/> (accessed 02.09.2022).

⁵ 2021 Essential Facts About the Video Game Industry. 13.07.2021. Available at: <https://www.theesa.com/2021-essential-facts-about-the-video-game-industry/> (accessed 02.09.2024).

⁶ Независимая или инди-игра (от англ. *independent*) создается малочисленными командами разработчиков без финансовой и технической поддержки крупных издателей.

Постапокалиптическая трилогия *Metro* (*Metro 2033* 2010 г., *Metro: Last Light* 2013 г., *Metro Exodus* 2019 г.) по мотивам одноименной книги Дмитрий Глуховского⁷ внесла большой вклад в улучшение представлений иностранцев о русскоязычной культуре, в том числе повседневной. Игроки исследуют закоулки московского метро, забираются на Останкинскую телебашню, на поезде пересекают страну, слушая по радио песню Виктора Цоя “Хочу перемен!”, посещают гору Ямантау, исследуют Новосибирск и его систему метро, находят пристанище у озера Байкал. Однако в игру 2019 г. был добавлен неоднозначный трофей под названием “Декоммунизация”, который можно получить при разрушении статуи Ленина на территории заброшенного детского лагеря. И хотя само повествование игры к этому напрямую не призывает, также в связи со стремлением к реализму многие элементы окружения можно разрушить. В данном случае можно говорить о попытке создателей этой сюжетной FPS игры (от англ. *first-person shooter*, шутер (“стрелялка”) от первого лица) манипулировать психологическими аспектами представлений игроков о демократии, делая акцент на мотивах и поведении рядовых граждан в отношении власти и их свободе выбора.

История серии *Assassin's Creed* в жанре *action adventure* (приключенческая игра), созданная французской компанией *Ubisoft*, с офисами в 20 странах мира, начинается с 2007 г., в общей сложности было продано более 200 млн копий игр серии, также выпущены различные товары по ее мотивам, фильмы, книги, комиксы и т.д. Поэтому сам факт, что в 2015 г. вышла игра под названием *Assassin's Creed Chronicles: Russia*, было значимым событием. Действия игры разворачиваются в 1918 г., сюжет альтернативной истории начинается с того, как главный герой – Николай Орлов – спасает от смерти Анастасию Романову, младшую дочь последнего российского императора, расстрелянного с семьей в Екатеринбурге в 1918 г.

Syberia (“Сибирь”, четыре части начиная с 2002 г.) – серия игр, созданная Бенуа Сокалем и издаваемая французской компанией *Microïds*. Главная героиня, американский юрист, находится в поисках Сибири. Сибиря – это некий остров на востоке, где живет племя юколов, которые смогли одомашнить мамонтов, прототипом этого места является Остров Врангеля. Конечно, образ России утрирован и лишь отдаленно напоминает истинный, но у многих после прохождения игры в сознании остаются какие-то положительные образы и ассоциации. И в первой, и во второй части серии можно слышать известный русский романс “Очи черные”, его можно услышать в кафе, узнать мелодию, которую насвистывают второстепенные персонажи, и по-настоящему насладиться им в исполнении оперной певицы Елены Романовской, которой, по сюжету главной героине, нужно будет помочь.

Также в четвертой номерной части серии – *Syberia: The World Before* (в русском переводе – “Сибирь: Память прошлого”), вышедшей в 2022 г., в центре сюжета лежат события 1937 г. в вымышленном центральноевропейском государстве Остерталь, в котором начинаются погромы, индуцированные крайне правой партией против жителей немецкоговорящего города Вагена (что, очевидно, является аллюзией на еврейские погромы). В Вагене, расположенном на реке Домбра, некоторые угадывают венгерский Домбрад на берегу Тисы, а в Остертале – Венгрию, Чехословакию или Австрию, где в годы Второй мировой войны нацисты и их союзники массово преследовали, принудительно изолировали в гетто и уничтожали евреев. Уже играя за героиню в наше время, можно воспользоваться компьютером и прочитать различные заметки об истории страны и об ее освобождении в 1945 г. силами союзников под предводительством именно Красной армии без попытки преуменьшить или нивелировать роль Советского Союза в победе во Второй мировой войне. Во внутриигровых документах также можно прочитать газетную вырезку с речью советского майора о том, что победа не была бы возможной без усилий советского завода в индустриальном городе Комколзград, который по сюжету главная героиня серии побывала в первой части серии.

Кроме того, действие видеоигры в определенной локации может привести к росту туризма и вложений в экономику страны. *Ghost of Tsushima* (русс. “Призрак Цусимы”) – игра, разработанная американской студией *Sucker Punch Productions* и посвященная

⁷ Внесен Министерством юстиции РФ в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

борьбе Японии с нашествием монголов в XIII в., начавшегося с острова Цусима. На восстановление поврежденного тайфуном ворота синтоистского святилища на острове планировали собрать 5 млн йен, но собрали на 542% больше необходимой суммы – более 27 млн, и все потому, что поклонники игры обратили внимание на сбор средств, начатый священнослужителем храма, большая часть пожертвований поступила от них. Мэр Цусимы Хироки Хитакатсу поблагодарил разработчиков за рассказ об острове в игровом формате “с такой феноменальной графикой и глубокими историями”: ведь название и расположение Цусимы мало кому в мире было известно, и даже многие японцы не знают историю периода Гэнко. Он заявил, что местные власти вместе с издателем игры в лице транснациональной компании *Sony Interactive Entertainment* разработают специальную туристическую программу по мотивам игры, чтобы люди со всего мира, узнав о Цусиме благодаря данной видеоигре, захотели поехать туда, чтобы увидеть и по-настоящему узнать остров⁸.

Другие примеры репрезентации стран: *Uncharted: The Lost Legacy* (Индия), *Call of the Sea* (Полинезия), *Shadow of the Tomb Raider* (Мексика и Перу), серия игр *Yakuza* (Япония). Как правило, они присутствуют в большой части “сюжетных” игр.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ

Частая тема в видеоиграх – апокалипсис, вызванный неким биологическим агентом, в особенности вирусом. Чаще всего виновником бедствия оказываются США, и крах всего человечества начинается с Северной Америки. Иногда подобные вирусы распространяются случайно при утечке из лаборатории, как в *Days Gone* (русс. “Жизнь после”, 2019 г.), в других же случаях они изначально были разработаны как биологическое оружие: серии *Resident Evil* (1996 г. – наст. время) и *Prototype* (2009 и 2012 гг.).

Корреляционный анализ подобных примеров показывает, что предпочтение игр с постапокалиптическим сюжетом ассоциировано с готовностью поддерживать инициативы, направленные на предотвращение природных и техногенных катастроф, а также с верой в возможность пережить глобальную катастрофу при условии подготовки к ней [15].

В других ситуациях некоторых персонажей показывают в отрицательном ключе, акцентируя внимание на их национальной или этнической принадлежности. Так, во втором сезоне *Telltale Games' The Walking Dead* герои игры встречают группу выживших, они вооружены АК-47, их мотивация и предшествующая жизнь никак не раскрываются, но практически все говорят только на русском. Заведя героев в засаду, они устраивают перестрелку, причем их не остановил тот факт, что среди протагонистов есть новорожденный ребенок.

В этом смысле серия игр *Call of Duty* в жанре сюжетного FPS неоднократно вызвала общественный резонанс, формируя образ “плохого русского” (не будем забывать, что игры такого жанра разработаны в основном в США, а в основе сюжета большинства игр серии – противостояние СССР/России и США). Действие *Call of Duty: Modern Warfare* (2019 г.) происходит в вымышленной стране под названием Урзыкстан, являющейся аллюзией на Сирию. Всеми антагонистами выступают русские генералы. По сюжету одна из протагонистов – руководитель повстанцев – в детстве стала сиротой во время вторжения ВС РФ в Урзыкстан. Как отметил автор российского журнала “Игромания”: “Сценарист будто сначала написал классический боевик про ближневосточных экстремистов, а потом подумал, что игре не хватает какого-то вселенского зла, и добавил русских”⁹. И хотя сами создатели из американской студии *Infinity Ward* настаивают, что хотели изобразить колониализм,

⁸ Ghost of Tsushima Devs to Be Made Permanent Ambassadors of the Real Island. *Video Games Chronicle*, 05.03.2021. Available at: <https://www.videogameschronicle.com/news/ghost-of-tsushima-devs-to-be-made-permanent-ambassadors-of-the-real-island/> (accessed 02.09.2023).

⁹ Обзор Call of Duty: Modern Warfare. Хорошая игра, плохие русские. *Игромания*, 31.10.2019. Available at: https://www.igromania.ru/review/30614/Obzor_Call_of_Duty_Modern_Warfare_Horoshaya_igra_plohie_russkie.html (accessed 10.07.2024).

прокси-войны и дисбаланс сил в “совершенно неполитизированной манере”¹⁰, у них это вряд ли получилось. Данная игра в России распространялась ограниченно: не продавалась на физических носителях, причем компания *Sony Interactive Entertainment* самостоятельно приняла данное решение в российском отделении магазина цифровой дистрибуции игр *PlayStation Store* (к российскому отделению также относились большинство игроков из стран СНГ).

Также в качестве отрицательной репрезентации можно выделить одного из антагонистов *Mass Effect 3* (2012 г.) – генерала Олега Петровского, капитана космического судна “Эльбрус”. Действие игры происходит в далеком будущем, где понятие национальной принадлежности уже не применимо, играет роль только расовая принадлежность (например, принадлежность к людям – *human race*). Генерал был безжалостен к жителям захваченной им космической станции “Омега”, главному герою игра дает следующий выбор: позволить Петровскому быть убитым или взять его в плен.

Metal Gear Solid V: The Phantom Pain (2015 г.) – последняя часть в серии игр японского геймдизайнера Хидео Кодзимы. Игрок берет на себя роль главы частной военной компании *Diamond Dogs*, и заметная доля миссий проходит в Афганистане 1984 г., где врагами выступают советские солдаты. Задания же в основном заключаются в спасении пленных, ликвидации противников, краже ресурсов и поиске различных чертежей. Помимо этого, напарницу протагониста во время одной из миссий похищают и именно в афганском эпизоде игры поднят вопрос сексуализированного насилия и именно со стороны войск Советского Союза.

Другим примером служит разработанная различными американскими игровыми студиями серия *Fallout* (буквально – радиоактивные осадки), первая часть которой вышла более 20 лет назад, в мире игры упоминается событие, разделившее историю человечества на до и после – Великая война (*Great War* по аналогии с Первой мировой войной, которую на Западе традиционно называют Великой войной), жертвами которой стали 7.54 млрд человек. Этой войной был некий американо-китайский конфликт, начавшийся в 2066 г. и длившийся около 10 лет, Соединенные Штаты достигли в нем значительных успехов и были близки к захвату Пекина. При изучении внутриигровых документов становится известно, что именно Китай первым использовал ядерное оружие. Человечество спаслось лишь благодаря системе многочисленных подземных комплексов-бункеров, построенных при поддержке правительства США на фоне общественного страха войны с применением ядерного оружия. Те, кто не смог в них попасть, погибли, либо подверглись радиационно-индуцированным мутациям. Здесь виден новый поворот такого рода сюжетных игр в контексте трансформации современного миропорядка и стратегического тренда на полицентризм в мировой системе, в основе сюжета большинства игр серии теперь США противостоит Китай, нарастивший сопоставимый с Соединенными Штатами ядерный потенциал.

Far Cry 6 (2021 г.) – игра канадского подразделения французской студии *Ubisoft* – также интересна основой своего сюжета. Действие происходит на Яре, вымышленном островном государстве Карибского бассейна, прототипом которого очевидно выступает Куба. На Яре авторитарная диктатура, и страна изолирована от остального мира (рис. 2). Нарративный директор игры описывал остров как “почтовую открытку из шестидесятых годов, застывшую во времени”¹¹. В то же время международное сообщество не может помочь яранцам, ведь лишь за счет их рабского труда миру доступно лекарство *Viviro*, уникальный противоопухолевый препарат, производимый из эндемичного яранского растения. Власти поставляют его не всем странам, используя в своих политических играх, – препарат не экспортируют на территорию США, даже несмотря на предложение американских властей ослабить санкционное давление на остров. Перед нами сюжет

¹⁰ Infinity Ward Says Modern Warfare Isn't Political. *PC Gamer*, 09.08.2019. Available at: <https://www.pcgamer.com/infinity-ward-says-modern-warfare-isnt-political/> (accessed 02.09.2022).

¹¹ Far Cry 6 Narrative Director on Tropical Setting and Creating a New Villain. *Ubisoft News*, 12.07.2020. Available at: <https://news.ubisoft.com/en-ca/article/13Ub9wz4Y67LYjox2oytzO/far-cry-6-narrative-director-on-tropical-setting-and-creating-a-new-villain> (accessed 02.09.2022).

не альтернативной, а вводящей в заблуждение псевдоистории с элементами реальных исторических фактов: жесткие экономические санкции Соединенных Штатов против Кубы в ответ на экспроприацию собственности американских граждан и компаний после революции 1959 г., несомненные успехи медицины и системы здравоохранения социалистической Кубы. Игроку предлагается задуматься не только о судьбе авторитарных режимов в современном мире, но и о феномене авторитарной личности, для которой важны исключительно власть, деньги, статус и которой удается сохранить форму правления в том числе в силу политического конформизма лидеров государств, терпимых к диктатору, который фактически манипулирует ими, дергая за ниточки, словно марионеток.

Рисунок 2. Антиправительственное граффити, которое можно встретить в *Far Cry 6*

Источник: снимок экрана сделан автором, все права принадлежат правообладателям.

Также примером отрицательной репрезентации служит *Beyond: Two Souls* (русс. "За гранью: Две души", 2013 г.), разработанная французской студией *Quantic Dream*. Главная героиня обладает сверхъестественными способностями и уже некоторое время работает на Центральное разведывательное управление США. Во время одной из миссий ее посылают в Сомали, чтобы ликвидировать военачальника ополчения, не пускающего в город гуманитарную помощь. Однако после выполнения задания она осознает, что ее целью на самом деле был демократически выбранный президент. По городу расклеены постеры с ним, намекая на присутствие культа личности, которые оказались плакатами его предвыборной кампании. Таким образом, в играх показывают военные преступления и то, как спецслужбы обманым путем используют людей в своих целях. В этом случае видеоигры формируют стереотипы восприятия власти, авторитаризма и демократии, а также параметры образов политиков и представителей спецслужб.

Тот факт, что игровые студии приглашают консультантов по культуре и политике, которые помогают компаниям предвидеть возможную нежелательную реакцию от критиков, игроков и правительств стран¹², говорит в пользу того, что в основе сюжетных линий и поворотов могут лежать личные идеи и представления сценаристов, а не чьи-то политизированные намерения. Разработчикам нередко приходится удалять нежелательные сюжеты или персонажей из игр, чем-то жертвуя в борьбе за массовую аудиторию, дабы избежать возможных запретов на распространение видеоигр в некоторых странах. Например, в 1997 г. власти Южной Кореи были недовольны тем, что *Microsoft* в своей стратегической игре *Age of Empires* изобразили сценарий, при котором Япония вводит в страну свои войска. Разработчики вскоре выпустили обновление, убрав этот спорный момент.

¹² This Geographer Helps Video Game Developers Avoid Angering Countries. *The Washington Post*, 28.07.2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/video-games/2022/07/28/video-game-politics-sensitivity-consultant/> (accessed 18.08.2022).

Life is Strange: True Colors (2021 г.) вызвала резонанс среди китайских игроков ввиду того, что на главной улице города расположен магазин *Treasures of Tibet* (русс. “Сокровища Тибета”), на котором развивается флаг Тибета. На нем изображена гора с двумя снежными львами, шестью синими и шестью красными лучами, расходящимися от солнца (рис. 3). Данный “национальный” флаг запрещен в самом Тибете китайскими властями и считается символом сепаратизма. Китайские геймеры подвергли игру ревью-бомбингу, то есть ставили на сайтах-агрегаторах, в основном на *Metacritic*, минимально возможный рейтинг. Все это делалось с целью снизить общий рейтинг от игроков, на который зачастую ориентируются потенциальные покупатели, и снизить в последующем продажи проекта. Таким образом, люди могут ставить оценку не сюжетным линиям, графической составляющей, саундтреку и геймплею, а каким-то отдельным элементам, которые им не нравятся с политической или идеологической точки зрения. Однако есть исследования, которые говорят об обратном эффекте таких действий: со временем рейтинг игры возрастает благодаря тем, кто ставит максимально возможное количество баллов в противовес тем, кто выставляет минимально возможную оценку [16]. Благодаря обсуждению в социальных сетях и новостных ресурсах больше людей обращает внимание на игру, особенно те, кто не согласен с идеологией, последователи которой искусственно занижали рейтинг игры.

Рисунок 3. Главная улица из игры *Life is Strange: True Colors*

Источник: снимок экрана сделан автором, все права принадлежат правообладателям.

В ролевой игре *Banishers: Ghosts of New Eden* (2024), разработанной французской студией *Don't Nod* и получившей преимущественно положительные отзывы, в основе сюжета лежит антиколониальный нарратив. Главный герой – Ред мак Рэйф, охотник за привидениями, приехавший в Новую Англию для борьбы с проклятием, настигнувшем колонию Новый Эдем. При этом многие персонажи пренебрежительно обращаются к герою “шотландец” (англ. *Scot, Scotsman*), услышав акцент его речи. Во время одной из миссий игрок узнает, что колонисты Нового Эдема перед атакой продали племени индейцев ткани, зараженные вирусом натуральной оспы, что укрепляет в массовом сознании нарратив об осознанном геноциде индейцев с применением биологического оружия. Стоит отметить, что найдено единственное задокументированное упоминание о возможном применении зараженных одеял в 1763 г. при осаде форта Питт, а сам вирус может присутствовать на ткани и оставаться контагиозным не более 24 часов.

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ В РОССИИ

Аналитический центр Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) совместно с Организацией развития видеоигровой индустрии разработали проект “Гейминг в России – 2022”¹³, в рамках которого проводился опрос 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 53 регионах РФ. Был сделан вывод о том, что 60% россиян (88 млн человек) играют в игры, 26% из них – не на мобильных устройствах (именно те, кто играет в большие по продолжительности и сюжетно-ориентированные проекты, которые обсуждаются в статье). Годовой объем рынка в России оценивается в 383 млрд руб.

Появляется все больше образовательных программ в области разработки видеоигр. Так, в феврале 2022 г. в Северной Осетии в рамках национального проекта “Образование” был запущен курс для школьников по созданию видеоигр¹⁴. В Высшей школе экономики проводится программа профессиональной переподготовки “Менеджмент игровых проектов”, обучающая навыкам создания игр и помогающая с трудоустройством в игровую компанию на должности геймдизайнера или руководителя проекта¹⁵. При проведении конкурса в 2023 г. Президентским фондом культурных инициатив победителем стал проект “Фестиваль ИГРОПРОМ на ВДНХ”, общая сумма на реализацию проекта составила более 18 млн руб¹⁶.

В Указе Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314¹⁷ было поручено продумать механизмы контроля видеоигр на предмет “искаженного представления о событиях отечественной и мировой истории, а также о месте и роли России в мире”. Стоит отметить, что подобные проекты зачастую и так официально не поставляются в Российскую Федерацию, и даже сами издатели не дают возможность приобрести на онлайн-площадках потенциально противоречивые проекты. Например, как было упомянуто ранее, *Call of Duty: Modern Warfare* (2019 г.) не продавалась на PlayStation в РФ ни на физических носителях, ни на онлайн-площадках по решению американской компании *Sony Interactive Entertainment*.

Упомянутые выше механизмы могут быть применены в рамках создания системы маркировки игр, над которой работает Министерство экономического развития с 2023 г. Стоит отметить, что в мире уже существуют различные системы маркировки игр с градацией по возрасту, наиболее распространенная в Европе – от *Pan-European Game Information (PEGI)*, применяемая более чем в 35 странах. Система *PEGI* применяется с 2003 г., а сама компания является независимой некоммерческой организацией с юридическим лицом в Бельгии. На упаковку игры (коробку от диска) также выносятся визуальная маркировка о наличии в игре дискриминации, насилия, нецензурной лексики, азартных игр, наличия внутриигровых покупок и пр. На поставляемых в Россию дисках с видеоиграми наиболее часто можно увидеть именно рейтинг *PEGI*, поверх которого импортеры уже приклеивают рейтинг от Российской системы возрастных рейтингов (РСВР), единой для игр и других медиапродуктов, таким образом, никакой дополнительной информации кроме возрастного ограничения она не несет.

В апреле 2024 г. вышла видеоигра “Смута” российского производства, созданная по гранту от автономной некоммерческой организации “Институт развития интернета” (создана при поддержке Администрации Президента РФ). По некоторым источникам,

¹³ Гейминг в России – 2022. Социальные и экономические эффекты. НАФИ. Аналитический центр. Available at: <https://naf.ru/projects/it-i-telekom/geyminng-v-rossii-2022-sotsialnye-i-ekonomicheskie-effekty/> (accessed 02.09.2023).

¹⁴ Проект для школьников по созданию видеоигр начался в Северной Осетии. 23.02.2022. Available at: <https://национальныепроекты.рф/news/proekt-dlya-shkolnikov-po-sozdaniyu-videoigr-nachalsya-v-severnoy-osetii> (accessed 02.06.2024).

¹⁵ Менеджмент игровых проектов. Программа профессиональной переподготовки. Центр развития компетенций в бизнес-информатики Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ. Available at: https://hsbi.hse.ru/programs/vocational_retraining/menedzhment-igrovyykh-internet-proektov/ (accessed 02.06.2024).

¹⁶ См. данные Президентского фонда культурных инициатив. 2023. Available at: <https://фондкультурныхинициатив.рф/public/application/item?id=1f8b0895-25dd-4832-8afd-e5f76e73e150> (accessed 02.06.2024).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 “Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения”. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=2> (accessed 11.05.2024).

общий размер инвестиций в игру мог составлять около 1 млрд руб.¹⁸ Игра основана на романе Михаила Загоскина 1829 г. “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году”, она получила смешанные отзывы, издание “Игромания” поставило ей оценку 4/10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видеоигры поднимают те вопросы, которые волнуют общество, и в них моделируются ситуации, вызывающие самый широкий диапазон эмоций аудитории. Однако особенно важны именно сценарии развития игровых событий. Например, многие проекты показывают, как некий вирус выступает катализатором конца света, и при этом большая доля сюжетов рассказывает об утечке вируса из лаборатории и/или его рукотворном происхождении. Можно провести параллель с тем, как на фоне пандемии SARS-CoV-2 долгое время циркулировали спекуляции о происхождении коронавируса, возможной выгоде от его создания в лаборатории и дальнейшего распространения в популяции. Можно только предполагать, насколько сюжеты в медиа способствуют такой риторике.

Таким образом, важно не забывать про игровую индустрию как инструмент “мягкой силы” и публичной дипломатии. Нет сомнения в том, что видеоигры способны формировать стереотипы [17]. Стереотипизация, как в жизни, так и в видеоиграх, является побочным продуктом нашей попытки упростить и понять мир вокруг нас [18]. Когда мы стереотипируем людей, мы упрощаем их до неких групп. Такое закрепление людей в кластеры преувеличивает схожесть внутри одной группы и различия от других [19].

С.И. Белов на примере серии игр *Assassins' Creed* ярко продемонстрировал, как видеоигры могут выступать фактором коррекции социальной памяти населения, основным методом при этом служит стигматизация – “наклеивание ярлыков” [20]. В играх серии показано как практически за всеми значимые историческими событиями стоит противостояние ассасинов и тамплиеров, “добра” и “зла”, что само по себе продвигает конспирологические нарративы. Такие исторические фигуры, как Альфред I Великий, папа римский Александр VI, Джироламо Савонарола, Чезаре Борджиа, Гай Юлий Цезарь и Максимилиан Робеспьер причислены к тамплиерам и выступают антагонистами. При этом сами авторы *Assassins' Creed* не говорят об ее исторической достоверности, а при запуске игр появляется информация о том, что они лишь вдохновлены историческими событиями и личностями, а команда разработчиков крайне неоднородна.

Лудология – направление в рамках культуральных исследований. Специалисты-международники уделяют ей мало внимания. Учитывая, что, например, американцы потребляют больше вымышленного контента, чем объективного (новостей и т.д.) [21], актуальность данного направления очевидна и для игровой аудитории не только Соединенных Штатов.

Культурная значимость видеоигр отражается и в растущем интересе к ним от государств (национальных правительств) и других политических акторов. Видеоигры, действие которых происходит в какой-либо стране, помогают государствам распространять свои культурные ценности, национальные, этнические и исторические нарративы. Определенное изображение страны формирует ее восприятие в мире. Тем не менее слишком сильному национальному посылу легко стать антагонистическим вместо убедительного [22].

Остается дать ответ на важный вопрос: от чего же зависят политические мотивы в играх и кому выгодно то или иное изображение. Существуют работы, где показана связь верхушки индустрии кино со специальными службами и органами государственной власти [23; 24]. Остается неясным, можно ли проследить подобное в данной индустрии и в описанных выше примерах. Определенно играет роль то, представители каких стран занимаются производством популярных видеоигр, какие государства выделяют субсидии на поддержку игровых студий, какой политический менталитет у ведущих

¹⁸ Разработчики игры “Смута” получают новый транш в рамках господдержки. *Ведомости*, 10.02.2023. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/10/962432-razrabotchiki-igri-smuta-poluchat-novii-grant> (accessed 02.06.2024).

сценаристов и геймдизайнеров (тех, от кого зависит, что именно попадет в финальную версию), и это может стать одним из направлений перспективных исследований. Имеют значение культурное разнообразие в коллективе и реакция на сомнительные моменты тестировщиков видеоигр, а также политическая мода, принципы политической толерантности, мейнстримные общественные предпочтения в данный конкретный период в той или иной стране, регионе и мире, практики и риски “культуры отмены” как инструмента уничтожения “других” [25]. В одних странах сконцентрировано большое количество видных игровых студий, а в других практически не ведется никакая разработка, даже для мобильных устройств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Le Bon G. *Les lois psychologiques de l'évolution des peuples: essai*. Scotts Valley (CA, USA), CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015 (1895). 128 p.
2. Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Москва, Наука, 1994. 304 с. [Diligensky G.G. *Social and Political Psychology*. Moscow, Nauka, 1994. 304 p. (In Russ.)]
3. Christakis N., Fowler J. *Connected. The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives*. London, Harper Press, 2011. 336 p.
4. Лапкин В.В., Семенов И.С. “Человек политический” перед вызовами ‘infomodernity’. *Полит. Политические исследования*, 2013, № 6, сс. 64-81. [Lapkin V.V., Semenenko I.S. ‘Homo Politicus’ vs Challenges of ‘Infomodernity’. *Polis. Political Studies*, 2013, no. 6, pp. 64-81. (In Russ.)]
5. Markey P.M. Video Games and Mental Health. Friedman H.S., ed. *Encyclopedia of Mental Health*. Waltham, Academic Press, 2016, pp. 356-361. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-397045-9.00066-5>
6. Ferguson Ch.J., Barr H., Figueroa G., et al. Digital Poison? Three Studies Examining the Influence of Violent Video Games on Youth. *Computers in Human Behavior*, 2015, vol. 50, pp. 399-410. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.04.021>
7. Kneer J., Elson M., Knapp F. Fight Fire with Rainbows: The Effects of Displayed Violence, Difficulty, and Performance in Digital Games on Affect, Aggression, and Physiological Arousal. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 54, pp. 142-148. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.034>
8. Ferguson Ch.J. Aggressive Video Games Research Emerges from Its Replication Crisis (Sort of). *Current Opinion in Psychology*, 2020, vol. 36, pp. 1-6. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.01.002>
9. Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N., Dzyubenko A.I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication. *XLinguae*, 2017, vol. 10, iss. 4, pp. 96-105. DOI 10.18355/XL.2017.10.04.09
10. Malmberg T. Media Studies, Le Bon’s Psychology of Crowds, and Qualitative-Normative Research on Propaganda, 1880–2020. *Nordic Journal of Media Studies*, vol. 5, no. 1, 2023, pp.17-31. <https://doi.org/10.2478/njms-2023-0002>
11. Spring D. Gaming History: Computer and Video Games as Historical Scholarship. *Rethinking History*, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 207-221. DOI: 10.1080/13642529.2014.973714
12. Nelson-Kakulla B. *Gaming Trends of the 50+*. Washington, AARP Research, December 2019. <https://doi.org/10.26419/res.00328.001>
13. Shaw A. *Identity, Identification, and Media Representation in Video Game Play: An Audience Reception Study*. Dc.description.degree: Doct. of Philosophy (PhD), date of degree: 22.12.2010. *Publicly Accessible Penn Dissertations*. 286. <https://repository.upenn.edu/server/api/core/bitstreams/bb2dcddc-ffec-4a14-8053-fefc9c548d0d/content>
14. Tu C., Tunggal J., Brown S. Character Immersion in Video Games as a Form of Acting. *Psychology of Popular Media*, 2023, vol. 12, no. 4, pp. 405-413. <https://doi.org/10.1037/ppm0000435>
15. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. *Психология глобальных рисков*. Москва, Институт психологии РАН, 2018. 402 с. [Nestik T.A., Zhuravlev A.L. *Psychology of Global Risks*. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2018. 402 p. (In Russ.)]
16. Cantone G.G., Tomaselli V., Mazzeo V. Ideology-Driven Polarisation in Online Ratings: The Review Bombing of The Last of Us Part II. *Computing Research Repository (CoRR) in arXiv*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2104.01140>
17. Deskins T.G. Stereotypes in Video Games and How They Perpetuate Prejudice. *McNair Scholars Research Journal*, 2013, vol. 6, art. 5. Available at: <https://commons.emich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1062&context=mcnair> (accessed 02.06.2024).
18. Myers D.G. *Social Psychology*. New York, The McGraw-Hill Companies, 2012. 768 p.
19. Macrae C.N., Bodenhausen G.V. Social Cognition: Thinking Categorically About Others. *Annual Review of Psychology*, 2000, vol. 51, pp. 93-120. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.51.1.93>
20. Белов С.И. Историческая символика видеоигр как фактор коррекции социальной памяти населения (на материалах франшизы *Assassin’s Creed*). *Диалог со временем*, 2022, № 81, сс. 242-248. [Belov S.I. Historical Symbolism of Video Games as a Factor in Correcting the Social Memory of the General Public (on the Materials of the Assassin’s Creed Franchise). *Dialogue with Time*, 2022, no. 81, p. 242-248. (In Russ.)]
21. de Zamaróczy N. Are We What We Play? Global Politics in Historical Strategy Computer Games. *International Studies Perspectives*, 2017, vol. 18, iss. 2, pp. 155-174. <https://doi.org/10.1093/isp/ekv010>
22. Donald I., Webber N., Wright E. Video Games, Historical Representation and Soft Power. *Journal of Gaming & Virtual Worlds*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 105-127. https://doi.org/10.1386/jgvw_00075_1
23. Artamonova U.Z. ‘Popcorn Diplomacy’: American Blockbusters and World Order. *Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 105-128. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-105-128

24. Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 110-122. [Artamonova U.Z. American Cinema as an Instrument of the US Public Diplomacy. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2020, no. 2, pp. 110-122. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2020-2-110-122
25. Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни. *Полис. Политические исследования*, 2022, № 5, сс. 88-98. [Chugrov S.V. Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots. *Polis. Political Studies*, 2022, no. 5, pp. 88-98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

БЛИЖЕ К ВАШИНГТОНУ, ЧЕМ БРЮССЕЛЮ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАДИПЛОМАТИИ ГРЕНЛАНДИИ И ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ

© БЕЛУХИН Н.Е., 2024

БЕЛУХИН Никита Евгеньевич, аспирант, младший научный сотрудник сектора региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356

Белухин Н.Е. Ближе к Вашингтону, чем Брюсселю? Сравнительный анализ парадипломатии Гренландии и Фарерских островов. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 4, сс. 57-72. DOI: 10.20542/afij-2024-4-57-72 EDN: JYRFAM

DOI: 10.20542/afij-2024-4-57-72

EDN: JYRFAM

УДК: 323.1+327

Поступила в редакцию 03.08.2024.

После доработки 15.10.2024.

Принята к публикации 18.11.2024.

Статья посвящена сравнительному анализу внешнеполитических и арктических стратегий автономных территорий Дании – Гренландии и Фарерских островов. В условиях растущей неопределенности перспектив будущего арктического управления и связанных с ним организаций, в первую очередь Арктического совета, Торсхавн и Нуук сталкиваются с новым набором внешних угроз и возможностей, которые существенно отличаются от начала 2010-х годов, когда автономии готовили свои первые внешнеполитические документы. Если фарерский документ 2022 г. сохранил региональную арктическую направленность, то в гренландской стратегии 2024 г. существенно расширен географический и тематический диапазон по сравнению с концепцией 2011 г. Автор проводит их детальное сопоставление по ряду ключевых параметров и делает общий вывод о том, что гренландская стратегия 2024 г. носит более общий политический и экономический характер, тогда как фарерской свойственны прикладной проблемный подход и фокус на конкретных областях сотрудничества. Фарерская стратегия ориентирована преимущественно на ЕС и отдельные его государства, Гренландия последовательно в обоих документах повышает ставку на сотрудничество с США и Канадой. “Северное сотрудничество”¹ и принадлежность к так называемому пространству *Norden* не являются для Гренландии ценными сами по себе, но преследуют конкретные выгоды для автономии. В вопросах безопасности

¹ Российский исследователь-скандинавист Л.С. Воронков определяет “северное сотрудничество” стран Северной Европы, нашедшее отражение в создании Северного совета и Совета министров северных стран, как “разветвленную сеть многостороннего взаимодействия как на межправительственном, так и неправительственном уровнях”, но при этом подчеркивает, что его многообразие “не покрывается и не может покрываться межгосударственными соглашениями”, так как оно может касаться самых разных сфер, например, внешнеполитической координации, пересмотра содержания национальных учебников, упрощения транспортного сообщения в регионе и пр. Политолог Е.О. Лабеев также указывает, что Северный совет как орган “северного сотрудничества”, будучи межпарламентской организацией, вышел за собственно североευропейские границы и способствовал развитию межпарламентского взаимодействия “на арктическом, баренцевом и балтийских направлениях”. Подробнее см.: [1; 2].

наблюдается общность интересов: обе автономии опираются на де-факто членство в НАТО и не стремятся обрести особый демилитаризованный или нейтральный статус. Также датские автономии пытаются усилить свою роль в формировании и реализации решений оборонной политики на национальном уровне, особенно в строительстве военных объектов на собственной территории и процессах оборонного планирования на уровне НАТО. В ближайшей перспективе наиболее острые разногласия в отношениях Дании с Гренландией и Фарерскими островами будут вызывать проблемы расширения их внешних полномочий и возможностей парадипломатии, в то время как степень управления и контроля автономных властей над внутренними вопросами уже является довольно широкой и не вызывает существенных противоречий. В этих условиях Дании будет труднее проводить единую внешнюю политику и контролировать связи автономий с США и ЕС, которые рассматривают расширение отношений с Гренландией и Фарерскими островами как важный элемент своих арктических стратегий.

Ключевые слова: Гренландия, Фарерские острова, Европейский союз, США, Дания, Канада, безопасность, Арктика, парадипломатия, автономия.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

CLOSER TO WASHINGTON, THAN BRUSSELS? A COMPARATIVE ANALYSIS OF GREENLAND'S AND FAROE ISLANDS' PARADIPLOMACY

Received 03.08.2024. Revised 15.10.2024. Accepted 18.11.2024.

Nikita E. BELUKHIN (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article presents a comparative analysis of paradiplomatic and Arctic strategies of Denmark's autonomies – Greenland and the Faroe Islands. Given the growing uncertainty around the Arctic governance's future and the related institutions, both Tórshavn and Nuuk are facing a new set of external threats and opportunities that differ significantly from the early 2010s, when the autonomies published their first foreign policy documents. While the 2022 Faroese document retained a regional Arctic focus, the 2024 Greenland strategy significantly increased the geographical and thematic range of partners and agendas compared to the 2011 document. Greenland in particular added special sections dedicated to relations with Canada, Iceland and the North-East Asia, while the 2022 Faroese document contains only a general thematic block related to international cooperation. While Greenland, as stipulated in the 2024 strategy, openly talks about the goals of gaining independence, the Faroe Islands chose to leave such ambitions outside the scope of the document. Geographically, the EU and individual member states occupy a larger place in the Faroese strategy, while Greenland, compared to the 2011 document, seeks to significantly expand cooperation with the United States and Canada. Nordic cooperation and belonging to the Norden space are not an end in itself for Greenland, but have value insofar as they generate tangible economic and practical gains for the autonomy's development. However, Greenland and the Faroe Islands share the common interests regarding regional security, and both autonomous entities rely on de facto membership in NATO and do not seek to receive a special demilitarized or neutral status, despite them wanting to preserve low tension in the Arctic. The Danish autonomous territories' main ambition is to play a more meaningful role in shaping and implementing national defense policy decisions, especially those concerning the construction of military facilities on their territory, as well as to be more engaged in the discussions and defense planning process at the NATO level. The conclusion is that in the near future the most acute conflicts in Denmark's relations with Greenland and the Faroe Islands will be connected with expanding autonomies' external powers and paradiplomatic opportunities, while their scope of power and control over domestic politics and questions is already quite extensive and does not lead to significant contradictions. Under these conditions Denmark will face difficulties conducting

a common foreign policy and be in command of the relations of the autonomies with the United States and the EU that consider enhancing cooperation with Greenland and the Faroe Islands to be an important element of their Arctic strategies.

Keywords: Greenland, Faroe Islands, EU, USA, Denmark, Canada, security, Arctic, paradiplomacy, autonomy.

About the author:

Nikita E. BELUKHIN, Postgraduate Student, Junior Researcher, Sector for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Belukhin N.E. Closer to Washington, than Brussels? The Comparative Analysis of Grenland's and Faroe Island's Paradiplomacy. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 4, pp. 57-72. DOI: 10.20542/afj-2024-4-57-72 EDN: JYRFAM

ВВЕДЕНИЕ

“Зеленый переход”, рост интереса великих держав к Арктике и курс Европейского союза на стратегическую автономию открыли для гренландского и фарерского руководства новые благоприятные возможности привлечения ресурсов для экономического развития и повышения роли автономных территорий в арктическом управлении² и глобальном управлении, затрагивающих права и образ жизни коренных народов³. К 2024 г. формирование обширного круга благоприятных внешнеполитических контактов Гренландии пока не привело к существенным достижениям в экономическом развитии как основе будущей независимости. В то же время Фареры, опираясь преимущественно на собственные ресурсы, демонстрируют большие социально-экономические успехи при меньшей склонности обострять отношения с Копенгагеном.

Влияние Гренландии и Фарерских островов на политику Дании после выборов в ноябре 2022 г. заметно возросло, так как с апреля 2024 г. от четырех гренландских и фарерских депутатов зависит большинство действующей правительственной коалиции в парламенте. Дело в том, что изначально после выборов правительство имело в нем 89 из 179 мест, не считая поддержки представителей автономных территорий, то есть всего исполнительная власть могла рассчитывать на 93 голоса в свою пользу. Но представители Гренландии и Фарерских островов, как правило, не голосуют по вопросам, непосредственно не затрагивающим автономные территории (хотя формальный запрет на это отсутствует), поэтому различают парламентское “формальное большинство” с учетом гренландцев и фарерцев (90 и больше мест из 179) и “внутриполитическое” без них – (88 и больше мест из 175). С ноября 2022 г. проправительственные партии по разным причинам потеряли три места в парламенте и в настоящее время формально имеют 86. Но благодаря соглашению с бывшим членом партии “Умеренные”, которого исключили и вынудили стать

² Концепция “управления” активно применяется к исследованию Арктики с конца 1990-х годов в целях анализа формирующегося арктического международного режима и динамики международного сотрудничества в регионе. Единой трактовки этого термина ни среди исследователей, ни среди лиц, принимающих политические решения, до сих пор не сложилось, а в отдельных случаях его использование вызывало противоречия. К примеру, арктические страны негативно отреагировали на резолюцию Европейского парламента от 9 октября 2008 г. об арктическом управлении, где содержалось предложение заключить “международный договор о защите Арктики”, обосновывая это тем, что в регионе уже действует эффективный международно-правовой режим. Подробнее см.: [3].

³ Речь идет о стремлении коренных народов в различных регионах мира добиться общей глобальной кодификации своих особых прав и создания эффективных механизмов их реализации и защиты, главным из которых считается право на самоопределение. На глобальном уровне это движение, к примеру, находит отражение в работе Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов, созданного в 2000 г. Примечательно, что коренные народы Арктики, в частности, инуиты, опережали глобальные тенденции и учредили региональную организацию уже в 1977 г. Подробнее см.: [4].

беспартийным депутатом в 2023 г., могут рассчитывать на 87 голосов в свою пользу, что, однако, по-прежнему недостаточно для внутривнутриполитического большинства. Формальное же большинство правительства в парламенте с весны 2024 г. обеспечивается именно депутатами Гренландии и Фарерских островов, которые могут использовать ситуацию в своих интересах, особенно в контексте арктической политики⁴.

Разница в социально-экономическом развитии Гренландии и Фарерских островов уже была отмечена в российской научной литературе. Если в случае Гренландии с начала 2000-х годов до сих пор сохраняется устойчивый внешнеторговый дефицит, который компенсирует финансовая помощь Дании, при высокой зависимости от датского импорта (в 2020 г. он составил 62.1% в общей доли гренландского импорта) [5, с. 118], то у Фарерских островов ситуация иная: с 2014 по 2021 г. наблюдался устойчивый рост фарерского экспорта, который стабильно превышал импорт, при том что доля импорта из Дании после 2015 г. сократилась с 33.9% до 29.3% к 2021 г. [6, сс. 117-118]. Кроме того, в финансовых вопросах, Фарерские острова также более подготовлены к потенциальному обретению независимости, чем Гренландия, ведь датские дотации к началу 2020-х годов составляли лишь около 8% фарерского бюджета, в то время как в Гренландии речь идет о доли в более 50% [7, с. 103].

Общей чертой политических систем североатлантических автономий остаются слабость и подвижность формируемых правительственных коалиций, которые часто распадаются, меняют условия соглашений или объявляют о досрочных выборах, что мешает достижению долгосрочных целей. К примеру, после выборов в 2021 г. в апреле 2022 г. первоначальное коалиционное правительство в Гренландии распалось и было сформировано новое, а в сентябре 2023 г. две правительственные партии подписали дополнение к коалиционному соглашению и перераспределили министерские портфели. По всей видимости, нынешняя гренландская коалиция окажется достаточно устойчивой, чтобы продержаться у власти до следующих парламентских выборов в апреле 2025 г. Кроме того, правящие партии Гренландии осенью 2023 г. также пришли к соглашению о создании особого министерства, которое будет курировать процесс достижения будущей эвентуальной независимости. Стоит, однако, отметить, что ранее, в 2016–2018 гг., в Гренландии уже существовало министерство со сходными задачами, а именно Министерство независимости, иностранных дел и сельского хозяйства.

Указанные различия и сходства, а также возросшие парадипломатическая активность и влияние автономных территорий на Копенгаген делают актуальным сравнительный анализ их внешнеполитических приоритетов и связи этих приоритетов с задачами обеспечения большей самостоятельности, а в перспективе – независимости от Дании. В настоящей статье сравниваются страновые, региональные и тематические приоритеты гренландских и фарерских внешнеполитических и арктических стратегий за 2011, 2024 гг. и 2013, 2022 гг. соответственно.⁵ Речь идет о четырех документах, объединенных в две тематические пары. В случае Гренландии – “Внешнеполитическая стратегия и отчет за 2011 г.”⁶, опубликованная в октябре 2011 г., и внешнеполитическая стратегия под полным названием “Гренландия на мировой арене. Ничего о нас без нас. Стратегия Гренландии в области внешней политики, безопасности и обороны на 2024–2033 гг. Арктическая стратегия”⁷, опубликованная в феврале 2024 г. Для Фарерских островов – аналитический доклад с набором рекомендаций по формированию арктической

⁴ Broberg M.B., Hjøllund M. Nordatlantere og en voksen mand med en 15-årig kæreste: Alle usikkerhederne om Mette Frederiksens flertal. *Jyllands-Posten*, 23.03.2024. Available at: <https://jyllands-posten.dk/politik/ECE16959914/nordatlantere-og-en-voksen-mand-med-en-15aarig-kaereste-alle-usikkerhederne-om-mette-frederiksens-flertal/> (accessed 28.06.2024).

⁵ Гренландские и фарерские стратегии имеют разную структуру и распределение приоритетов. Гренландия делает больший акцент на выстраивании отношений с конкретными странами, регионами, международными организациями и форматах многостороннего сотрудничества. Им посвящена существенная часть тематических разделов анализируемых документов, связанных не только с Арктикой. Фарерские острова опираются на конкретные проблемы и области сотрудничества, главным образом, связанные именно с арктическим регионом, такие как “морские биологические ресурсы”, “культура и общество” или “рыболовство в Северном Ледовитом океане” и структурируют документы в соответствии с ними.

⁶ *Udenrigspolitisk Strategi og redegørelse. Ved Formanden for Naalakkersuisut*. Naalakkersuisut Government of Greenland. 2011. 25 s. Available at: https://www.kamikposten.dk/lokal/last/container/da/hvadermeningen/pdf/udenrigspolitisk_strategi_og_redegoerelse_efteraarssamlingen_2011.pdf (accessed 12.04.2024).

⁷ *Grønlands udenrigs-, sikkerheds- og forsvarspolitiske strategi for 2024–2033 – en Arktisk Strategi*. Naalakkersuisut, Departementet for Selvstændighed og Udenrigsanliggender. 2024. 44 s. Available at: <https://legacy.altinet.dk/misc/arktisk-strategi-dansk.pdf> (accessed 12.04.2024).

политики “Фарерские острова – нация в Арктике. Возможности и вызовы”⁸, опубликованный в апреле 2013 г. и на практике выполнявший роль стратегии, и уже полноценная арктическая стратегия “Фарерские острова в Арктике”⁹, опубликованная в октябре 2022 г. Сравнительный анализ проводился как внутри гренландской и фарерской тематической пары, так и между ними.

Эти стратегические документы принимались в существенно различающиеся по уровню международной напряженности и неопределенности периоды. Кроме того, с начала 2010-х годов в отношениях Дании с автономными территориями также произошли значимые изменения. Так, с начала 2020-х годов власти автономий стали активнее привлекаться к обсуждению вопросов безопасности, обороны, санкций и внешней политики, что ранее было сложно представить.

Первоначальное выявление и предварительный краткий анализ внешнеполитических приоритетов Гренландии и Фарерских островов можно осуществить на основе рассмотрения уже существующей исследовательской литературы, которая позволяет выделить несколько потенциальных направлений парадипломатии Гренландии и Фарерских островов. К примеру, А.К. Криворотов указывает на датско-гренландские отношения, определяющиеся угрозой гренландского сепаратизма, отношения Гренландии и США, где главное значение имеют военно-стратегические и ресурсные интересы, а также цель глобального сдерживания КНР, контакты Гренландии и Китая, который рассматривает датскую автономию как источник стратегических ресурсов и одну из точек проникновения в Арктику [8, сс. 125-128]. Исходя из прогнозов А.К. Криворотова, Гренландия, по всей видимости, следует срединному курсу между превращением во “вторую Аляску” и политикой неприсоединения, проводя диверсификацию внешнеполитических контактов, опираясь не только на США и стремясь превратить военные инвестиции в источник для мирного экономического развития. М.О. Рекец полагает, что арктическая политика Дании диктуется в том числе вполне реалистичным сценарием дезинтеграции Содружества, что является главной угрозой национальным интересам Дании и несет риски ее превращения в “постарктическую” страну [9, с. 175].

В свете нынешних реалий гренландской политической жизни этот сценарий становится более вероятным, что ставит перед датской дипломатией и внутренней политикой сложные дилеммы. М.А. Кобзева отмечает, что по мере нарастания соперничества великих держав в Арктике США вновь стали главным и безусловным спонсором для Исландии и датских автономий, что сужает пространство последних для дипломатических контактов особенно в отношении России и Китая [10]. В то же время в октябре 2023 г. состоялось официальное открытие представительства Гренландии в Китае, которое де-факто существовало с ноября 2021 г. На церемонии министр иностранных дел Гренландии заявила о намерении расширять гренландский экспорт морепродуктов на китайский рынок, по большей части это событие отражает обозначенную М.А. Кобзевой тенденцию ограничения и создания “красных линий” для гренландской парадипломатии. Более любопытными в этом контексте становятся отношения Гренландии и ЕС, который в перспективе также претендует на роль гренландского спонсора, не вызывая при этом негативной реакции США. Евросоюз также может предоставить Гренландии искомую глобальность и расширение дипломатических контактов.

В российской исследовательской литературе проблематика отношений Фарерских островов и Гренландии с ЕС затронута в меньшей степени, как и контакты Гренландии с Канадой и Циркумполярным советом инуитов¹⁰. Эти форматы взаимодействия коренных народов представляют собой попытку обеспечить арктический суверенитет вне пределов отдельных государств и опираются на идею “эффективного управления” – “особого

⁸ *The Faroe Islands – a Nation in the Arctic. Opportunities and Challenges*. Prime Minister's Office, The Foreign Service. 2013. 42 p. Available at: <https://landsstyri.cdn.fo/savn/10243/f%C3%B8royar-eitt-land-%C3%AD-arktis-uk-web.pdf?s=w4ECNFoHdEhwQkpM9HeT4nnRALo> (accessed 12.04.2024).

⁹ *The Faroe Islands in The Arctic*. Ministry of Foreign Affairs and Culture. 2022. 28 p. Available at: <https://library.arcticportal.org/2812/> (accessed 12.04.2024).

¹⁰ Циркумполярный совет инуитов (англ. *Inuit Circumpolar Council*) представляет коллективные интересы инуитов как коренного народа Арктики и обладает специальным статусом постоянного участника при Арктическом совете.

уникального знания” инуитов по управлению арктическими ресурсами, которое делает их “хранителями Арктики”, чье участие необходимо при принятии решений по арктическим вопросам [11]. Датские исследователи также анализировали парадипломатические практики гренландских властей, позволившие оказывать дополнительное давление на Копенгаген и добиваться от него новых уступок. Особое внимание при этом уделялось форуму “Арктический круг”, созданному Исландией в 2013 г. и отчасти альтернативному Арктическому совету и “Арктической пятерке”, где гренландские представители получили возможность развития двухсторонних контактов и впервые в 2016 г. озвучили идею о постоянном дипломатическом присутствии США и Канады в Гренландии. Значение придавалось и символическим жестам, например, изменениям на памятной доске в честь 10-летия принятия Илулиссатской декларации в 2018 г., ретуширующим подчиненный статус Гренландии [12].

26–27 августа 2024 г. на ежегодной встрече глав Дании, Гренландии и Фарерских островов и заседании контактного комитета гренландской стороне удалось заставить Копенгаген отказаться от многолетней практики назначения на пост “арктического посла”, который выполняет функции старшего должностного лица и/или в случае председательства страны возглавляет комитет старших должностных лиц в Арктическом совете, карьерных датских дипломатов, и признать, что кандидаты на эту должность должны определяться Гренландией и иметь гренландское происхождение, что стало крупным политическим успехом для властей автономии. По итогам той же встречи Фарерские острова и Дания впервые решили воспользоваться почти забытым положением Закона о фарерском самоуправлении 1948 г., которое дает возможность создать специальную комиссию с целью разрешения спорных вопросов. Причиной учреждения комиссии стало желание фарерских властей получить самостоятельное членство во Всемирной торговой организации (ВТО)¹¹. Таким образом, как в гренландском, так и фарерском случае на первый план выходит проблема расширения именно внешнего измерения полномочий датских автономий и их международно-правового статуса, в то время как внутривластные полномочия автономных властей уже достигли максимума и не вызывают серьезных разногласий¹².

К началу 2020-х годов, по мнению датских исследователей, нарастают предпосылки к выдвиганию требований новой трансформации юридического статуса Гренландии, которая будет уже шестой с 1721 г., когда началась колонизация острова (пять предыдущих происходили в 1782, 1908, 1953, 1979 и 2009 гг.), хотя такие настроения еще не стали доминирующими. Примечательно, что указанным изменениям обычно предшествовали символические действия политического характера, к примеру, на Рождество 2002 г. из зданий государственных учреждений Гренландии происходило изгнание “злых датских духов”, а в современных реалиях в сентябре 2023 г. были внесены изменения в регламент Фолькетинга, который теперь допускает произнесение речей на гренландском и фарерском языках во время парламентских дискуссий [13].

Тематически представленная статья продолжает предыдущее исследование, посвященное внешнеполитическим контактам Гренландии и их влиянию на датско-гренландские отношения [14].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТЕМАТИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПАРАДИПЛОМАТИИ ФАРЕРСКОЙ И ГРЕНЛАНДСКОЙ АВТОНОМИЙ

Помимо географических приоритетов парадипломатии Гренландии и Фарерских островов исследователи указывают на три основных цели, которым она обычно служит: 1) привлечение ресурсов для экономического развития, 2) сотрудничество по вопросам

¹¹ Dall A. Færøerne aktiverer ‘glemt nævn’ for at løse strid med Danmark. *Danmarks Radio*, 27.08.2024. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/indland/faeroerne-aktiverer-saerlig-paragraf-foerste-gang-oege-sin-internationale-stemme> (accessed 10.09.2024).

¹² Skjoldan L.-L. Jurist: Danske politikere taler med to tunger om det færøske hjemmestyre. *Altinget*, 10.05.2020. Available at: <https://www.alinget.dk/artikel/jurist-danske-politikere-taler-med-to-tunger-om-det-faeroeske-hjemmestyre> (accessed 10.09.2024).

окружающей среды, технологий, образования, культуры, непосредственно не направленное на получение экономической выгоды, 3) политические мотивы, то есть демонстрация самостоятельности и идентичности, отличной от центральных властей [15]. При анализе текстов внешнеполитических и арктических стратегий Гренландии и Фарерских островов в рамках настоящей статьи внимание уделялось соотношению этих трех целей нынешнему и предшествующему политическим контекстам этих документов.

Помимо трех указанных приоритетов затронуты вопросы безопасности: каким образом они находят отражение в концепциях парадипломатии, с учетом того, что Гренландия и Фарерские острова рассматривают себя в качестве членов НАТО, желая приобрести больше влияния в вопросах оборонного планирования, не ставя задачи обретения нейтрального статуса? Гренландия в марте 2023 г. по договоренности с Министерством иностранных дел Дании назначила собственного дипломата в датское представительство при НАТО, а в октябре 2023 г. гренландские парламентарии впервые приняли участие в заседании Парламентской ассамблеи альянса в качестве наблюдателей. Ранее, в ходе предвыборной кампании в датский парламент в октябре 2022 г., гренландские кандидаты высказывали гипотетическую, но противоречащую нынешней конституции Дании и уставу НАТО идею о получении самостоятельного членства в альянсе.

Фарерские острова, согласно совместной с Данией декларацией от 29 марта 2005 г., должны привлекаться к обсуждению значимых для автономии вопросов внешней политики и безопасности, и еще в 2004 г. фарерский парламент принял постановление о том, что автономия де-факто является частью НАТО¹³.

Гренландия, получившая автономный статус в 2009 г., уделяла серьезное внимание приобретению актуального опыта в организации поиска и добычи нефти, газа и негорючих полезных ископаемых. В 2010 г. она подписала соответствующие соглашения с Национальным энергетическим советом Канады и Норвежским нефтяным директором (норв. *Oljedirektoratet*, с 1 января 2024 г. название изменено на Директорат по континентальному шельфу или Норвежский офшорный директорат – норв. *Sokkeldirektoratet*). В рамках Арктического совета Гренландия во главе с премьер-министром А. Хаммонд бойкотировала 8-ю министерскую сессию государств-членов в мае 2013 г. в Кируне при подведении итога председательства Швеции в организации за 2011–2013 гг. Действия Гренландии в данном случае носили открыто политический характер, демонстрируя недостаточность привлечения автономных территорий к принятию решений в Арктическом совете. По мысли А. Хаммонд, автономии должны были получить равный статус с государствами-членами, что вызвало негативную реакцию Дании и председательствовавшей Швецией. Отчасти такая активная и неуступчивая позиция Гренландии объясняется произошедшей за 2000-е годы существенной “гренландизацией” политической, экономической и административной элиты автономии [16].

В вопросах безопасности Гренландия с момента подписания соглашения об обороне острова между Соединенными Штатами и Данией в апреле 1941 г., фактически находилась в сфере действия доктрины Монро. В ноябре 2013 г. госсекретарь США Дж. Керри в речи в Организации американских государств заявил, что эта доктрина “больше не действует”, но на смену ей приходит взаимовыгодное сотрудничество равноправных партнеров, разделяющих общие ценности и интересы. Тесная зависимость в сфере безопасности Гренландии от США особенно заметно проявилась в годы Второй мировой и холодной войн, однако предложения о приобретении и заявления о стратегической ценности этой территории для Вашингтона делались намного раньше. Так, в период Первой мировой войны, американский полярный исследователь Р. Пири стремился убедить правительство и общественность США в необходимости получения контроля над островом [17]. В настоящее время его взгляды обретают актуальность в связи с изменением климата и возможностью открытия новых арктических морских путей, залежей редкоземельных металлов, а также необходимостью для американцев отслеживания российской военной активности в Арктике [18]. В этой связи стоит обратить внимание на то, находят ли эти

¹³ Færøerne ændrer holdning til forsvaret. *Fyens Stiftstidende*, 10.04.2004. Available at: <https://fyens.dk/indland/faeroerne-aendrer-holdning-til-forsvaret-2022-12-8> (accessed 02.07.2024).

стратегические соображения отражение во внешнеполитических документах Гренландии или же автономные власти стремятся их обойти.

На Фарерских островах подготовка собственных арктических стратегий была связана со схожими с гренландскими опасениями, что общий датский стратегический документ в не полной мере отражает интересы автономии. Фареры начали работу над своим видением Арктики уже в 2009 г. вскоре после публикации первой датской стратегии 2008 г. и создания собственного Министерства иностранных дел в рамках автономного правительства. Фарерскую стратегию, представленную в апреле 2013 г., правильнее охарактеризовать как экспертный доклад с набором рекомендаций. Конкретный же план действий впоследствии предстояло разработать автономному парламенту, что напоминает исландский опыт [19]. В целом фарерская стратегия 2013 г. носила проблемный, технический характер и не содержала провокативных заявлений о достижении полной независимости от Дании. В стратегии 2022 г. Фареры расширили число тематических блоков с пяти до восьми, включив раздел о важности международного сотрудничества. Документ был официально представлен 13 октября 2022 г. на международном форуме “Арктический круг”, который проводится под эгидой Исландии, и стал неожиданностью для многих участников.

Внешнеполитическая стратегия Гренландии была представлена автономным правительством 21 февраля 2024 г. вне международных рамок. Однако ее название “Гренландия на мировой арене. Ничего о нас без нас...” указывало на амбиции выхода гренландской дипломатии из рамок сугубо арктического региона. Первые официальные реакции датских властей можно оценить как сдержанные и позитивные. Премьер-министр М. Фредериксен в марте 2024 г. поздравила автономию с принятием важного документа и назвала его “цельным и хорошо проработанным”¹⁴. Министр обороны Т.Л. Поульсен во время визита в Гренландию в марте 2024 г. также заявил, что между Копенгагеном и Нууком ведется конструктивный и взаимоуважительный диалог, вопросы оборонной политики координируются, и обе стороны заинтересованы в сохранении Арктики как зоны низкой напряженности. В числе общих моментов – понимание того, что вооруженные силы в Арктике направлены не на подготовку к потенциальному конфликту, а на обеспечение суверенитета и контроля над обширным воздушным, морским и наземным пространством Содружества.

Гренландия и Фарерские острова часто рассматривают в качестве образца Исландию. В гренландской стратегии 2024 г. отношениям автономии с ней даже посвящен отдельный тематический блок, а в стратегии 2011 г. обоснованием для открытия гренландских дипломатических представительств выступают действия Исландии, которая, при численности населения 318 тыс. человек, имеет посольства в 21 стране, в то время как Гренландия, к примеру, в 1998–2002 гг. имела только одно представительство в Канаде. При этом отличительной чертой новой гренландской стратегии 2024 г. является ярко выраженная ориентация на сотрудничество с США и Канадой, что в особенности подтверждается идеей создания Арктического североамериканского форума, где могли бы встречаться и развивать совместные проекты парламентарии Аляски, Юкона, Северо-Западных территорий, Нунавута и района Нунавика провинции Квебек и самой Гренландии. Североамериканское направление во многом уводит на второй план взаимодействие Гренландии со странами Северной Европы и ЕС, но при этом оно выстраивается по аналогии с уже функционирующим межпарламентским форумом Гренландии, Исландии и Фарерских островов (англ. *West Nordic Council*), который функционирует отдельно от институтов “северного сотрудничества”, то есть Северного совета и Совета министров северных стран.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ПОВОРОТ ГРЕНЛАНДИИ

Публикация в феврале 2024 г. стратегии Гренландии в области внешней политики, обороны и безопасности “Гренландия на мировой арене. Ничего о нас без нас...” вкпе с проектом конституции, представленным в апреле 2023 г., стала важной вехой в политическом

¹⁴ Berthelsen J. Roser Grønlands nye strategi. *Sermitsiaq*, 19.03.2024. Available at: <https://www.sermitsiaq.ag/samfund/roser-gronlands-nye-strategi/2067378> (accessed 12.04.2024).

развитии автономии и одновременно сделала возможным, наконец, принятие новой арктической стратегии для всего Содружества Дании, Гренландии и Фарерских островов взамен действовавшей в 2011–2020 гг. Ситуация осложняется тем, что в новой стратегии Гренландия намерена одновременно самостоятельно представлять себя в арктическом сотрудничестве и возглавлять работу датской делегации в Арктическом совете. Отдельное внимание в документе уделено сотрудничеству с Канадой и США, которые названы одними из ближайших союзников Гренландии, в то время как проекты и институты “северного сотрудничества” не заявлены в качестве приоритетных (табл. 1). Автономные власти острова планируют открыть новые представительства в Нью-Йорке и Оттаве.

Несмотря на упоминание в стратегии США как “ближайшего союзника”, гренландские политики вне рамок документа не забывают об “исторических травмах”, которые американское присутствие и военные планы принесли или могли принести инуитам. К примеру, А. Лунге, ветеран гренландской политики и активный борец за права коренных народов, приводит сведения о том, что государственный секретарь США в 1947 г. предлагал идею переселения проживавших в Гренландии 24 тыс. инуитов на Аляску для гарантии беспрепятственного строительства военных объектов на территории острова¹⁵. В этом контексте действия гренландской элиты можно рассматривать как пример использования дискурса виктимизации одновременно для внешнеполитического дистанцирования от Дании как бывшей метрополии и для получения дополнительных преференций и поддержки от потенциальных новых спонсоров в лице США, Канады или ЕС [20].

Таблица 1. Внешнеполитические стратегии Гренландии 2011 и 2024 гг.

Внешний партнер/ тематическое направление	“Внешнеполитическая стратегия и отчет за 2011 г.”, октябрь 2011 г.	“Гренландия на мировой арене. Ничего о нас без нас. Стратегия Гренландии в области внешней политики, безопасности и обороны на 2024–2033 гг. Арктическая стратегия”, февраль 2024 г.
США	1) увязка научного и экономического сотрудничества с интересами национальной безопасности США; 2) использование жителями Гренландии возможностей образовательной системы и университетов США; 3) планы открытия диппредставительства в США; 4) получение экономических выгод от американского военного присутствия на острове.	1) США – ближайший союзник Гренландии; 2) обновление Договора 1951 г. о совместной обороне острова с целью включения Гренландии как полноценного участника; 3) создание межпарламентского Арктического североамериканского форума для сотрудничества со штатом Аляска и субъектами канадской федерации.
Канада	В отличие от стратегии 2024 г. отдельный раздел, посвященный Канаде, отсутствует. В рамках прочих разделов выделяются следующие пункты: 1) задача разрешения территориального спора вокруг острова Ханс; 2) особые исторические и культурные связи между Гренландией и Нунавутом имеют особый внешнеполитический приоритет.	1) “Канада – наш ближайший сосед”; 2) восстановление исторически свободного передвижения для инуитов – жителей Аванерсуака (северной Гренландии) и северной части Нунавута; 3) развитие сотрудничества в сфере торговли, транспорта, туризма, рыболовства, строительства, полезных ископаемых, образования и науки; 4) создание диппредставительства в Оттаве и поддержка открытия генконсульства Канады в Гренландии; 5) развитие сотрудничества с провинциями и территориями Канады, в том числе на основе Меморандума о намерениях между Гренландией и Нунавутом от 26 августа 2022 г.

¹⁵ Lyng A. Grønlands strategiske placering og drømmen om selvstændighed. *Solidaritet*, 04.10.2023. Available at: <https://solidaritet.dk/groenlands-strategiske-placering-og-droemmen-om-selvstaendighed/> (accessed 20.11.2023).

Европейский союз	<ol style="list-style-type: none"> 1) развитие межпарламентского сотрудничества; 2) развитие партнерских соглашений в сфере рыболовства, образования, отмены торговых ограничений и экспорта; 3) сохранение и укрепление режима в рамках отношений ЕС с заморскими странами и территориями, расширение экспорта товаров традиционных инуитских ремесел на рынок ЕС. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) сотрудничество с ЕС перешло от исключительно вопросов рыболовства и образования к более широким областям технологий “зеленого перехода”, биоразнообразия, добычи полезных ископаемых и торговли; 2) сотрудничество достигло такого уровня, когда ЕС необходимо отдельное представительство на территории автономии.
“Северное сотрудничество”	<ol style="list-style-type: none"> 1) участие Гренландии в институтах “северного сотрудничества” дополняет общую внешнеполитическую линию; 2) Гренландия заинтересована в кооперации с другими автономными территориями – Аландскими и Фарерскими островами в контексте “северного сотрудничества”; 3) развитие проектов “северного сотрудничества” по арктической тематике, где Гренландия сможет играть ведущую роль. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) участие Гренландии в “северном сотрудничестве” будет зависеть от ее формальных полномочий в процессах принятия решений; 2) будет уделяться меньше внимания форматам сотрудничества, где у Гренландии нет прямого влияния; 3) приоритет принадлежит тем форматам и областям сотрудничества, где Гренландия признается равноправным участником с правом слова и голоса, собственными флагом и делегацией.
Исландия	В отличие от стратегии 2024 г. отдельный раздел, посвященный Исландии, отсутствует, упомянута возможность открытия в стране диппредставительства.	<ol style="list-style-type: none"> 1) Исландия – первая страна, открывшая генконсульство в Гренландии в 2013 г.; 2) развитие всестороннего сотрудничества на основе Декларации о сотрудничестве 2022 г.
Северо-Восточная Азия	В отличие от стратегии 2024 г. отдельный раздел, посвященный региону, отсутствует. Китай, Япония упомянуты лишь как потенциальные рынки для увеличения объемов гренландского экспорта.	<ol style="list-style-type: none"> 1) Китай и Япония – особенно важные рынки экспорта гренландской морской продукции; 2) представительство Гренландии в Пекине будет ориентироваться на развитие отношений с Китаем, Японией и Республикой Корея и по мере возможности – с другими государствами Азии, в частности, Индией, Вьетнамом и Сингапуром; 3) продвижение арктического туризма среди азиатских стран; 4) для сохранения низкой напряженности в Арктике Гренландия заинтересована в японских “исследованиях мира” и пацифизма; 5) проведение консультаций с азиатскими наблюдателями в Арктическом совете для укрепления арктического сотрудничества.
Безопасность	<ol style="list-style-type: none"> 1) Гренландия должна способствовать превращению Арктики в мирный бесконфликтный регион через активное участие в работе Арктического совета; 2) активная поддержка Илулиссатской декларации – основы для выстраивания отношений в районе Северного полюса. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) сохранение низкой напряженности, мира и стабильности в Арктике; 2) акцент на участии Гренландии в работе над принятием и продвижением принципов Илулиссатской декларации в 2008 и 2018 гг.; 3) укрепление безопасности Гренландии в отношении киберугроз и гибридных атак на объекты критической инфраструктуры; 4) возможность использования военных объектов и ресурсов в гражданских целях; 5) более активное участие в работе патруля “Сириус” и улучшение работы собственных спасательных служб.
Вопросы идентичности и независимости	<ol style="list-style-type: none"> 1) создание и дальнейшее развитие гренландской автономии рассматривается как воплощение идей и принципов Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.; 2) Гренландия через Акты о местном самоуправлении и автономии с Данией выступает в качестве лидера в области прав коренных народов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) народ и автономные власти Гренландии развивают сотрудничество с другими странами, исходя из права на самоопределение и цели обретения независимости; 2) планы открытия представительства при ООН в Нью-Йорке и назначение гренландского представителя при ООН в Женеве.

Источник: составлено автором по текстам стратегических внешнеполитических документов автономного правительства Гренландии.

Критика механизма взаимодействия с Данией и “северного сотрудничества», скорее всего, продолжится. Это – существенное отличие нового документа от стратегии 2011 г., где говорилось, что именно благодаря сотрудничеству с Данией Гренландия стала лидером в области прав коренных народов. Такое противоречие объяснимо, если учесть тот факт, что принадлежность к “северному пространству” для Гренландии – не самоцель, а способ извлечения конкретных экономических преимуществ.

Недавним подтверждением критичной позиции Гренландии стало решение нынешнего главы автономного правительства в мае 2024 г. временно приостановить участие в Северном совете и Совете министров северных стран до конца года, так как представителей Гренландии, как и Фарерских и Аландских островов, не пригласили на майскую встречу премьер-министров стран Северной Европы с участием федерального канцлера ФРГ О. Шольца и их традиционную летнюю встречу, где обычно обсуждаются вопросы внешней политики, безопасности и обороны.

ФАРЕРСКИЕ ОСТРОВА: ПРИОРИТЕТ РЕГИОНАЛЬНОГО НАД ГЛОБАЛЬНЫМ

Фарерская стратегия 2022 г. носит более региональный характер. Конкретным инициативам в отношениях с отдельными государствами и объединениями в ней уделено намного меньше внимания, чем в случае Гренландии (табл. 2). Кроме того, в фарерском документе 2022 г. ЕС упоминается чаще, чем США. Также в ней отсутствует тема сотрудничества с КНР. В гренландской стратегии 2024 г. Китай упомянут в более общем контексте связей с Северо-Восточной Азией. Вероятно, это связано с трудностью реального привлечения китайских средств, критикой подобной активности со стороны США и Дании. Нынешний глава автономного правительства Гренландии порой затрагивает возможные перспективы на этом направлении, но главным образом в контексте стимулирования интереса и активности западных партнеров¹⁶. Российские исследователи также высказывали предположения, что предложения бывшего президента США Дональда Трампа приобрести Гренландию были вызваны именно растущей активностью КНР на территории датской автономии [21].

Таблица 2. Арктические стратегии Фарерских островов 2013 и 2022 гг.

Внешний партнер/ тематическое направление	“Фарерские острова – Нация в Арктике. Возможности и вызовы”, апрель 2013 г.	“Фарерские острова в Арктике”, октябрь 2022 г.
США	Упомянуты в контексте общего описания деятельности Арктического совета, проектов и позиций ведущих арктических держав.	Для сохранения безопасности и стабильности в Арктике важно сотрудничество с США, Великобританией, Канадой и государствами Северной Европы.
Европейский союз	1) указана необходимость довести до сведения ЕС арктические интересы и активность Фарерских островов, Дания как член ЕС должна способствовать решению этой задачи; 2) упомянут ряд научных проектов с фарерским участием.	Ключевым компонентом сотрудничества Фарерских островов и ЕС являются научные исследования и инновации.
Россия	1) Фарерские острова заинтересованы в дальнейшем развитии и укреплении отношений с Россией, США и Канадой; 2) Россия упоминается, главным образом, в контексте описания работы и устройства Арктического совета, обустройства новых морских путей, экономических проектов и предотвращения потенциальных экологических угроз.	“Россия – это государство, которое, по всей видимости, стремится изменить статус-кво в Арктике...”
“Северное сотрудничество”	1) важность “северного сотрудничества” для Фарерских островов упоминается в контексте Арктики; 2) отдельное внимание уделяется разработке совместных планов и мер реагирования в случае чрезвычайных ситуаций и экологических угроз, например, загрязнения или разлива нефти; 3) упомянуто участие Фарерских островов с 1989 г. в соглашении <i>NORDRED</i> о сотрудничестве спасательных служб стран Северной Европы.	1) “Северное сотрудничество” важно применительно к арктическому контексту; 2) Фарерские острова отдают приоритет “северному сотрудничеству” и взаимодействию в рамках межпарламентского форума Гренландии, Исландии и Фарерских островов; 3) приоритетной областью северного сотрудничества для Фарерских островов остается подготовка мер реагирования на возможную экологическую угрозу вроде химического или нефтяного загрязнения.

¹⁶ Krog A. Grønlands førstemand efterlyser mere ligestilling. *Altinget*, 30.05.2022. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/groenlands-foerstemand-efterlyser-mere-ligevaerdighed> (accessed 03.02.2024).

Безопасность	“Реальные угрозы безопасности в Арктике связаны с последствиями климатических изменений и риском инцидентов и ЧС по причине возросшей коммерческой активности”.	Главная цель заключается в сохранении Арктики как зоны низкой напряженности, подчеркнуты возможности сотрудничества в рамках НАТО в связи со вступлением в альянс Швеции и Финляндии.
Вопросы идентичности и независимости	Культура, природа и идентичность Фарерских островов упомянуты в контексте продвижения арктического туризма и проведения конференций, деловых встреч, заседаний по арктической тематике на территории островов.	1) культура, наследие, искусство и креативные индустрии должны иметь высокий приоритет в арктическом сотрудничестве; 2) Фарерские острова должны иметь независимый голос во всех значимых организациях и областях сотрудничества, в особенности Арктическом совете.

Источник: составлено автором по текстам стратегических внешнеполитических документов автономного правительства Фарерских островов.

Если Гренландия четко заявляет, что действия в рамках стратегии должны в конечном счете способствовать достижению ее будущей независимости, то фарерская стратегия нацелена в большей степени на сотрудничество в сфере сохранения биоразнообразия, развитие культуры, науки и борьбу с изменением климата. Европейский союз в фарерской стратегии упомянут именно в контексте участия автономии в 9-ой Рамочной программе исследований и инноваций на период 2021–2027 гг. “Горизонт Европа”, тогда как проблема обновления торгового соглашения между Фарерами и ЕС в тексте отсутствует. Между тем в гренландской стратегии 2011 г. в качестве важных партнеров указаны отдельные европейские страны: Германия, Великобритания, Россия, Франция. В стратегии 2024 г. сотрудничество с ЕС рассматривается как предпосылка для развития двусторонних контактов с Германией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Испанией, Италией, Польшей и Чехией и другими – то есть список потенциальных европейских партнеров существенно расширился по сравнению с 2011 г., фарерский же документ не фиксирует подобных подробных деталей.

“РОССИЙСКАЯ УГРОЗА” В ГРЕНЛАНДСКИХ И ФАРЕРСКИХ СТРАТЕГИЯХ

Несмотря на сохранение контактов в сфере регулирования морских биологических ресурсов, Россия в фарерской стратегии 2022 г. упомянута по большей части в качестве потенциальной угрозы, хотя и завуалированно, как страна, которая, “по всей видимости, бросает вызов статусу-кво” в регионе. В этой связи в стратегии 2022 г. говорится, что Фарерские острова должны активизировать свое участие в разработке оборонной политики, особенно в части, касающейся Северной Атлантики и Арктики. В апреле 2024 г. на Фарерских островах прошла встреча Северного совета, посвященная безопасности и гражданской обороне, где, в частности, военный представитель Норвегии при НАТО вице-адмирал Л. Дедикэн заявила, что жители Фарер должны быть лучше подготовлены к непредвиденным и чрезвычайным ситуациями, иметь запасы воды и пищи не только на случай природных катастроф, но и нестабильной ситуации в области безопасности¹⁷.

Глава самой автономии не считает ситуацию настолько серьезной, но вместе с тем выступал против продления рыболовного соглашения с Россией, за более тщательный контроль российских судов в фарерских водах, а также за более действенную роль Фарерских островов в НАТО. Стремление успокоить население и показать, что прямые угрозы безопасности автономной территории отсутствуют, скорее, соответствует датской практике, где по сравнению с Норвегией и Швецией гражданской обороне уделяется меньше внимания.

По мнению экспертов Датского института международных исследований, продолжение хозяйственных отношений с Россией увеличит уязвимость Фарерских островов перед “возможным шантажом и давлением”, и автономии стоит сделать

¹⁷ Dall A. Norsk Nato-viceadmiral til Færøerne: Hav styr på hjemmeberedskabet. *Danmarks Radio*, 13.04.2024. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/indland/norsk-nato-viceadmiral-til-faeroerne-hav-styr-paa-hjemmeberedskabet> (accessed 13.04.2024).

осознанный геоэкономический выбор в пользу Евросоюза и других западных партнеров. Косвенно датские исследователи признают, что, по всей видимости, ни ЕС, ни Великобритания по-прежнему не уверены в остроте угрозы безопасности, которую представляет связь Фарер с Россией, и это обстоятельство может долго оставаться предметом взаимного торга. Санкционный режим формально никак не затронул экспорт фарерских морепродуктов в Россию, и его сокращение после февраля 2022 г. стало в первую очередь следствием решения компаний-поставщиков, а не санкций ЕС.

В ноябре 2023 г. на Россию приходилось около 10% фарерского товарного экспорта, в том числе половина всего экспорта пелагических морепродуктов¹⁸. В то же время рыболовное соглашение, критикуемое ЕС, представляет собой обмен квот на рыбную ловлю и непосредственно с торговлей не связано. Но представители “недружественных стран” опасаются, что предоставление российским рыбакам доступа в фарерские гавани может использоваться для целей разведки, изучения критической инфраструктуры и т.п.

Соглашение, как и аналогичный российско-норвежский договор, однако, необходимо для контроля популяция рыб и недопущения чрезмерной рыбной ловли, что неоднократно подчеркивали представители Фарерских островов. Официальный Брюссель же предпочитает “не замечать” ограничений в торговле с Россией, на которые Фареры уже пошли, и негласно ставит знак равенства между рыболовным соглашением и торговыми связями, требуя от автономии полного отказа от того и другого.

В рамках коалиционного соглашения, заключенного после парламентских выборов в октябре 2022 г., фарерское правительство планирует добиваться передачи управления воздушным сообщением автономным властям к 2026 г., что также может расширить роль Фарер в области безопасности и обороны. После пандемии COVID-19 острова получили полномочия по принятию собственных законов и мер по контролю за эпидемиологической ситуацией, которые могут отличаться от датских. При этом и Гренландию, и Фарерские острова все больше беспокоят технические неисправности и отсталость датских кораблей класса “Кнуд Расмуссен” и “Тетис”, предназначенных для патрулирования арктических акваторий: так, два корабля класса “Кнуд Расмуссен” с 1 февраля до 24 марта 2024 г. не могли покинуть гавань Нуука и начать осуществление задач по патрулированию и поддержанию датского суверенитета в Арктике из-за неполадок с двигателями.

Гренландия в отличие от Фарерских островов более удалена от фактора “российской угрозы”. Службы безопасности и разведки Дании информируют ее о гипотетической опасности со стороны разведывательных служб РФ в форме предупреждений о “возможной дезинформации и шпионаже”, направленных на “органы управления и лица принимающие решения” с целью создания противоречий и конфликтов внутри Содружества, а также между Данией, Гренландией и США. Тогда как Фарерские острова уже испытали давление внешних игроков, опасаящихся активности российских рыбаков в Атлантике. Например, под давлением Великобритании при обновлении рыболовного соглашения на 2024 г. Фареры в декабре 2023 г. внесли в договор положение о запрете российским рыбакам судам заниматься промыслом в Особом морском районе, к западу от Шетландских островов, который находился под совместным управлением Фарер и Великобритании в соответствии с соглашением от 18 мая 1999 г.

Нынешняя гренландская прагматичность в отношении военных объектов больше касается отношений с США. В ходе переговоров о мерах оборонной политики с датской стороной Гренландия стремится включить в документы пункты о вложениях в гражданскую инфраструктуру, подготовке кадров для спасательных служб и других невоенных аспектах. Расширение военного присутствия США в Гренландии, помимо модернизации базы Питуффик, возможно за счет создания новых воздушных и морских баз, хотя до начала 2024 г. Дания все же предпочитала сохранять важные стратегические военные объекты на территории острова под своим контролем.

¹⁸ Dam R.W. De russiske rubler i færøsk økonomi. *Arbeidsliv i Norden*, 05.11.2023. Available at: <http://www.arbeidslivinorden.org/nyheter/nyheter-2023/article.2023-11-05.8785977482> (accessed 03.02.2024).

ДАТСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МЕЖДУ КОПЕНГАГЕНОМ, БРЮССЕЛЕМ И ВАШИНГТОНОМ

Пассивность Дании, вынужденной “ожидать” официального выхода гренландской стратегической документации до февраля 2024 г. для публикации собственной арктической стратегии, свидетельствует об успешности автономного правительства в поисках средств для политического давления на Копенгаген при отсутствии существенных успехов на путях экономического развития. Вероятно, это давление продолжится в ближайшей перспективе, как минимум до мая 2025 г., когда председательство в Арктическом совете должно перейти к Дании, и вплоть до его окончания в 2027 г. Так, А. Хемнитц, представительница Гренландии в Фолькетинге, вскоре после публикации стратегии в начале марта 2024 г. заявила, что автономия, от лица которой она выступает, должна создать основу для формирования общей арктической стратегии и приоритетов всего Содружества. Такое положение дел будет соответствовать обещаниям нового правительства Дании о равноправном сотрудничестве¹⁹.

15 марта 2024 г. открылось представительство ЕС в Гренландии. В церемонии участвовала глава Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, что призвано было продемонстрировать растущую вовлеченность Евросоюза в арктическое управление и значение датской автономии для реализации стратегической автономии интеграционного объединения. Демонстранты, собравшиеся в связи с открытием представительства ЕС, обсуждали, помимо прочего, необязательность присутствия премьер-министра М. Фредериксен на этом мероприятии, касающемся прежде всего судеб самой Гренландии, которая “устала” от опеки Копенгагена. При этом должность главы представительства ЕС в Гренландии в июне 2024 г. занял датчанин С. Бойсен-Мёллер, а не инуит или житель самого острова.

По мере расширения взаимодействия ЕС с Гренландией растет вероятность попыток со стороны столь влиятельного игрока в будущем занять место одного из главных спонсоров гренландской автономии, что может дополнительно снизить влияние Копенгагена. С другой стороны, в новой внешнеполитической стратегии Гренландии Евросоюзу и “северному сотрудничеству” уделено заметно меньше внимания, чем США и Канаде. Это может казаться парадоксальным на фоне того, что отношения с Европейским сообществом и позднее Европейским союзом во многом положили начало развитию самостоятельного внешнеполитического мышления в Гренландии и стали для автономии первым опытом парадипломатического взаимодействия. К примеру, отдельное дипломатическое представительство Гренландии в Брюсселе, было создано одним из первых в 1992 г. С 2002 г. Гренландия и ЕС взаимодействуют и в рамках Ассоциации заморских стран и территорий (англ. *Overseas Countries and Territories Association, OCTA*), созданной 18 сентября 2002 г. Отношения ЕС с Гренландией можно рассматривать как своеобразный тест практик интеграционного объединения по оказанию помощи развитию.

Членство Гренландии в *OCTA* обеспечивает ее морепродуктам беспоплатный доступ на единый внутренний рынок ЕС при наличии удовлетворяющего обе стороны рыболовного соглашения. В то же время, несмотря на перспективы экономических выгод интеграции, рядовому населению, не вовлеченному в практические аспекты ведения переговоров по вопросам рыболовства или сотрудничества в сфере образования, Евросоюз все еще представляется далекой бюрократической структурой, а более географически близка и понятна повестка североамериканского сотрудничества. При этом начатые проекты ЕС могут дополнить развитие тесных контактов с США и Канадой. К примеру, в октябре 2023 г. канадская компания *Greenland Resources*, планирующая разрабатывать месторождение молибдена в Гренландии, которое потенциально может закрыть 25% спроса на этот металл в ЕС, направило письмо о намерениях крупному финскому производителю стали *Outokumpu* о планах поставки сырья, которое добывается в соответствии с высокими экологическими стандартами.

¹⁹ Chemnitz A.D. Aaja Chemnitz: Grønland bør være hovedforfatter på kongeriget Danmarks arktiske strategi. *Altinget*, 04.03.2024. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/aaja-chemnitz-groenland-boer-vaere-hovedforfatter-paa-kongeriget-danmarks-arktiske-strategi> (accessed 16.03.2024).

Фарерские острова не оказывают на Копенгаген столь сильного давления. В ближайшей перспективе главной областью сотрудничества с автономной территорией будет заключение нового, более выгодного торгового соглашения между Фарерскими островами и ЕС. В этом вопросе нынешнее фарерское правительство рассчитывает на поддержку Дании. В новом датском межпартийном соглашении о задачах и принципах отношений с Евросоюзом от 15 декабря 2023 г. говорится о готовности продвигать гренландские и фарерские интересы в ЕС²⁰, а в марте 2024 г. во время первого в истории визита главы Еврокомиссии на Фарерские острова состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании, касающегося усиленного сотрудничества в области науки и управления морскими биологическими ресурсами.

В этих условиях успешное заключение нового торгового соглашения между ЕС и Фарерами при поддержке Дании будет индикатором продуктивного сотрудничества с автономной территорией и, вероятно, снизит ее потенциальное желание добиваться больших уступок от Копенгагена. С другой стороны, успешное экономическое развитие автономной территории вместе с выгодным соглашением с ЕС, как и в случае с Гренландией, ставит вопрос о важности Дании как спонсора Фарерских островов. Во время уже упомянутого визита на Фарерские острова У. фон дер Ляйен подчеркнула, что “пришло время модернизировать торговое соглашение, которое существует уже 26 лет”, по ее словам, техническое обсуждение нового договора должно начаться во второй половине марта 2024 г., что вместе с открытием представительства ЕС в Гренландии говорит о новом этапе отношений ЕС с датскими автономиями и его намерении расширять арктическое присутствие²¹. При этом буквально начале марта 2024 г. фарерские крупные рыболовная и логистическая компании *Bakkafrost* и *FarCargo* отправили первую партию свежего лосося в США по новому маршруту, используя собственный грузовой самолет *Boeing 757-200*, что также демонстрирует важность американского рынка для фарерской автономии²².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Воронков Л.С. “Северное сотрудничество” и особенности североευропейской интеграции. Москва, МГИМО-Университет, 2016, 340 с. [Voronkov L.S. ‘Nordic Cooperation’ and Special Characteristics of the Integration in Northern Europe. Moscow, MGIMO-University, 2016. 340 p. (In Russ.)]
2. Лабетская Е.О. Парламентское измерение Трансарктики. Прохоренко И.Л., отв. ред. *Межпарламентские институты в мировой политике*. Москва, Весь Мир, 2020. 352 с. [Labetskaya E.O. The Parliamentary Dimension of the Trans-Arctic. Prokhorenko I.L., ed. *Interparliamentary Institutions in World Politics*. Moscow, Ves’ Mir, 2020. 352 p. (In Russ.)]
3. Pelaudeix C. What is ‘Arctic Governance’? A Critical Assessment of the Diverse Meanings of ‘Arctic Governance’. *The Yearbook of Polar Law*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 398–426. https://doi.org/10.1163/1876-8814_015
4. Larson E., Johnson Z., Murphy M. Emerging Indigenous Governance: AINU Rights at the Intersection of Global Norms and Domestic Institutions. *Alternatives*, 2008, vol. 33, no. 1, pp. 53–82. <https://doi.org/10.1177/030437540803300104>
5. Кравчук А.А. Перспективы экономической автономии Гренландии. *Современная Европа*, 2023, № 1, сс. 113–126. [Kravchuk A.A. Prospects for Greenland’s Economic Autonomy. *Contemporary Europe*, 2023, no. 1, pp. 113–126. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708323010096
6. Плюснин Р.М. Внешняя торговля Фарерских островов в 2014–2022 гг.: разворот на Россию. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2023, № 1, сс. 114–122. [Plyusnin R.M. Foreign Trade of The Faroe Islands in 2014–2022: A Turn to Russia. *Nauchno-analiticheskij vestnik IERAN*, 2023, no. 1, pp. 114–122. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran12023114122
7. Воротников В.В., Збирун Д.Н. Проблема сепаратизма Гренландии и Фарерских островов во внешней политике Королевства Дания. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2024, № 2, сс. 97–111. [Vorotnikov V.V., Zbirun D.N. The Problem of Greenlandic and Faroese Separatism in the Foreign Policy of the Kingdom of Denmark. *Nauchno-analiticheskij vestnik IERAN*, 2024, no. 2, pp. 97–111. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran2202497111
8. Криворотов А.К. Гренландия и Дания: арктический сепаратизм в силовом поле мировой политики. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021, т. 14, № 1, сс. 118–134. [Krivorotov A.A. Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 118–134 (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6

²⁰ Regeringen indgår bred aftale om helhjertet dansk EU-engagement. Regeringen, 15.12.2023. *Regeringen*. Available at: <https://www.regeringen.dk/nyheder/2023/regeringen-indgaar-bred-aftale-om-helhjertet-dansk-eu-engagement/> (accessed 17.03.2024).

²¹ Crenzien K.E. Von der Leyen åbner døren på klem for ny handelsaftale med Færøerne. *Altinget*, 15.03.2024. Available at: <https://www.altinget.dk/artkis/artikel/von-der-leyen-aabner-doeren-paa-klem-for-ny-handelsaftale-med-faeroerne> (accessed 17.03.2024).

²² Sørensen B.H. Færøsk laksegigant skyder gang i fragtrute med eget fly til USA. *Sermitsiaq*, 08.03.2024. Available at: <https://www.sermitsiaq.ag/erhverv/faerosk-laksegigant-skyder-gang-i-fragtrute-med-eget-fly-til-usa/1293038> (accessed 17.03.2024).

9. Рекец М.О. Арктическая трансформация внешней политики Дании. *Вестник Дипломатической Академии МИД России. Россия и Мир*, 2020, № 4, сс. 165-177. [Rekets M.O. Arctic Transformation of the Danish Foreign Policy. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 2020, no. 4, pp.165-177. (In Russ.)] Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44315841&ysclid=m3fmfdn0x4259205096> (accessed 10.09.2024).
10. Kobzeva M. Towards Customised Sovereignty: West Nordic Societies in the New Great Power Rivalry. *Polar Record*, 2022, vol. 58, no. e38, pp. 1-12. <https://doi.org/10.1017/S003224742200033X>
11. Shadian J. From States to Polities: Reconceptualizing Sovereignty Through Inuit Governance. *European Journal of International Relations*, 2010, vol. 16, no. 3, pp. 485-510. DOI: 10.1177/1354066109346887
12. Jacobsen M. Greenland's Arctic Advantage: Articulations, Acts and Appearances of Sovereignty Games. *Cooperation and Conflict*, 2020, vol. 55, no. 2, pp. 170-192. <https://doi.org/10.1177/0010836719882476>
13. Hansen K.G. Typologi for visioner for Grønlands fremtid – analyse af legitimitet og sammenligninger. Flemming A.J. Nielsen, Øgaard A., Hejlsted A., eds. *Grønlandsk Kultur- og Samfundsforskning 2022–23*. Ilisimatusarfik, 2024, ss. 83-103. [Hansen K.G. The Typology of Visions of Greenland's Future – the Analysis of Legitimacy and Comparisons. Nielsen F.A.J., Øgaard A., Hejlsted A., eds. *The Greenlandic Cultural and Social Studies 2022–23*. Ilisimatusarfik, 2024, pp. 83-103. (In Dan.)] <https://doi.org/10.7146/gksf.vi.145152>
14. Белухин Н.Е. Борьба за “ледяную Африку”? Гренландия между колониальным прошлым, интересами США и стратегической автономией ЕС. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 39-51. [Belukhin N.E. A Fight for “The Icy Africa”? Greenland Caught Between the Colonial Past, the U.S. Arctic Interests and the EU Strategic Autonomy. *Analysis and Forecasting. Journal of IMEMO*, 2024, no. 1, pp. 39-51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/afj-2024-1-39-51>
15. Ackren M. Greenlandic Paradiplomatic Relations. Heinien L., ed. *Security and Sovereignty in the North Atlantic*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014, pp. 41-61. https://doi.org/10.1057/9781137470720_4
16. Ankersen P.V., Christiansen P.M. Grønlandisering: Grønlands elite 2000–2009. *Politica*, 2013, Årg. 45, № 2, ss. 195-216. [Ankersen P.V., Christiansen P.M. Greenlandization: Greenland's Elite 2000–2009. *Politica*, 2013, vol. 45, no. 2, pp. 195-216. (In Dan.)] <https://doi.org/10.7146/politica.v45i2.69779>
17. Berry D.A. The Monroe Doctrine and the Governance of Greenland's Security. Berry A.D., Bowles N., Jones H., eds. *Governing the North American Arctic Sovereignty, Security, and Institutions*. Palgrave Macmillan, 2016, pp. 103-121. https://doi.org/10.1057/9781137493910_5
18. Fischer K. The Modernization of the U.S. Radar Installation at Thule, Greenland. *Journal of Peace Research*, 1993, vol. 30, no. 1, pp. 7-20. <https://doi.org/10.1177/0022343393030001002>
19. Bailes A.J.K., Jákupsstovu B. The Faroe Islands and the Arctic: Genesis of a Strategy. *Icelandic Review of Politics and Administration*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 531-548. <http://dx.doi.org/10.13177/irpa.a.2013.9.2.14>
20. Маковская Д.В., Косов Г.В. Этническая элита в виктимизации этнических общностей. *Вопросы элитологии*, 2022, no. 2, сс. 13-27. [Makovskaya D.V., Kosov G.V. Ethnic Elite in the Victimization of Ethnic Communities. *Issues in Elitology*, 2022, no. 2, pp. 13-27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/elit.v3i2.101>
21. Eidemiller K., Geht A., Nikulina A., Kudriavtceva R.E. The Political Status of Greenland in the 21st Century: The Path from the Colony of the Kingdom of Denmark to the Possible 51st State of the USA. Bolgov R., Atnashev V., Gladkiy Y. et al., eds. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham, Springer, 2021, pp. 119-132. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_10

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

© СЕЛЕЗНЕВА Д.А., 2024

СЕЛЕЗНЕВА Дарья Александровна, младший научный сотрудник сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (dselezneva@outlook.com), ORCID: 0000-0001-7935-6023

Селезнева Д.А. Ядерное нераспространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 4, сс. 73-83. DOI: 10.20542/afij-2024-4-73-83 EDN: KOWODC

DOI: 10.20542/afij-2024-4-73-83

EDN: KOWODC

УДК: 327+ 341.67

Поступила в редакцию 29.08.2024.

После доработки 27.11.2024.

Принята к публикации 02.12.2024.

В условиях современных глобальных трансформаций Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) становится важнейшим узлом мировой политики и экономики, в котором переплетаются интересы ведущих держав, в частности, России, КНР и США – трех из пяти признанных ядерных государств. В ответ на усиливающееся влияние Китая США активизируют военное партнерство с ключевыми союзниками в АТР, используя традиционные двусторонние механизмы и сравнительно новые многосторонние форматы. В частности, США приняли участие в формировании нового оборонного альянса АУКУС, усилили военное взаимодействие с Южной Кореей, а также организовали регулярные трехсторонние встречи по вопросам безопасности с участием Южной Кореи и Японии на высоком уровне. Во всех этих инициативах так или иначе фигурирует ядерный компонент. Цель данной статьи – рассмотреть влияние подобных действий на режим нераспространения ядерного оружия и выявить провоцируемые ими угрозы. В фокусе авторского внимания – план участников АУКУС по оснащению Австралии атомными подводными лодками. Анализ действующих соглашений о всеобъемлющих гарантиях, заключенных между Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и государствами, не обладающими ядерным оружием (каковым является Австралия), указывает на наличие уязвимостей, связанных с незапрещенной военной деятельностью. В статье отмечается, что на сегодняшний день МАГАТЭ не обладает достаточным опытом и механизмами для эффективного мониторинга подобных военных программ. Отдельное внимание уделяется такому возможному последствию передачи Австралии атомных подводных лодок и технологий их строительства, как создание опасного прецедента. Автор ассоциирует с рисками ядерного распространения возможность получения подлодок Южной Кореей и Японией, особенно в связи с открытым проявлением интереса к приобретению собственного ядерного оружия со стороны Сеула. Сделан вывод о том, что формирование в регионе новых военных альянсов чревато серьезными и далеко идущими последствиями для режима нераспространения. Масштаб этих последствий на данный момент остается трудно предсказуемым.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: ядерное нераспространение, ядерное оружие, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, АУКУС, Корейский полуостров, Северная Корея.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

NUCLEAR NON-PROLIFERATION IN ASIA-PACIFIC REGION

Received 29.08.2024. Revised 27.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Daria A. SELEZNEVA (dselezneva@outlook.com), ORCID: 0000-0001-7935-6023, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

In the evolving global landscape, the Asia-Pacific region is characterized by intense economic and geopolitical competition among major powers, namely Russia, China, and the United States (three of the five recognized nuclear states). In response to China's growing influence, the U.S. is strengthening military partnerships with key regional allies through both bilateral and minilateral formats, including the AUKUS defense pact, deeper military ties with South Korea, and high-level trilateral security meetings with South Korea and Japan. All of these initiatives in one way or another feature a nuclear component. This article aims to determine whether these actions pose a threat to the international non-proliferation regime. One of the main issues discussed is AUKUS members' initiative to supply Australia with nuclear submarines. An analysis of existing comprehensive safeguards agreements between the International Atomic Energy Agency (IAEA) and non-nuclear-weapon states (such as Australia) points to vulnerabilities associated with non-proscribed military use of nuclear materials. It is noted that, as of now the IAEA lacks the expertise and mechanisms to effectively monitor such military programs. Particular attention is also given to the possible consequences of the transfer of nuclear submarines and submarine technology to Australia, such as setting a dangerous precedent. The author expresses concern that South Korea and Japan may seek nuclear submarines next, noting that South Korea has already openly expressed interest in pursuing its own nuclear weapons. The author concludes that the formation of new military alliances in the region could lead to serious and far-reaching consequences for the non-proliferation regime, the extent of which remains difficult to predict at this point.

Keywords: nuclear non-proliferation, nuclear weapons, Asia-Pacific Region, Indo-Pacific Region, AUKUS, Korean Peninsula, North Korea.

About the author:

Daria A. SELEZNEVA, Junior Researcher, Sector for Military-Political Analysis and Research Projects, Center for International Security.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Selezneva D.A. Nuclear Non-Proliferation in Asia-Pacific Region. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 4, pp. 73-83. DOI: 10.20542/afj-2024-4-73-83 EDN: KOWODC

ВВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие глобальное противостояние между США, КНР и Россией перешло в острую фазу, что выразилось в экономической конкуренции, активном наращивании национальных военно-технологических потенциалов и усилении военного присутствия в стратегически важных регионах. Одной из ключевых арен этого соперничества стал Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), обладающий значительным экономическим и геополитическим значением в условиях новой международной конфронтации. Контроль над АТР открывает доступ к мировым торговым путям и ключевым ресурсам региона.

В настоящее время официальный Вашингтон активно исследует возможности развития военной структуры в АТР и предпринимает шаги по консолидации союзных сил для противодействия влиянию Пекина. США окружают КНР сеть минилатеральных альянсов, объединяющей как новые, так и ранее существовавшие партнерства, в том числе – четырехсторонний диалог по безопасности QUAD (Австралия, Индия, США, Япония), трехстороннее партнерство в области безопасности АУКУС (Австралия, Великобритания, США), разведывательный альянс *Five Eyes* (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США), тихоокеанский пакт безопасности АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США)¹. Россия и КНР в свою очередь высказываются против формирования в АТР “закрытых эксклюзивных блоковых структур, блоковой политики и противоборствующих лагерей”² и участвуют в мероприятиях, направленных на гармонизацию интеграционных процессов в регионе через такие механизмы, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН+), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также китайскую инициативу “Пояс и путь” и российский проект Большое Евразийское партнерство (БЕП).

Для объяснения динамики военно-политической конфронтации в АТР автор принимает подходы политического реализма, который трактует международные отношения как непрерывную борьбу государств за власть и влияние в условиях анархии. С точки зрения реалистов, в основе конфронтации лежит стремление государств максимизировать свою безопасность, предотвращая возникновение дисбаланса сил, который мог бы поставить их в уязвимое положение, в том числе за счет формирования союзов и коалиций для сдерживания потенциальных противников. Значимость союзов как инструмента противодействия угрозам отмечали такие теоретики, как Ганс Моргентау [3], Стивен Уолт [4], Джон Миршаймер [5]. В частности, США укрепляют партнерства с Австралией, Южной Кореей и Японией в рамках стратегий сдерживания Китая. В то же время Китай развивает стратегическое партнерство с Россией и другими государствами для противодействия американскому влиянию в регионе.

В АТР в настоящее время наблюдается активное наращивание военных потенциалов, включая внедрение в арсеналы гиперзвуковых ракет, расширение военно-морских флотов и усиление стратегических ядерных сил. Ядерное оружие (ЯО) в этой конфронтации выступает важным фактором региональной политики, который оказывает значительное влияние на стратегические расчеты государств региона.

Усиление военной гонки в АТР создает новые угрозы для безопасности и представляет вызов для режима ядерного нераспространения, который сталкивается с двумя взаимосвязанными проблемами: с расширением ядерных арсеналов уже существующих ядерных держав и с нарастающими стремлениями неядерных стран развивать собственные ядерные программы для защиты своей безопасности на фоне растущей региональной нестабильности. В совокупности это может привести к ослаблению эффективности Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и увеличению числа ядерных государств.

¹ Подробнее о механизмах функционирования американских альянсов в АТР см.: [1; 2].

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Администрация Президента России. 21.03.2023. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (accessed 12.06.2024).

Причины, побуждающие страны к приобретению ЯО, являются объектом значительного научного интереса. На эту тему писали, например, Скотт Саган [6], Мария Рубли [7], Жак Хайманс [8], Этель Золинген [9], Уильям Поттер [10]. Каждая из школ политической мысли по-своему объясняет причины такого стремления. В связи с тем, что в данной статье основной акцент сделан на военную конфронтацию, баланс сил и союзы, теоретической основой для анализа перспектив распространения ядерного оружия в регионе и состояния режима нераспространения избран классический реализм.

В его рамках, в частности, анализируются последствия формирования оборонительного альянса АУКУС в контексте вызовов, возникающих для системы гарантий МАГАТЭ, а также перспективы установления опасного прецедента.

Особое внимание уделяется ядерным амбициям таких стран, как Республика Корея (РК) и Япония. Оба эти государства, обладающие развитой технологической базой и необходимыми ресурсами, способны пойти по пути создания собственного ЯО, в случае если угрозы их национальной безопасности станут восприниматься ими как критические, а гарантии безопасности со стороны США – как недостаточные.

Отдельное внимание в работе уделено формирующемуся треугольнику Вашингтон–Сеул–Токио. Несмотря на то, что на данный момент в нем отсутствует ядерный компонент, нынешние лидеры Южной Кореи и Японии проявляют интерес к размещению американского ЯО в регионе и к участию в ядерном планировании. Такое развитие событий может помочь сдержать ядерные амбиции двух названных стран и укрепить их приверженность международным механизмам нераспространения. Однако существует серьезный риск, усиления гонки вооружений в регионе в целом, поскольку возникнет стимул для других государств к созданию собственных ядерных арсеналов, что приведет к дальнейшему ослаблению глобальных усилий по предотвращению распространения ядерного оружия.

АУКУС: НОВЫЙ ВЫЗОВ РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯО?

15 сентября 2021 г. лидеры Австралии, Великобритании и США анонсировали создание трехстороннего партнерства в области безопасности и обороны АУКУС (акроним образован по первым буквам названий участвующих в нем стран – англ. *Australia, United Kingdom, United States, AUKUS*). Первой крупной инициативой в рамках нового союза должно было стать перевооружение подводного флота Австралии: замена имеющихся у нее дизель-электрических подводных лодок на атомные подводные лодки (АПЛ) с неядерным вооружением³.

Первоначальное совместное заявление участников АУКУС от сентября 2021 г. носило общий характер и служило лишь ориентиром для последующих переговоров и выработки конкретных соглашений. В феврале-марте 2022 г. страны-участницы начали предпринимать первые конкретные шаги по реализации плана оснащения Австралии АПЛ: подписали соглашение по обмену информацией, касающейся военно-морских ядерных силовых установок; провели совместную оценку состояния подводного флота страны и начали реализацию программы по повышению образования австралийского военно-морского контингента по таким дисциплинам, как ядерная физика и инженерия⁴.

13 марта 2023 г. участники АУКУС сделали второе совместное заявление. В нем были обозначены ключевые задачи по двум основным направлениям развития партнерства. Предполагалось, что первый блок будет ориентирован на содействие приобретению Австралией АПЛ, а второй – на развитие широкого круга современных средств, нацеленных на обмен технологиями и повышение уровня взаимодействия между военными силами трех стран.

³ *Joint Leaders Statement on AUKUS*. The White House. 15.09.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 23.05.2024).

⁴ *Multilateral (22-208) – Agreement for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information*. U.S. Department of State. 08.02.2022. Available at: <https://www.state.gov/multilateral-22-208> (accessed 14.07.2024).

Реализация первого блока предусматривала три этапа:

- базирование АПЛ класса “Вирджиния” и “Астют” в портах Австралии на ротационной основе с 2027 г.;
- продажа Австралии трех АПЛ класса “Вирджиния” в начале 2030-х годов (впоследствии их количество может быть увеличено до пяти);
- обучение австралийских военных и гражданских специалистов производству и эксплуатации АПЛ в военно-морских силах и на базах подводных лодок США и Великобритании; первые АПЛ австралийского производства *SSN-AUKUS* должны поступить на вооружение Королевского австралийского военно-морского флота в начале 2040-х годов⁵.

Спустя год, 21 марта 2024 г., Австралия и Великобритания подписали двусторонний пакт о взаимной обороне, который стал очередным шагом в укреплении и развитии АУКУС. Одновременно было объявлено о выборе исполнителей для строительства подводных лодок *SSN-AUKUS*. Ими стали *ASC Pty* с австралийской стороны и *BAE Systems* – с британской⁶.

Несмотря на заверения американских официальных лиц в том, что партнерство не направлено против какой-либо конкретной страны⁷, оно было практически повсеместно воспринято как ответ на усиление военного, политического и экономического влияния Китая в АТР. Последовавшая реакция Пекина оказалась предсказуемо жесткой. Политические и экспертные круги Китая обвинили Австралию, Великобританию и США в реставрации устаревшего “образа мышления времен холодной войны” и нарушении принципов ядерного нераспространения⁸. Россия вначале воздерживалась от резких комментариев в отношении АУКУС⁹, но вскоре присоединилась к критике, обозначив среди прочих следующие озабоченности: наличие технической возможности оснащения АПЛ американскими крылатыми ракетами морского базирования “Томагавк”, способными нести ядерные боезаряды, и обслуживание американских и британских АПЛ на военно-морских базах Австралии¹⁰. Эксперты также указывают, что в рамках второго блока задач АУКУС предусматривается совместная разработка гиперзвуковых систем, способных нести ядерные боезаряды и отличающихся высокой маневренностью, что позволит им обходить традиционные системы противоракетной обороны¹¹.

В связи с объявлением о создании АУКУС вновь актуализировался давний вопрос о необходимости устранения “лазейки” в системе реализации гарантий МАГАТЭ в отношении ядерных силовых установок подводных лодок. Параграф 14 типового соглашения о всеобъемлющих гарантиях (СВГ), заключаемого государствами – членами ДНЯО, не обладающими ЯО, гласит, что неядерные государства имеют право использовать ядерный материал в незапрещенной военной деятельности, и пока этот материал вновь не введен в мирную деятельность, в отношении него не применяются гарантии МАГАТЭ¹².

⁵ Joint Leaders Statement on AUKUS. The White House. 15.03.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (accessed 23.05.2024).

⁶ AUKUS Trilateral Statement. 22 March 2024. UK Government. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65fc2f82f1d3a0001132acb5/AUKUS_Trilateral_Statement_-_22_March_2024.pdf (accessed 14.07.2024).

⁷ Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki. The White House. 16.09.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/09/16/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-september-16-2021/> (accessed 23.05.2024).

⁸ Statement by H.E. Ambassador Wang Qun on The Trilateral Nuclear Submarine Cooperation Under AUKUS. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26.11.2021. Available at: https://web.archive.org/web/20240303195617/https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/202111/t20211129_10458433.html (accessed 12.06.2024).

⁹ МИД РФ выразил озабоченность в связи с созданием альянса АУКУС. *Известия*, 06.11.2021. Available at: <https://iz.ru/1245975/2021-11-06/mid-rf-vyrazil-ozabochennost-v-svazi-s-sozdaniem-aliansa-aukus> (accessed 14.07.2024).

¹⁰ Интервью Посла России в Австралии А.В. Павловского международному информационному агентству “Россия сегодня”, 10 февраля 2022 года. МИД РФ. 11.02.2022. Available at: https://mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1798148/ (accessed 14.07.2024).

¹¹ Sabbagh D., Hurst D. AUKUS Pact Extended to Development of Hypersonic Weapons. *The Guardian*, 05.04.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2022/apr/05/aukus-pact-extended-to-development-of-hypersonic-weapons> (accessed 16.11.2024).

¹² Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия. МАГАТЭ. 1975. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc153_rus.pdf (accessed 17.09.2024).

На протяжении десятилетий эксперты отмечали, что такая “лазейка” может быть использована государствами, заинтересованными в приобретении ядерного оружия. Однако ранее проблема не стояла столь остро, поскольку немногие неядерные страны стремились к созданию атомного подводного флота. В 1980-е годы Канада рассматривала такую возможность, но в итоге отказалась от реализации проекта. Единственной неядерной страной, до сих пор активно занимающейся строительством атомного подводного флота, является Бразилия, которая реализует проект собственными силами, но при технической поддержке Франции.

Выступая в защиту нынешней инициативы, участники АУКУС делают акцент на безупречной репутации Австралии¹³. На заре атомной эры она, как и многие другие страны, имела планы по созданию собственного ЯО. Однако с тех пор Канберра зарекомендовала себя как активный поборник режима ядерного нераспространения¹⁴. Важной технической особенностью АПЛ, которые планируется передать Австралии, являются их встроенные в корпус АПЛ и не требующие дозаправки реакторы: извлечение ядерного материала оттуда будет крайне затруднительным, выведет из строя как силовые установки, так и сами подводные лодки, сделав аппараты непригодными для выхода в море [11]. Кроме того, для производства ЯО из высокообогащенного урана требуется специальное оборудование, которым Австралия на данный момент не располагает и которое обязалась не приобретать¹⁵.

Помимо технических существуют также нормативные факторы, препятствующие ядерному распространению: приобретение ЯО любым из государств – участников ДНЯО не будет проигнорировано международным сообществом и приведет к крайне нежелательным, долгосрочным и серьезным последствиям для нарушителя. В случае сокрытия государством – участником ДНЯО факта создания ЯО и последующего выхода из Договора, как это было в случае с КНДР, вопрос о дальнейших действиях будет передан в Совет Безопасности ООН. Как известно, в ответ на приобретение Пхеньяном ядерного оружия в обход гарантий МАГАТЭ и в нарушение ДНЯО в отношении КНДР был введен ряд многосторонних и односторонних санкций, усиливших политическую и экономическую изоляцию и значительно затормозивших развитие страны.

На сегодняшний день представляется маловероятным, что Австралия использует АПЛ, полученные посредством АУКУС, для создания собственного ядерного оружия. Однако это не означает, что АУКУС не является вызовом для режима нераспространения ЯО.

Как отмечает британско-американский ученый-исследователь Джеймс Эктон, тот факт, что государства – депозитарии ДНЯО впервые передают ядерные силовые установки и технологию по их изготовлению государству, не обладающему этим видом оружия, создает опасный прецедент, которым могут впоследствии воспользоваться другие страны. Так, Иран¹⁶ и Республика Корея¹⁷, широко рассматриваемые как потенциальные нарушители нормы нераспространения [12], уже не раз проявляли интерес к такой возможности.

НАРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

2018–2019 гг. были периодом надежд на продвижение в урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова. В 2018 г. лидеры КНДР и РК Ким Чен Ын и Мун Чжэ Ин провели ряд встреч на высшем уровне под лозунгом “мир, новое начало”, в

¹³ *Non-Paper on Nuclear Propulsion Cooperation Under AUKUS*. U.S. Mission to International Organizations in Vienna. 26.11.2021. Available at: <https://vienna.usmission.gov/non-paper-on-nuclear-propulsion-cooperation-under-aukus/> (accessed 12.11.2024).

¹⁴ В 1950-е годы Австралия рассматривала возможность получения ядерного арсенала от Великобритании, а позже, в 1960–1970-е проводила собственные разработки в этой области. См., например: Хлопков А.В. *Военная ядерная программа Австралии*. ПИР-Центр. Available at: <https://pircenter.org/2022/08/08/voennaja-jadernaja-programma-avstralii/> (accessed 03.10.2024).

¹⁵ *Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act 1998*. Australian Federal Register of Legislation. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2023C00187> (accessed 11.07.2024).

¹⁶ Iranian Navy: Building Nuclear-Powered Submarine Is a ‘Top Priority.’ *Naval Today*, 16.04.2020. Available at: <https://www.navaltoday.com/2020/04/16/iranian-navy-building-nuclear-powered-submarine-is-a-top-priority/> (accessed 11.07.2024).

¹⁷ Yi W. U.S. Indo-Pacific Commander Says S. Korea's Acquisition of Nuclear Submarines Could Be Considered in Future: Yoon's Office. *Yonhap News Agency*, 14.07.2024. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240714002400315> (accessed 24.08.2024).

центре обсуждения которых находилась проблема ядерного разоружения. 27 апреля 2018 г. Мун и Ким подписали Пханмунджомскую декларацию о мире, процветании и объединении Корейского полуострова, в которой без указания на конкретные шаги закрепили общую цель – создание, путем полной денуклеаризации, безъядерного Корейского полуострова¹⁸.

В июне 2018 г. высший руководитель КНДР Ким Чен Ын принял участие еще в двух саммитах: с президентом США Дональдом Трампом и председателем КНР Си Цзиньпином. По итогам американо-северокорейской встречи в Сингапуре 12 июня было принято совместное заявление, в котором Трамп “обязался предоставить (КНДР. – **Авт.**) гарантии безопасности”, а Ким “подтвердил свою твердую и непоколебимую приверженность полной денуклеаризации Корейского полуострова”¹⁹. Кроме того, в качестве конкретного жеста доброй воли американский лидер обещал приостановить военные учения с РК, а северокорейский – демонтировать один из ядерных полигонов. Предполагалось, что более конкретные шаги по решению ядерной проблемы Корейского полуострова будут выработаны в ходе второй встречи на высшем уровне, однако главы двух государств так и не сумели прийти к консенсусу. На саммите в Ханое 27–28 февраля 2019 г. Ким продолжил настаивать на поэтапном разоружении в обмен на снятие санкций. Трамп в свою очередь продвигал идею о полном необратимом и проверяемом демонтаже ядерной программы КНДР как обязательном условии ослабления или снятия санкционного режима²⁰.

По всей видимости разочаровавшись в процессе переговоров, Ким Чен Ын дал понять, что не вернется к обсуждению разоружения до тех пор, пока руководство США не будет готово удовлетворить все требования Пхеньяна, в первую очередь те, что касаются снятия санкций. После чего он провозгласил курс на наращивание ядерного потенциала [14]. Джоозеф Байден, сменивший Трампа на посту президента США в 2021 г., инициировал обзор американской политики в отношении КНДР. По его итогам Белый дом заявил о намерении придерживаться “откалиброванного практического подхода” и избегать крайностей: не идти на щедрые уступки и не занимать полностью пассивную выжидательную позицию²¹. Переговоры с КНДР не стали приоритетом очередной администрации США, вместо этого Байден сосредоточился на более активном взаимодействии с президентом Южной Кореи Юн Сок Ёлем.

Представитель консервативной партии “Сила народа” Юн Сок Ёль пришел к власти в РК в результате победы на президентских выборах в марте 2022 г. В отличие от своего основного соперника Ли Чжэ Мёна, Юн выступил против продолжения политики доверительного взаимодействия с Пхеньяном и обозначил готовность нанести упреждающий удар в случае, если будут замечены признаки начала наступательных действий против Сеула²². После вступления в должность Юн сосредоточился на укреплении связей с США и Японией. Вскоре после его инаугурации президент Байден посетил Южную Корею с визитом, в ходе которого оба лидера объявили о возобновлении совместных военных учений²³.

В ответ на риторику и действия США и РК КНДР в 2022 г. осуществила рекордное количество запусков баллистических ракет²⁴. 9 сентября 2022 г. Пхеньян принял декрет под

¹⁸ *Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula (2018.4.27)*. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed 08.06.2024).

¹⁹ Trump and Kim Joint Statement from the Singapore Summit. *The Washington Post*, 12.06.2018. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/politics/wp/2018/06/12/trump-and-kim-joint-statement-from-the-singapore-summit/> (accessed 04.07.2024).

²⁰ Подробнее о ходе переговоров см.: [13].

²¹ Atwood K. Biden Team Weighs North Korea Policy as the Era of Trump's 'Love' Letters with Kim Ends. *CNN*, 03.12.2020. Available at: <https://www.cnn.com/2020/12/03/politics/biden-north-korea-challenge/index.html> (accessed 08.06.2024).

²² Lee M.Y.H., Kim M.J. What You Need to Know About South Korea's President-Elect, Yoon Suk-Yeol. *The Washington Post*, 09.03.2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/09/south-korea-yoon-suk-yeol-president/> (accessed 17.09.2024).

²³ Liptak K. U.S. and South Korea Signal Willingness to Expand Military Drills in Response to Nuclear North. *CNN*, 21.05.2022. Available at: <https://www.cnn.com/2022/05/20/politics/joe-biden-south-korea-saturday/index.html> (accessed 08.06.2024).

²⁴ В Южной Корее сообщили о пуске КНДР баллистической ракеты “Хвасон-15”. *Известия*, 19.02.2023. Available at: <https://iz.ru/1472373/2023-02-19/v-uzhnoi-koree-soobshchili-o-puske-kndr-ballisticheskoi-rakety-khvason-15> (accessed 05.12.2024).

названием “Политика в отношении ядерного оружия”²⁵, который стал первым в истории страны доктринальным документом в области ядерной политики. Ким Чен Ын объявил о том, что статус КНДР как ядерного государства “является окончательным и необратимым” и что в ходе будущих переговоров “никогда не будет никаких заявлений об отказе от ядерного оружия или денуклеаризации”²⁶.

В апреле 2023 г. президент Юн совершил визит в США, посвященный 70-летней годовщине союзнических отношений двух стран, в ходе которого стороны подписали Вашингтонскую декларацию. Одним из ключевых ее аспектов стал план по созданию Консультативной группы по ядерным вопросам, нацеленной на укрепление расширенного сдерживания, и обсуждение вопросов ядерного и стратегического планирования²⁷. В рамках декларации также было предусмотрено, что впервые за 42 года американские АПЛ вновь начнут заходить в южнокорейские порты²⁸.

Важно не столько содержание декларации, сколько ее символическое значение как залога прочных союзнических отношений. Перед лицом предполагаемой экзистенциальной угрозы со стороны Пхеньяна Сеул предпринимает попытки заручиться дополнительными гарантиями безопасности со стороны США – осуществить так называемый *entanglement*, то есть опутывание партнера обязательствами, от которых тому трудно будет отказаться в случае кризиса или начала вооруженного конфликта²⁹. В сообщении, опубликованном президентским офисом РК вскоре после подписания декларации, содержалось прямое сравнение американо-южнокорейского ядерного сотрудничества с концепцией “совместных ядерных миссий” (*nuclear sharing*) НАТО [16]³⁰. Звучали предложения вернуть американское ЯО на территорию Южной Кореи³¹. В политических кругах США, однако, отсутствует консенсус относительно целесообразности принятия на себя таких обязательств³².

На этом фоне в южнокорейском обществе усиливается поддержка идеи создания собственного ядерного арсенала. Согласно данным опроса, проведенного в 2023 г., 76% населения выступают за разработку ядерного оружия³³. За последнее десятилетие число выступающих “за” не опускалось ниже 50% за исключением периода потепления межкорейских отношений в 2018 г., когда оно составило примерно 43%³⁴. В политических кругах наибольшую поддержку идея создания ядерного арсенала имеет среди консервативных сил.

На сегодняшний день основными сдерживающими факторами для стран, желающих разработать ЯО, остаются международное осуждение, риски санкций и дипломатической

²⁵ Лисицына М. КНДР приняла закон о нанесении ядерного удара в случае “неизбежных” угроз. *РБК*, 09.09.2022. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2022/631a7dae9a79475a369a3652> (accessed 10.06.2024).

²⁶ Иванов И. Новый закон о ядерных силах КНДР: концепция превентивного удара. *TACC*, 12.09.2022. Available at: <https://tass.ru/opinions/15723299> (accessed 06.12.2024).

²⁷ Под расширенным сдерживанием подразумевается готовность США применить все средства, включая ядерные, ради защиты союзника.

²⁸ Lendon B., Seo Y., Bae G. Nuclear Capable U.S. Submarine Makes First Port Call in South Korea in Four Decades. *CNN*, 18.07.2023. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/07/18/asia/us-navy-ballistic-missile-submarine-south-korea-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 13.11.2024).

²⁹ Подробнее о системе взаимоотношений США с их союзниками в АТР, включая пример установления связей с первым президентом Республики Корея Ли Сын Маном, см.: [15].

³⁰ *Nuclear sharing* представляет собой комплексную политику НАТО, а рамках которой неядерные страны – члены НАТО участвуют в принятии решений, связанных с применением размещенного на территории Европы американского ядерного оружия, и проходят обучение пилотированию тяжелых бомбардировщиков, способных нести это оружие.

³¹ Пламенев И. Болтон призвал США разместить тактическое ядерное оружие в Южной Кореи. *РБК*, 25.04.2023. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2023/64478ea29a794759dc4bb376> (accessed 05.12.2024).

³² Song S. (LEAD) U.S. Has No Plans to Forward-Deploy Nuclear Arms to Korean Peninsula: State Dept. *Yonhap News Agency*, 31.05.2024. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240531000451315> (accessed 24.08.2024).

³³ Jung M. Over 76% of South Koreans Support Development of Nuclear Weapons. *The Korea Times*, 30.01.2023. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/08/113_344519.html (accessed 24.08.2024).

³⁴ Анализ поддержки ядерного оружия среди южнокорейцев в 2024 г. См.: Kim Y. 2024 *한국인의 핵무장 지지 분석: 워싱턴 선언의 안심 효과 사라졌나? 동아시아 연구원*. Available at: https://eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22784&board=kor_issuebriefing (accessed 13.11.2024).

изоляции. Южная Корея, как развитое государство, интегрированное в мировую экономику и международные институты, понимает опасности, связанные с созданием собственной ядерной программы. Тем не менее на фоне усиливающейся напряженности в регионе и растущих опасений по поводу возможного пересмотра новой администрацией США своей приверженности альянсу, вероятность изменения политического курса Сеула постепенно увеличивается.

В прошлом Южная Корея осуществляла собственные разработки в области военного атома, что свидетельствует о наличии у нее определенного технологического потенциала и экспертизы. В случае если Сеул решит не полагаться на Вашингтон и пойти по пути создания собственного ядерного арсенала, то у него уже есть необходимые средства для его запуска – баллистические ракеты *Hyunmoo-5*. Предполагается, что дальность полета представленных 1 октября 2024 г. новых ракет может составлять 5000 км³⁵. Как отмечают авторы доклада “Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире” [12], доступ к необходимым для создания непосредственно ядерного оружия материалам и технологиям может быть обеспечен путем пересмотра Соглашения 123 о сотрудничестве с США в области мирного атома³⁶ или посредством приобретения АПЛ.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК ВАШИНГТОН–СЕУЛ–ТОКИО

Постепенно выстраивается стратегический треугольник США–РК–Япония, нацеленный на выработку единой стратегии в области обеспечения региональной безопасности. Несмотря на исторические разногласия и сложные взаимоотношения между РК и Японией, общая угроза со стороны КНДР и растущее влияние КНР в регионе способствуют сближению этих двух стран при активном содействии со стороны США. Дополнительный импульс развитию альянса придает укрепление связей между Россией и КНДР.

В ходе встречи с премьер-министром Японии Фумио Кисидой 7 мая 2023 г. президент Юн заявил, что не исключает участия Японии в американо-корейской Консультативной группе по ядерным вопросам. Кисида, хотя и не выразил готовности немедленно присоединиться к группе, согласился с необходимостью усиления сдерживания в рамках двустороннего японо-американского сотрудничества в области безопасности³⁷.

18 августа 2023 г. в Кэмп-Дэвиде прошла встреча лидеров Республики Корея, США и Японии³⁸, которые декларировали намерение углублять трехстороннее военное и экономическое сотрудничество, а также выступили с решительным совместным осуждением “опасного и агрессивного поведения” КНР в Южно-Китайском море³⁹. Для противодействия источникам региональным угроз, к которым они помимо КНР отнесли также Россию и КНДР, было решено ежегодно проводить совместные военные учения⁴⁰.

Реакция Москвы, Пекина и Пхеньяна не заставила себя ждать. Ким назвал участников саммита “главарями преступной шайки” и раскритиковал объявление о

³⁵ Моисеев А. Ракета с рекордно тяжелой боеголовкой весом 8 тонн впервые показана в Сеуле. *Российская газета*, 01.10.2024. Available at: <https://rg.ru/2024/10/01/raketa-s-rekordno-tiazhelej-boegolovkoj-vesom-8-tonn-vpervye-pokazana-v-seule.html> (accessed 06.12.2024).

³⁶ Соглашение 123 – название категории договоров, заключаемых Вашингтоном на двусторонней основе, которые регулируют условия сотрудничества в области мирного атома, включая поставки ядерных материалов, технологий и оборудования, а также обеспечение соблюдения принципов нераспространения ядерного оружия.

³⁷ В Южной Корее заявили, что декларация с США о сдерживании КНДР не исключает участия Японии. *TACC*, 07.05.2023. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17696237> (accessed 13.06.2024).

³⁸ *Fact Sheet: The Trilateral Leaders' Summit at Camp David*. The White House. 18.09.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/fact-sheet-the-trilateral-leaders-summit-at-camp-david/> (accessed 12.06.2024).

³⁹ Hunnicutt T., Brunnstrom D., Shin H. U.S., South Korea and Japan Condemn China, Agree to Deepen Military Ties. *Reuters*, 19.08.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-south-korea-japan-agree-crisis-consultations-camp-david-summit-2023-08-18/> (accessed 13.06.2024).

⁴⁰ *Fact Sheet: The Trilateral Leaders' Summit at Camp David...* Op. cit.

трехсторонних военных учениях как “безрассудные конфронтационные шаги США и других враждебных сил”, которые способствуют нестабильности и повышают риск ядерной войны⁴¹. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров охарактеризовал новые договоренности как проявление “натовского экспансионизма”, нацеленного на развал АСЕАН и против России и Китая⁴².

17 июня 2024 г. в интервью агентству *Bloomberg* министр обороны Южной Кореи Син Вон Сик заявил, что в скором будущем Вашингтон, Сеул и Токио могут подписать трехстороннее соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности для борьбы “с ядерной угрозой со стороны КНДР”⁴³. Избранный 1 октября 2024 г. премьер-министр Японии Сигэру Исиба, активно поддерживающий концепцию ядерного сдерживания через политику *nuclear sharing*, в октябре 2024 г. заявил о планах начать переговоры с США о создании консультативного органа по ядерным вопросам, подобного группе, учрежденной в рамках Вашингтонской декларации. Кроме того, он выступил с инициативой создания “азиатской НАТО”⁴⁴.

Хотя в ближайшей перспективе создание “азиатской НАТО” представляется маловероятным, такие инициативы не могут не вызывать опасения с точки зрения перспектив ядерного распространения, поскольку они подчеркивают растущую обеспокоенность Японии и других стран региона их безопасностью на фоне нестабильности в Восточной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усиление регионального противостояния, активизация военного сотрудничества и расширение стратегических альянсов в АТР серьезно затрудняют поиск эффективных путей решения проблем распространения оружия массового уничтожения и способствуют росту недоверия между странами. Эти факторы не только усложняют дипломатические усилия по решению проблем ядерного распространения, но и усугубляют общую ситуацию в регионе.

Расширение военного сотрудничества и создание стратегических альянсов в АТР размывает нормы нераспространения ЯО. Это особенно ярко проявляется в контексте реализации партнерства АУКУС, в рамках которого два ядерных государства предоставляют третьему, неядерному АПЛ и технологии для их строительства – беспрецедентный по сути шаг, способный повлечь серьезные негативные последствия для режима нераспространения.

Решение о передаче Австралии АПЛ вызывает серьезные вопросы о справедливости и последовательности применения норм нераспространения, ставя под сомнение обязательства, взятые на себя ядерными державами. В долгосрочной перспективе это может привести к эрозии и подмене действующей нормы, направленной против распространения ядерного оружия.

Особые опасения в этом контексте вызывают Южная Корея и Япония, которые обладают необходимыми ресурсами, технологическим потенциалом и мотивацией для разработки собственных военных ядерных программ. Южная Корея, в частности, уже открыто выражает интерес к созданию ЯО, аргументируя это необходимостью усиления обороны в ответ на угрозы со стороны Северной Кореи.

⁴¹ Choi S. North Korea Denounces ‘Gang Bosses’ of U.S. and Allies amid Drills. *Reuters*, 29.08.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-koreas-kim-calls-strengthening-naval-forces-kcna-2023-08-28/> (accessed 13.06.2024).

⁴² Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 23 сентября 2023 года. МИД РФ. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1905973/ (accessed 16.09.2024).

⁴³ США, Южная Корея и Япония могут подписать соглашение по борьбе с ядерной угрозой. *TACC*, 17.07.2024. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21115537> (accessed 24.08.2024).

⁴⁴ Агафонов К. Сигэру Исиба: новый премьер Японии с фантазиями об аналоге НАТО в Азии. *TACC*, 2.10.2024. Available at: <https://tass.ru/opinions/22020565> (accessed 06.12.2024).

Подводя итог, можно отметить, что стремление государств усилить военную мощь и сформировать новые стратегические альянсы в АТР наглядно подтверждает основные положения теории политического реализма. В этой парадигме вопросы национальной безопасности превалируют над соблюдением международных норм, определяя приоритеты в процессе принятия решений. Такой курс подрывает глобальные усилия по предотвращению распространения ядерного оружия, ослабляет эффективность существующих механизмов контроля и ограничения, создавая тем самым как непосредственные, так и долгосрочные угрозы для международной стабильности и безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Никитин А.И. Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона. Арбатов А.Г., отв. ред. *Стратегический обзор 2023*. Москва, МГИМО-Университет, 2024, сс. 115-134. [Nikitin A.I. Security in the Asia-Pacific Region. Arbatov A.G., ed. *Strategic Review 2023*. Moscow, MGIMO-University, 2024, pp. 115-134 (In Russ.)]
2. Лукин А.В. Американско-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность. *Россия в глобальной политике*, 2023, т. 21, №1, сс. 118-137. [Lukin A.V. US-China Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality. *Global Affairs*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 118-137. (In Russ.)] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/amerikano-kitajskoe-atr/> (accessed: 23.06.2024). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137
3. Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1948. 516 p.
4. Walt S. *The Origins of Alliances*. Ithaca, Cornell University Press, 1987. 336 p.
5. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, W.W. Norton & Company, 2001. 555 p.
6. Sagan S.D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb. *International Security*, 1996, no. 21, vol. 3, pp. 54-86. DOI: 10.1162/isec.21.3.54
7. Rublee M. *Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint*. Athens, University of Georgia Press, 2009. 297 p.
8. Hymans J. *The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions and Foreign Policy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 273 p.
9. Solingen E. *Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East*. Princeton, Princeton University Press, 2007. 406 p.
10. Potter W., Mukhatzhanova G. *Forecasting Nuclear Proliferation in the 21st Century. A Comparative Perspective*. Vol. 2. Redwood City, Stanford University Press, 2010. 482 p.
11. Carlson J. *IAEA Safeguards, the Naval 'Loophole' and the AUKUS Proposal*. Vienna Center for Disarmament and Nonproliferation. 2021. 10 p. Available at: <https://vcndp.org/wp-content/uploads/2021/10/Safeguards-and-naval-fuel-JC-211008.pdf> (accessed 13.06.2024).
12. Орлов В.А., Семенов С.Д., ред. *Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире*. Москва, ПИР-Пресс, 2023. 235 с. [Orlov V.A., Semenov S.D., eds. *A New Nuclear Nine? Assessing the Threats of Nuclear Proliferation in the World*. Moscow, PIR-Press, 2023. 235 p. (In Russ.)]
13. Селезнева Д.А. Проблемы и перспективы Договора о нераспространении ядерного оружия. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 4, сс. 61-73. [Selezneva D.A. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Problems and Prospects. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2022, no. 4, pp. 61-73. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2022-4-61-73
14. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В., ред. *Современная Корея. Метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. Москва, Просвещение, 2021. 448 с. [Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V., eds. *Modern Korea. Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)*. Moscow, Prosveshcheniye Publishers, 2021. 448 p. (In Russ.)]
15. Cha V. *Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 352 p.
16. Селезнева Д.А. Состояние и перспективы ядерного нераспространения. Арбатов А.Г., Богданов К.В., Гусарова О.В., Евтодьева М.Г., отв. ред. *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция*. Москва, Весь мир, 2023. 432 с. [Selezneva D.A. State and Future Prospects of Nuclear Non-Proliferation. Arbatov A.G., Bogdanov K.V., Gusarova O.V., Evtodieva M.G., eds. *International Security: The New World Order and Technology Revolution*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 432 p. (In Russ.)]

